

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО»
(БГУ)

На правах рукописи

Гончаров Евгений Владимирович

**АНТИГЕРМАНСКАЯ ПРОПАГАНДА ВО ФРАНЦИИ В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Артамошин Сергей Викторович

Брянск – 2023

Оглавление

Введение	3
Глава I. Трансформация образов и представлений о Германии внутри французского общества накануне Первой мировой войны	28
1.1. Германия во французском общественном мнении 1871–1914 гг.	28
1.2. «Священный союз» и патриотический подъем в начале войны	52
Глава II. Система французской пропаганды в период с 1914 по 1918 гг.	75
2.1. Становление и структура органов пропаганды.....	75
2.2. Создание системы цензуры и ее влияние на деятельность средств массовой информации	99
Глава III. Особенности пропагандисткой деятельности во Франции в 1914-1918 гг.: средства и содержание	117
3.1. Основные средства и способы распространения пропаганды	117
3.2. Визуализация образов в материалах пропаганды.....	147
Заключение.....	192
Библиография	199
Приложения.....	217

Введение

История военных конфликтов во всех её сложностях и противоречиях привлекает внимание исследователей своей многогранностью, и одним из ее аспектов, вызывающих особый интерес, является информационное противостояние враждующих сторон. Проблема пропаганды как метода воздействия на сознание общества в ходе межгосударственных вооруженных конфликтов не теряет своей актуальности и в наши дни. Эпоха кануна Первой мировой войны сыграла значительную роль в эволюции инструментов пропагандистского манипулирования общественным мнением. Она началась в то время, когда целый ряд взаимодействующих политических, социальных, коммерческих, военных и технологических факторов породил широкий спектр средств массовой информации, через которые могла распространяться пропаганда, включая официальные и неофициальные каналы, периодические издания (газеты, журналы), фильмы, печатную продукцию (книги, брошюры, фотографии, плакаты, карикатуры), устные выступления политических общественных деятелей.

Анализируя методы, которые использовала пропаганда во время Первой мировой войны, американский политолог Г. Лассуэлл отмечал, что во многом пропаганда «зависит от умелого использования средств в благоприятных условиях». По замечанию исследователя, «средство – это все, чем пропагандист может манипулировать; условие – это все, к чему он должен приспособиться»¹. Кроме военного и экономического фронтов, война велась и на пропагандистском. Правительства целенаправленно организовывали институты и структуры для ведения пропаганды против своих врагов или воздействия на союзников, нейтралов и собственное население, что стало неотъемлемой частью военного конфликта.

В годы Первой мировой войны правительство Франции создало достаточно мощный информационно-пропагандистский аппарат, который проводил активную работу в области информационного противодействия и

¹ Лассуэлл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.-Л., 1929. С. 185.

оказывал огромное влияние на восприятие образа войны и врага во французском обществе. Информационное противостояние этого периода остается актуальной темой в историографии Великой войны. Этот аспект конфликта отличается недостаточной изученностью институтов пропаганды Франции и степенью их влияния на формирование образа врага, противника в сознании граждан в условиях военного времени. Государственная военная пропаганда периода Первой мировой войны подтолкнула исследователей к всестороннему осмыслению данного явления как уникального феномена, ставшего неотъемлемой частью многих вооруженных конфликтов XX столетия.

Степень изученности проблемы

Основной спектр исследовательской литературы, посвященной военной пропаганде, можно условно представить тремя группами. К первой группе относятся работы, посвященные теоретическим аспектам пропаганды и практики ее применения в межгосударственном противостоянии в XIX–XX вв. Вторую группу исследований составляют труды, направленные на изучение практики пропаганды в странах Европы (Германии, Великобритании, Российской империи). Третью группу составили исследования, анализирующие систему управления информацией, социально-психологические и культурно-ментальные аспекты пропаганды Франции.

Первая мировая война стала поворотным пунктом в развитии теории и практики пропаганды. В первые послевоенные десятилетия появился ценный ряд обобщенных работ, изучающих роль пропаганды в Великой войне. Опыт военного времени показал огромное значение информационного воздействия на войска и общество противника. Это нашло отражение в ряде исследований, направленных на изучение теории и практики пропаганды. Эти работы созданы лицами, которые во время войны занимали важные должности в организациях, участвовавших в решении вопросов распространения пропаганды. Таковы, например, труды руководителя

Комитета по общественной информации США Д. Крила², заместителя директора Управления по пропаганде в неприятельских странах Великобритании К. Стюарта³, руководителя немецкой военной разведки В. Николаи⁴.

Большой вклад в изучение вопроса пропаганды внесли видные германские ученые, бывшие современниками исследуемых событий: И. Пленге⁵, Э. Штерн-Рубарт⁶, Ф. Тэннис⁷ и К. Башвиц⁸.

Первым серьезным исследованием, в котором описано общее использование пропаганды и ее влияние на население страны противника, явилась вышедшая в свет в 1927 г. книга Г. Лассуэлла⁹, ставшая со временем классическим сочинением по изучению массовой коммуникации. В своем труде автор попытался обобщить пропагандистскую практику стран-участниц Первой мировой войны. Теоретическим аспектам пропаганды посвящена работа Э. Бернейса, опубликованная в 1928 г.¹⁰ По мнению автора, пропаганда строится на том, что новые идеи проникают в общество через активно мыслящее меньшинство. Общественное мнение является непременным условием успеха любой деятельности монархического, демократического или коммунистического правительства. В своей книге Бернейс анализирует идею использования пропаганды для управления коллективным разумом в различных областях: политике, искусстве, науке и образовании. В книге приведен ряд практических примеров и теоретических обоснований воздействия пропаганды на общественное мнение. Особое место в ряду исследований, посвященных пропаганде, занимает работа британского дипломата А. Понсонби¹¹. Автор определяет роль, которую

² Creel G. How we advertised America. New-York, 1920.

³ Стюарт К. Тайны дома Крю: Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. М., 1928.

⁴ Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М., 2021.

⁵ Plenge J. Deutsche propaganda: Die lehre von der propaganda als praktische gesellschaftslehre. Bremen, 1922.

⁶ Stern-Rubarth E. Die propaganda als politisches instrument. Berlin, 1921.

⁷ Tönnies F. Kritik der öffentlichen Meinung. Berlin, 1922.

⁸ Baschwitz K. Der Massenwahn. München, 1924.

⁹ Лассуэлл Г. Указ. соч.

¹⁰ Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010.

¹¹ Ponsoby A. Falsehood in Wartime. London, 1928.

играла пропаганда в Первой мировой войне, анализирует конкретные детали работы пропагандистских органов воюющих держав. Особое внимание уделяется мифологии конфликта. Будучи убежденным пацифистом, А. Понсонби, понимал, что война всегда сопровождается бесчисленными актами насилия и варварства и что пропаганда не всегда отражает истинное положение дел, поэтому в своей работе он, в первую очередь, акцентировал внимание на принципах пропаганды, основанной на лжи, которую распространяли правительства для того, чтобы вселить гнев, страх и ненависть по отношению к населению страны противника. Однако книга Понсонби комплексно не рассматривает устройство военной пропаганды, а лишь описывает ее основные механизмы.

После выхода в свет книги Г. Лассуэлла появились труды, направленные на исследование различных аспектов информационного противостояния. Очевидно, первыми работами, анализировавшими военную пропаганду стран Антанты, направленную против Германии, стали труды Д. Хубера¹², Г. Тимма¹³ и Д. Брунца¹⁴. Авторы исследуют развитие пропаганды как в плане организации, так и в отношении используемых методов. Подробно рассматривается деятельность пропагандистских организаций в Великобритании, Франции и Германии. Однако недостаток исследований заключается в том, что в них делается основной акцент на немецкой оценке результатов союзной пропаганды.

После Второй мировой войны, обобщая новый опыт пропаганды, П. Лайнбарджер расширил исследовательское поле информационной войны. Его работа¹⁵ включает четыре объёмные части: определение психологической войны и её история; анализ общественного мнения, разведка, оценка обстановки; планирование и проведение операций; психологическая война. Автор подробно излагает теорию и практический

¹² Huber G. Die französische propaganda im Weltkrieg gegen Deutschland 1914 bis 1918. München, 1928.

¹³ Thimme H. Weltkrieg ohne Waffen. Die Propaganda der Westmächte gegen Deutschland, ihre Wirkung und ihre Abwehr. Berlin, 1932.

¹⁴ Bruntz G. Allied propaganda and the collapse of the German Empire in 1918. London, 1938.

¹⁵ Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 1962.

опыт пропагандистской работы во время вооруженных конфликтов. Однако пропаганде во время Первой мировой войны автор посвящает только одну главу.

Нельзя не отметить монографию бельгийского историка А. Морелли¹⁶, которая попыталась исследовать новые варианты форм информационного воздействия, одинаково используемых всеми сторонами в современных конфликтах. В своем труде автор обобщила выводы А. Понсонби о пропаганде во время Первой мировой войны и систематизировала их в форме своих десяти принципов.

Полноценная характеристика французской информационной системы невозможна без сравнения её с союзной британской пропагандой и пропагандистскими действиями враждебной германской стороны. Среди исследований, посвященных британской пропаганде, большинство сконцентрировано на кампании за рубежом в последний год Первой мировой войны. Однако существуют несколько заметных исключений. В настоящее время одним из наиболее авторитетных трудов по британской пропагандистской деятельности до 1918 г. остается работа Д. Сквайрса¹⁷. Однако автор не смог установить точную связь между различными официальными отделами пропаганды, возникшими после начала войны в 1914 г. Он также не смог дать полную оценку значению британской кампании в Соединенных Штатах по отношению к различным неофициальным мероприятиям многочисленных частных пропагандистских организаций, которым он уделял значительное внимание в своей работе. Биография Ч.Ф.Г. Мастермана, написанная его женой Л. Мастерман¹⁸, помогла пролить свет на деятельность Британского бюро военной пропаганды «Веллингтон-хаус» до 1917 г. Но наиболее важным исследованием после работы Сквайрса остается труд Х. К. Петерсона¹⁹, где

¹⁶ Morelli A. Die Prinzipien der Kriegspropaganda. Springe, 2004.

¹⁷ Squires J. D. British Propaganda at home and in the United States from 1914 to 1917. Cambridge. 1935.

¹⁸ Masterman L. C. F G. Masterman. London, 1939.

¹⁹ Peterson H. C. Propaganda for war: the campaign against American neutrality, 1914–1917. Norman. 1939.

автор рассматривает пропаганду, с помощью которой британцы дискурсивно выстраивали свои действия против Германии с целью вовлечь Соединенные Штаты Америки в глобальный конфликт. Более современные исследователи Д. Коллинз²⁰, М. Огилви-Уебб²¹ и Ф. Кларк²² склонны рассматривать ранние работы как некую хаотичную прелюдию к порядку, который внёс в британскую пропаганду лорд Бивербрук. Общее впечатление от данных исследований таково, что британская пропаганда в 1914–17 гг. была плохо организована из-за ряда решений, которые привели к её неэффективности, нерациональному использованию материалов, дублированию усилий и медлительности в использовании пропагандистских инструментов. Среди обзоров британской пропаганды, возможно, наиболее авторитетным является труд М.Л. Сандерса и Ф.М. Тейлора²³, в котором рассматривается участие британского правительства в пропаганде во время Первой мировой войны. В работе авторами предпринята попытка детальной её переоценки на основе сохранившихся источников и создания авторитетного отчета как средства прояснения многочисленных противоречий, появившихся в более ранних исследованиях. Тенденция системного анализа разных аспектов британской пропаганды стала прослеживаться в 1990-х гг. В 1995 г. вышла в свет монография Т. Роуз²⁴, в которой автор попыталась представить обзор структуры и механизмов британской системы управления информацией (бюрократической структуры цензуры в Великобритании) во время Первой мировой войны. В сборнике сравнительных эссе под руководством Д. Хорна²⁵ основное внимание уделяется политической и культурной мобилизации населения основных воюющих стран Европы. В нем исследуется, как и почему общества конфликтующих стран так долго поддерживали войну (как солдаты и гражданские лица), почему эта

²⁰ Collins D. Aspects of British politics, 1904–1919. London. 1965.

²¹ Ogilvy-Webb M. The government explains: a study of the information services. London 1965.

²² Clark F. The central office of information. London, 1970.

²³ Sanders M. L., Taylor P.M. British propaganda during the First World War. London, 1982.

²⁴ Rose T. Aspects of political censorship 1914–1918. Hull, 1995.

²⁵ Horne J. M. State, Society and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997.

поддержка ослабла перед лицом разрушительных последствий окопной войны и почему государства с более сильной степенью политической поддержки и национальной интеграции (такие как Великобритания и Франция) в конечном итоге добились успеха. Отметим незначительное количество материалов по управлению информацией в Германии во время Первой мировой войны. Одним из наиболее серьезных исследований такого рода является работа Д. Уэлча²⁶, которая представляет собой тщательный анализ влияния пропаганды на моральный дух Германии в период с 1914 по 1918 гг.

Изучение вопросов пропаганды невозможно без обращения к исследованиям по социальной и политической истории французского общества, системы управления пропагандой и государством в целом. Следует отметить, что интерес французских авторов скорее находится в области изучения тематики истории культурной войны и военной повседневности. Среди работ по системе управления Францией с 1914 по 1918 гг. наиболее содержательным признается труд П. Ренувена²⁷. Автор детально описал функции правительства, эффективно используя доступные ему источники, в основном мемуары, написанные представителями правительств военного времени, а также официальные отчеты. Обстоятельное исследование политической ситуации Франции во время Первой мировой войны, вошедшее во второй из семи томов, написанных Ж. Боннефу, посвящено политической истории Третьей республики²⁸. Работа Ж.-Б. Дюрозеля²⁹ рассматривает в хронологическом порядке ряд аспектов, связанных с внутренней и внешней политикой, экономикой военного времени.

Анализируя зарубежную историографию, следует отметить исследования, посвященные деятельности французской системы пропаганды. В исследовании Р. Коллинза³⁰ анализируются основные цели и структура

²⁶ Welch D. Germany, propaganda and total war 1914–1918: the sins of omission. London, 2000.

²⁷ Renouvin P. The Forms of war government in France. New Haven, 1927.

²⁸ Bonnefous G. Histoire politique de la Troisième République Vol. 2. Paris, 1967.

²⁹ Duroselle J.-B. La Grande guerre des français 1914 1918. Paris, 1994.

³⁰ Collins R. The development of censorship in World War I France. Columbia, 1992.

французской системы управления информацией военного времени, введение Циркуляра 1000 (сентябрь 1915 г.) и его влияние на стандартизацию цензурной политики по всей стране. В работе М. Райсфю³¹ рассматриваются разные аспекты государственного информационного противодействия во время войны. Характеризуя цензуру прессы, рекламы, памфлетов, почты, феминистских движений, музыки, театра и кабаре, исследователь приходит к выводу, что французское правительство при введении цензуры значительно расширило свои полномочия сверх того, что было необходимо для сохранения общественного порядка и военной дисциплины. Аргументируя свою точку зрения, М. Райсфю обращается к анализу цензуры в сфере культуры в Париже и писем, написанных солдатами своим семьям. Труд профессора О. Форкада³², содержащий подробные диаграммы, графики и обширную библиографию, также является важным источником для исследований ученых, изучающих вопросы пропаганды и цензуры. По наблюдениям автора, к цензуре военного времени население Франции относилось со значительной долей терпения, более того, к 1918 г. журналисты настолько освоились с цензурной практикой, что самоцензура стала основным методом контроля французской прессы. По мнению исследователя, цензура оказала положительное влияние на сплочение нации в поддержку военных действий.

В целом ряде зарубежных исследований представлены несколько работ по истории становления конкретных газет и их роли в формировании французского общественного мнения в эпоху Первой мировой войны. Вопросам истории французской печати посвящены работы Ш. Ледре³³ и совместный труд нескольких исследователей под редакцией К. Белланже³⁴: в них описана эволюция французской прессы как на национальном, так и на региональном уровнях. Однако её деятельность в годы Первой мировой

³¹ Rajsfus M. *La Censure militaire et policière 1914–1918*. Paris, 1999.

³² Forcade O. *La censure en France pendant la Grande guerre*. Paris, 2016.

³³ Ledré C. *Histoire de la presse*. Paris, 1958.

³⁴ Bellanger C. *Histoire générale de la presse française*. Vol. 3. Paris, 1972.

войны освящена лишь фрагментарно. Во французской историографии также существуют более подробные исследования, посвященные работе отдельных газет. В официальной истории *Le Petit Parisien*³⁵ утверждается, что Ж. Дюпуи, влиятельный редактор и владелец газеты, был в авангарде создаваемой государством пропаганды. Вопросы возникновения и развития окопных газет во Франции во время войны освещаются в исследовании С. Одуэн-Рузо³⁶. Работа К. Бланден³⁷ посвящена истории становления старейшей ежедневной газеты *Le Figaro*, в которой распространялись различные материалы французской пропаганды (карикатуры, статьи, фотографии и т.д.). Деятельности крупнейшего французского информационного агентства Гавас во время Первой мировой войны, которое, благодаря обширной сети зарубежных контактов, сыграло решающую роль в распространении информации среди различных газет, посвящена работа А. Лефевра³⁸.

Подробное исследование политики официальной пропаганды в области манипулирования общественным мнением и специфики отношений между французской армией, представителями власти и руководителями прессы представлено в работах А. Дугласа³⁹ и Ж.-Л. Морена⁴⁰, вышедших в 2000-х гг. Анализируя подходы, которые демонстрировали генералы Ж. Жоффри, Р. Нивель и Ф. Петен в выстраивании отношений армии и средств массовой информации, авторы приходят к выводу о неоднозначности позиции командующих структур в решении данного вопроса.

Несмотря на то, что оценку общественного мнения во Франции между 1914 и 1918 гг. трудно верифицировать в силу отсутствия опросов населения того периода, некоторые исследователи попытались оценить настроения французов во время войны, изучая газетную журналистику, читательскую

³⁵ Amaury F. Histoire du plus grand quotidien de la Troisième République: Le Petit Parisien 1876–1944. Paris. 1972.

³⁶ Audoin-Rouzeau S. Men at War 1914–1918: National sentiment and french journalism in France during the First World War. Providence. 1992.

³⁷ Blandin C. Le Figaro. Deux siècles d'histoire. Paris. 2007.

³⁸ Lefebvre A. Havas: Les arcanes du pouvoir. Paris. 1992.

³⁹ Douglas A. War, memory, and the politics of humor: The Canard enchaîné and World War I. Berkley. 2002.

⁴⁰ Maurin J.-L. Combattre et informer: L'Armée française et les médias pendant la première guerre mondiale. Paris, 2009.

аудиторию газет, полицейские отчеты и сообщения префектур, мэров и т.д. Наиболее значимыми в этом направлении являются работы Ж.-Ж. Беккера⁴¹, Л. В. Смита, С. Одуэн-Рузо и А. Беккер⁴², в которых рассматривается французское общество период войны и в целом используются отчеты французских департаментов.

В 2004 г. во Франции вышла в свет «Энциклопедия Великой войны»⁴³, являющаяся результатом коллективной работы французских исследователей на протяжении нескольких лет. В ней собраны сотни статей, написанных ведущими специалистами по истории Первой мировой войны. В данной работе так или иначе затронуты различные аспекты конфликта: военный, политический, информационный, экономический, социальный, технический, религиозный, художественный и, в более широком смысле, культурный. Данная энциклопедия сопровождается обширной картографией и предлагает иконографию, по большей части неопубликованную, взятую из фондов французских архивов.

Сегодня трудно представить, что в течение многих лет Франция и Германия считали друг друга «заклятыми врагами». И все же на протяжении более века эти две страны вели друг против друга словесные, притом довольно жестокие, войны. В работе М. Нолана⁴⁴ рассматривается особенно острая фаза пропагандистского противостояния, когда каждый из народов этих стран проецировал определенные представления о национальном характере противника – искаженные образы, мотивированные антипатией, страхом и завистью, которые способствовали растущей враждебности между Францией и Германией в годы, предшествовавшие Первой мировой войне. Данное исследование показывает, что антагонизм между государствами

⁴¹ Беккер Ж.-Ж. Первая мировая война. М., 2006; idem. The Great War and the French People. New York, 1986; idem. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977; idem. La population française face à l'entrée en guerre // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990; idem. Le Carnet B, les pouvoirs publics et l'antimilitarisme avant la guerre de 1914. Paris, 1973.

⁴² Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War, 1914–1918. Cambridge, 2003.

⁴³ Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Encyclopédie de la Grande Guerre, 1914–1918: histoire et culture. Paris, 2004.

⁴⁴ Nolan M. The Inverted Mirror: Mythologizing the Enemy in France and Germany, 189–1914. New York, 2005.

носил не естественный, а социально обусловленный характер и это противостояние способствовало укреплению национальной идентичности.

Отечественная историография стала пополняться исследовательскими работами по пропаганде, начиная с конца 20-х гг. XX века. Изначально в советской историографии работы отечественных историков, посвященные проблемам пропаганды, имели обобщающий характер. Их взяли за основу последующие исследования, в которых более предметно изучались вопросы пропаганды, методика ее деятельности, давались практические рекомендации советским политработникам и представителям средств массовой информации. Здесь интересной с точки зрения историографии является статья А.А. Акопова⁴⁵, где рассматриваются такого рода работы, опубликованные в 1920-е гг.

Отечественные историографические исследования в меньшей мере затрагивали вопросы, связанные с французской пропагандой накануне и в ходе Первой мировой войны.⁴⁶ В этот же период в свет вышла работа Ф.Л. Блументаля⁴⁷. В своем труде автор стремился на наиболее характерных материалах и документах показать работу информационных систем Великобритании и Франции, с помощью которых страны пытались разрешить стоящие перед ними задачи, вызванные Первой мировой войной. Приоритет в исследовании Первой мировой войны был отдан именно военной и внешнеполитической истории; при этом социальная и внутривнутриполитическая история стран, участвовавших в конфликте, рассматривалась, главным образом, в той степени, в какой она повлияла на ход войны. В советский период проблема пропаганды находилась в прямой зависимости от политики государства и потребностей ее информационного обеспечения. По-видимому, именно поэтому в 1950-е гг. в качестве объекта

⁴⁵ Акопов А.А. Проблема пропаганды и формирования образа врага в периодической печати начала XX века: историографический обзор // Науч. проблемы гуманитар. исслед. 2008. № 10.

⁴⁶ Евдокимова Н.П., Виватенко С.В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб., 2006; Ключников Ю.В., Сабанин А. Итоги империалистической войны. М. 1925; Ревякин А.В. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008; Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. 1871–1919. М., 1928.

⁴⁷ Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну, 1914-1918. М., 1928.

исследования она не вызвала интерес у ученых. Работы 1980-х гг. по тематике мало чем отличались от предшествующих исследований, но в них наметился интерес ученых к освещению всего круга вопросов, которые относятся к сфере пропаганды. Сам процесс построения пропагандистской работы они стали рассматривать более широко, придавая значение ее моральным, психологическим, контрпропагандистским аспектам. Среди вызывающих интерес в этом плане можно отметить исследования Е.А. Блажнова⁴⁸, В.Д. Николаева⁴⁹, Д.А. Волкогонова⁵⁰.

В исследованиях 90-х гг., после того, как марксистская идеология в России перестает быть главенствующей, формируется более взвешенный, свободный от политической и идеологической конъюнктуры взгляд на проблему пропаганды. Ученые стремятся критически проанализировать путь, который прошли отечественные и зарубежные органы пропаганды от момента их создания до окончания изучаемого этапа. Значимыми в этом отношении являются работы А.Ф. Бережного⁵¹, Б.С. Горбачевского⁵². Огромный вклад в изучение Великой войны внес ученый-историк с мировым именем Ю.А. Писарев⁵³. Он явился основателем Ассоциации историков Первой мировой войны. Эта организация стала площадкой для общения специалистов по истории войны 1914 – 1918 гг. Значимым результатом деятельности Ассоциации стало значительное расширение источниковой базы и применение новых теоретико-методологических подходов в исследованиях. Среди значимых работ, посвященных мировому конфликту начала XX века, можно отметить труды В.Н. Виноградова⁵⁴, Б.М. Туполева⁵⁵, появление которых в определенной мере стимулировало интерес большего

⁴⁸ Блажнов Е.А. Пропаганда и журналистика. М., 1982.

⁴⁹ Николаев В.Д. Генераторы дезинформации. М., 1984.

⁵⁰ Волкогонов Д.А. Психологическая война. М., 1984.

⁵¹ Бережной А.Ф. Углубляясь в историю печати. СПб., 1996.

⁵² Горбачевский Б. С. Оружие мысли. М., 1991.

⁵³ Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5.

⁵⁴ Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5.

⁵⁵ Туполев Б.М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4-5.

круга отечественных историков к истории Первой мировой войны. В общем контексте некоторые аспекты информационного противодействия в период Великой войны представлены в исследованиях С.Н. Гриняева⁵⁶, Г.Г. Почепцова⁵⁷, Г.Ф. Вороненковой⁵⁸.

Вызывает интерес работа В.Е. Аникеева⁵⁹, в которой исследуется история французской прессы на протяжении значительного периода: от возникновения массовой печати в первой половине XIX в. до формирования системы, сложившейся в газетном мире Франции ко времени окончания Второй мировой войны. Отдельный акцент в работе сделан на развитии прессы как составной части политической истории Франции в период Великой войны.

В настоящее время отечественные авторы продолжают разрабатывать проблемы, касающиеся истории Первой мировой войны, разных аспектов международных отношений, экономики, общественного мнения, пропаганды, внутренней и внешней политики стран-участниц конфликта. Среди подобных исследований следует выделить работы Л.В. Ланника⁶⁰, которые затрагивают вопросы военно-политического устройства кайзеровской Германии накануне и в ходе войны. Особое внимание в трудах автора уделено военным элитам (генералитету, офицерам Генерального штаба, высшим чиновникам военного и морского министерств). Данные работы являются значимыми, так как в них исследована роль представителей этих государственных структур в различных аспектах жизни страны, в том числе и работе немецкой пропаганды. Анализу британских институтов государственной внутренней пропаганды и степени влияния средств массовой информации на

⁵⁶ Гриняев С. Н. Интеллектуальное противодействие информационному оружию. М., 1999.

⁵⁷ Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М., 2000.

⁵⁸ Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии (исторические предпосылки, особенности становления и эволюция, типологические характеристики, структура, состояние на рубеже тысячелетий). М., 2011.

⁵⁹ Аникеев В. Е. История французской прессы. М., 1999.

⁶⁰ Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012; он же. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016; он же. Русский фронт, 1914–1917 годы. СПб., 2018.

формирование общественного мнения посвящено диссертационное исследование Д.М. Селиверстова⁶¹. Отдельное внимание в работе уделено вопросам взаимодействия французов и англичан после того, как лорд Нортклифф взял на себя общее руководство английской пропагандой для вражеских стран. В диссертации Ю.М. Галкиной⁶² рассматриваются вопросы франко-российского взаимодействия в годы Первой мировой войны на примере французской военной миссии. Акцент в данной работе делается на сотрудничестве верховных главнокомандующих Франции и Российской империи. Автор детально анализирует проблемы в организации совместной разведки и пропаганды против Германии и в других своих исследованиях⁶³.

В российской историографии свое развитие получили социально-психологические и культурно-ментальные аспекты пропаганды. Проблема восприятия «другого», «врага» активно разрабатывается в современной научной литературе. Продолжаются споры вокруг имагологии – области исследования различных гуманитарных дисциплин, которая включает в себя изучение образов в социальном, культурном и литературном сознании различных стран. Этот аспект представлен, прежде всего, исследованиями Е.С. Сенявской⁶⁴, в которых автор изучает проблему формирования образа врага в сознании современников. В качестве исторического контекста автор выбирает различные регионы в основном в рамках российской проблематики. Следует также отметить диссертационное исследование Н.Ю. Забелиной⁶⁵, которое посвящено изучению образа врага и союзника в годы Первой мировой войны на примере Великобритании.

⁶¹ Селиверстов Д. М. Антигерманская пропаганда в Великобритании накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. исторических наук. Брянск, 2017.

⁶² Галкина Ю. М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. исторических наук. Екатеринбург, 2019.

⁶³ Галкина Ю. М. Коммеморативные практики пятидесятилетия Первой мировой войны во Франции (1964–1968) // Клио. 2019. №8.; она же. Организация и деятельность службы разведки Франции в Мурманске в апреле – августе 1918 года // Вестник САФУ. 2019. №5.

⁶⁴ Сенявская Е.С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3; она же. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. №2.

⁶⁵ Забелина Н. Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. исторических наук. М., 2011.

Значительный вклад в анализ общественного восприятия Первой мировой войны во Франции, а также в Великобритании и Российской империи в 1914–1915 гг. внесла монография Н.В. Юдина⁶⁶. Особое внимание в работе уделено изучению роли национальной идеи в формировании коллективных ценностей и идентичностей различных групп населения стран Антанты. Проблемы организации и деятельности пропаганды в странах-участницах Первой мировой войны нашли отражение и в других исследованиях автора⁶⁷. Все сложности патриотической мобилизации, которые сопровождали глобальный конфликт начала XX в., позволяет рассмотреть сборник научных докладов под редакцией К.А. Тарасовой⁶⁸. Во всей полноте явления учёные разных стран предприняли попытку исследовать культурную историю патриотизма в воюющих государствах. Авторы проанализировали язык, визуальные образы, государственные и общественные практики и их восприятие основными акторами исторического процесса. Опубликованные статьи позволяют рассмотреть данную проблему в сравнительном аспекте.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе практически нет работ, посвященных анализу французской пропаганды, равно как отсутствуют предметные исследования роли, методов и функций информационного противодействия. В целом разработку данной темы можно охарактеризовать как довольно фрагментарную. В научных работах частично затрагиваются аспекты официальной государственной пропаганды, формирование её механизмов и влияние на общественное мнение в годы Первой мировой войны посредством печати, кинематографа и литературы.

Объектом диссертационного исследования является французское общество накануне и в годы Первой мировой войны.

⁶⁶ Юдин Н. В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2017.

⁶⁷ Юдин Н. В. Полемика во французской печати вокруг закона о трехлетней воинской службе 1913 г.: к вопросу об общественных настроениях во Франции накануне Первой мировой войны // *Per Aspera...* 2011. №3; он же Создание образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны (август-декабрь 1914) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения.* 2012. № 3.

⁶⁸ Тарасова К. А. Культуры патриотизма в период Первой мировой войны. СПб., 2020.

Предметом диссертационного исследования выступает политика пропаганды Франции против Германии в 1914–1918 гг. и её влияние на общественное мнение в стране.

Цель исследования заключается в изучении принципов и этапов становления французской пропаганды, механизмов воздействия на общественное мнение накануне и в годы Первой мировой войны.

Для достижения цели диссертационного исследования представляется необходимым решение следующих **задач**:

- проследить эволюцию представлений французов о Германии накануне конфликта;
- проследить реакцию французской общественности на начало войны;
- рассмотреть становление, структуру, принципы функционирования и деятельность институтов пропаганды Франции во время Первой мировой войны;
- определить роль и значение основных средств, методов и принципов, которыми руководствовались деятели пропаганды и посредством которых они стремились к разрешению поставленных перед ними задач;
- выявить ключевые визуальные образы, использованные французской пропагандой.

Хронологические рамки исследования. Нижней границей работы являются 70-е годы XIX века. Франко-прусская война 1870–1871 гг. радикально изменила традиционное французское мнение о том, что немцы были безобидными мечтателями и второсортными солдатами. Война 1870 г. ознаменовала начало нового периода напряженности между Францией и Германией, который сопровождался все более беспощадной борьбой в международной системе. Франко-германские отношения в эти годы представляли собой «перевернутое зеркало» – идеальный симбиоз антипатии, страха и зависти, реакцией на которые явилась французская публицистика, начавшая поиски внешнего врага. Это, в свою очередь, наложило отпечаток

на процесс мифологизации франко-германского антагонизма. Верхняя граница датируется 1918 г., когда вся пропаганда союзников объединилась под руководством лорда Нортклиффа. До этого момента французы вели пропаганду против Германии от своего имени без упорядоченного и регулярного сотрудничества со своими союзниками.

Территориальные рамки исследования включают Францию, Германию, Бельгию, Великобританию, Российскую империю.

Методологическая основа диссертационного исследования. Методологической основой диссертационного исследования выступили принципы историзма. При анализе материала применялись системный, сравнительно-исторический методы. Системный метод позволил исследовать взаимосвязь разнообразных государственных структур и общественных организаций по информационному противодействию противнику. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить британскую и французскую систему военной пропаганды, что позволило выявить особенности последней. Изучение французской пропаганды предполагало использование методов новой исторической науки и междисциплинарного исследования. Изучение образа врага опиралось на имагологические принципы исследования. Визуализация противника в общественном сознании французов требовала привлечения иных методов, в том числе использование анализа креолизованного текста.

Источниковая база исследования. Для решения поставленных задач нами были использованы различные источники, которые можно объединить в несколько групп:

- 1) делопроизводственная документация – отчеты французского правительства, министерства иностранных дел, комиссий по расследованию немецких зверств и т.д.;
- 2) материалы периодической печати;
- 3) публицистика как источник, отражающий общественное мнение и влияющий на него;

4) источники личного происхождения (мемуары, воспоминания, письма);

5) пропагандистские изображения.

Первый официальный шаг на пути к публичной огласке материалов о немецких зверствах и их пропагандистскому использованию сделало французское правительство, которое создало Комиссию по расследованию действий, совершенных противником по нарушению международного права. Довольно подробный отчет объемом около 40 печатных страниц был представлен Председателю правительства 17 декабря 1914 г. Доклад был опубликован 8 января 1915 г. в «Официальном вестнике Французской Республики»⁶⁹. С тех пор появилась целая серия различных публикаций, среди которых официальный отчет являлся наиболее важным. Он также был известен как «Красная книга немецких зверств»⁷⁰. К официальному изданию прилагался 471 протокол расследования, а также фотодокументы (в основном виды разрушенных деревень и домов), большая часть которых исключена в других изданиях. Еще один отчет был представлен 8 марта 1915 г.; он состоял из 112 протоколов без фотографий. Второй отчет, как и последующие, не получил такого широкого распространения, как первый. Третий и четвертый отчеты были представлены правительству 1 и 6 мая 1915 г. соответственно. Они сопровождались многочисленными фотодокументами. 8 декабря 1915 г. был представлен пятый доклад с 274 протоколами и множеством фотографий. Четыре последующих отчета были сокращены, чтобы их можно было опубликовать в одном томе. Они были представлены 8 октября 1916 г., 6 февраля 1917 г., 12 апреля 1917 г. и 24 мая 1917 г.

У других союзных стран – Бельгии и Англии – также имелись свои комиссии по расследованию. Материалы, подготовленные английской

⁶⁹ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Rapports et procès-verbaux d'enquête de la commission instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation de Droit des gens. Paris, 1914-1919.

⁷⁰ Le livre rouge des atrocités allemandes d'après les rapports officiels des gouvernements français, anglais et belge par image. Paris, 1916.

стороной, выходили на французском языке⁷¹. Но для пропаганды во Франции важнее были официальные бельгийские отчеты, поскольку они были напечатаны издательством Berger-Levrault в Париже после оккупации Бельгии немецкими войсками и часто цитировались в других французских пропагандистских работах. Официальная комиссия правительства Бельгии подготовила 22 доклада, которые вышли в двух томах⁷².

Большую группу источников для данного диссертационного исследования составили материалы средств массовой информации, представленные, главным образом, публикациями наиболее влиятельных французских газет и журналов за 1914–1918 гг. Хотя были изучены материалы более чем двадцати периодических изданий, некоторым из них было уделено особое внимание. Эти газеты выходили миллионными тиражами, и даже издавались их региональные выпуски по департаментам с добавлением материалов о местных новостях. Во время Первой мировой войны они были основными источниками новостной информации даже для сельского обывателя. Кроме того, практически вся пресса, рассматриваемая в данном исследовании, имела в свободном доступе на фронте. Нами была предпринята попытка изучить ряд газет, которые представляли весь политический спектр. В ходе анализа массовой центристской прессы особое внимание было уделено *Le Matin*, *Le Petit Parisien*, *Le Journal* и *Le Petit Journal*. Кроме того, важным для исследования материалом послужили газеты *Le Temps* и *Le Figaro* – несмотря на то, что у этих газет было гораздо меньше подписчиков, они пользовались большим влиянием в образованных и политических кругах.

Особое внимание было уделено газетам французских политических партий, таким как *L'Oeuvre*, *L'Humanité*, *La Bataille*, *Le Pays*, *Le Rappel*, *L'Action Française*, *L'Echo de Paris* и др.

⁷¹ Rapport de la Commission d'enquête sur les atrocités Allemandes nommée par le Gouvernement de Sa Majesté Britannique et présidée par le Très Honorable Vicomte Bryce. London, 1915.

⁷² Rapports sur la violation du droit des gens en Belgique. Paris, 1915.

Аналізу подверглись журналы, содержавшие материалы визуальной пропаганды: *Annales politiques et littéraires*, *Le Rire*, *La Baïonnette* и т.д. Кроме того, следует упомянуть ряд журналов, в которых особо прослеживался пропагандистский элемент: *La Revue de Paris*, *La Revue deux Mondes*, *La Revue*, *La Nouvelle Revue*, *La Revue bleue*, *La grande Revue*, *Le Correspondant* и *Le Mercure de France*.

Произведения, принадлежащие перу профессиональных литераторов (художественная литература, публицистика и воспоминания), в которых затрагивалась военная проблематика, также представляют большой интерес для исследования. Многие авторы создавали свои произведения, пытаясь быть выразителями общественного мнения и высказывая свою точку зрения на внешние и внутренние проблемы. Особого внимания заслуживает отражение во французской литературе конца XIX– начала XX вв. таких тем, как шпиономания, прогнозирование возможных исходов войны, причины начала войны, формирование образов врага и союзников и т.д. В представленном исследовании были использованы материалы произведений А. Барбюса⁷³, Э. М. Ремарка⁷⁴, Ж. Верна⁷⁵, Э. Золя⁷⁶ и др.⁷⁷.

Наконец, в ходе исследования был привлечен достаточно большой массив мемуаров политиков, дипломатов, офицеров, представителей интеллигенции. Они позволяют не только проанализировать работу французского информационно-пропагандистского аппарата, но и воссоздать сложную и неоднозначную картину реакции современников на начало Первой мировой войны, изучить динамику изменений общественных настроений во Франции. По окончании войны многие современники считали необходимым донести до будущих поколений личное видение и

⁷³ Барбюс А. Огонь. М., 1982.

⁷⁴ Ремарк Э.М. На Западном фронте без перемен. М., 2020.

⁷⁵ Верн Ж. Пятьсот миллионов бегумы. М., 2019.

⁷⁶ Zola E. Les Soirées de Médan. Paris, 1955.

⁷⁷ Hansi. L'Histoire d'Alsace: racontée aux petits enfants d'Alsace et de France. Paris, 1913; Hansi. Mon village. Ceux qui n'oublient pas. Images et commentaires par l'oncle Hansi. Paris, 1913; Grelling R. J'accuse. London, 1916; idem. Le crime. Paris, 1918; Bruno G. Le tour de la France par deux enfants. Paris, 1877; Cahu T., Forest L. L'oubli? // L'Illustration. 1899, 29 juillet – 04 décembre.

оценку многих процессов и явлений, свидетелями которых они являлись или в которых участвовали лично. Так, в работе руководителя германской разведки и контрразведки времен Первой мировой войны В. Николаи⁷⁸ достаточно подробно описан полный механизм спецопераций Германии в 1914–1918 гг. Раскрыты ранее неизвестные имена и события секретных немецких операций против стран Антанты и их союзников. В некоторых главах автор уделяет внимание французской пропаганде, где подробно описывает ее методы.

Одной из наиболее значимых работ, использованных в диссертационном исследовании, является монография «Секреты цензуры во время войны» М. Берже и П. Алларда⁷⁹. Авторы работали цензорами в Бюро печати в Париже во время войны, и книга, основанная на фактах их практической деятельности, содержит важную информацию о реакции французской системы цензуры почти на все события, произошедшие в исследуемый нами период. Кроме того, в монографии представлена уникальная подробная информация о внутренней работе Бюро печати: освещаются официальные и неофициальные приказы начальства, дается оценка деятельности директоров Бюро печати, обсуждаются отношения между владельцами и редакторами газет.

Для обзора политической истории Франции во время Первой мировой войны особое значение приобретают мемуары Р. Пуанкаре, президента Франции в указанный период⁸⁰. Большую ценность для проведенного исследования представляют и другие источники мемуарного характера⁸¹.

Важную группу источников составляют различные пропагандистские изображения (плакаты, открытки и карикатуры), изданные в годы Первой

⁷⁸ Николаи В. Указ. соч.

⁷⁹ Berger M., Allard P. Les secrets de la censure pendant la guerre. Paris, 1932.

⁸⁰ Пуанкаре Р. На службе Франции, 1914–1915. М., 2002.

⁸¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991; Лихновский К. М. Моя миссия в Лондоне 1912–1914. Лондон. 1918; Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955; Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. М., 1927; Zweig S. The World of Yesterday. New York, 1943; Wellman W.A. Go Get 'Em. Boston, 1918; Laglains J. Mémoires d'un censeur. Paris, 1924; Hall J.N., Nordhoff C.B. The Lafayette flying corps. Boston, 1920; Gibbs P. Ten Years After: A Reminder. London, 1924; Bloch M. Memoirs of War. 1914–1915. London, 1980; Barnard C.I. Paris War Days. Boston, 1914.

мировой войны. Составление данной источниковой базы стало возможно благодаря оцифровке и открытию в режиме свободного доступа в сети Интернет многочисленных коллекций и галерей визуальных источников. Большая часть изображений, внесённых в приложение данного диссертационного исследования, может быть одновременно найдена на нескольких тематических Интернет-ресурсах, что подтверждает достоверность материалов.

В совокупности все вышеуказанные источники предоставляют необходимую информацию для анализа различных аспектов пропагандистской деятельности французского правительства против Германии во время Первой мировой войны и оценки её эффективности.

Научная новизна. В диссертационном исследовании впервые осуществляется системный анализ французской пропаганды в годы Первой мировой войны. Анализируется механизм функционирования французского пропагандистского аппарата, взаимодействие его отдельных компонентов, а также сотрудничество французского и британского пропагандистских ведомств. Выделяются отличительные черты французской пропаганды в рамках Антанты. Осуществляется анализ пропагандистских мифов и образа врага в годы войны. Проанализирована визуальная демонизация противника, осуществлявшаяся пропагандистскими структурами Франции.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что работа позволяет заполнить определенные лакуны в изучении деятельности органов французской пропаганды в годы Первой мировой войны. Представляется, что материалы, полученные в результате исследования, могут применяться в научных работах по истории Франции, а также в обобщающих трудах по таким направлениям, как «Всеобщая история», «История международных отношений», при чтении специальных лекционных курсов по новой истории стран Западной Европы. Кроме того, отдельные выводы и положения диссертации могут быть использованы специалистами различных дисциплин в научно-исследовательской работе. Не

являясь исчерпывающим анализом деятельности французской пропаганды, работа может стимулировать дальнейшее изучение данной проблематики в контексте современного исторического знания.

Цели и задачи исследования обусловили **структуру работы**. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, приложения. Во введении обосновываются актуальность и научная новизна темы, определяются объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, анализируется степень изученности проблемы, приводятся источники и литература, формулируются цель и задачи, дается характеристика методологии работы, теоретической и практической значимости, приводятся положения, выносимые на защиту.

В первой главе диссертации на основе материалов прессы и публицистики анализируются представления французов о Германии и её народе. Рассматриваются причины антагонизма между двумя странами накануне войны, связанные, главным образом, с гонкой вооружений и политическими конфликтами в Агадире и Марокко, которые также способствовали формированию образа главного врага в глазах французов. Детально рассмотрен феномен патриотического подъема и достижения общественного консенсуса во Франции во время начала конфликта. Во второй главе исследуются структура и деятельность правительственных пропагандистских институтов. Анализируются действия органов цензуры, осуществлявших контроль за распространением всей информации как на фронте, так и в тылу. В третьей главе дается подробная характеристика основных методов и принципов, которыми руководствовалась французская пропаганда. Анализируются визуальные образы, созданные ею в общественном сознании французского населения. В заключении подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются выводы и обобщения по ключевым проблемам рассматриваемой темы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Антигерманская пропаганда во Франции началась задолго до начала Первой мировой войны. Литература, пресса и ряд сатирических журналов, которые в своих статьях основывались не только на материалах французского происхождения, позволили сформировать во французском общественном мнении негативное представление о характере немцев и немецкой культуре в целом. Поражение Франции от Германии во Франко-прусской войне привело к радикальной трансформации европейского баланса сил. Французы, удивленные и деморализованные быстрым поражением, были вынуждены переоценить своих соседей за Рейном. На рубеже XIX–XX вв. было принято считать, что французы и немцы называли друг друга «наследственными врагами».

2. Французская общественность была убеждена, что Франция является жертвой немецкой агрессии, в то время как идея мести за проигрыш в войне 1870–1871 гг. или возвращения Эльзас-Лотарингии едва ли фигурировала в мотивах ответа на мобилизацию. Именно ощущение агрессии заставило подавляющее большинство населения проявить решимость в необходимости защищать свою страну, это было основополагающим мотивом, побуждавшим человека идти на войну.

3. Успех французской пропаганды стал возможным благодаря тому, что существовало множество общественных организаций, предназначенных для культурно-просветительской миссии по всему миру, которые легко можно было преобразовать в агентства по распространению пропаганды. Однако только с приходом к власти А. Бриана в 1915 г. были заложены основы централизованной пропагандистской системы.

4. Сложившаяся за многие годы противостояния цензурная система Франции была эффективной в достижении целей, поставленных перед ней в 1914 г. военным министерством: сохранения военных секретов от врага и помощи в поддержании общественного порядка.

5. Французская пропаганда кардинально повлияла на создание необходимого настроения внутри страны. Все это позволило манипулировать

общественным мнением, развивать враждебность к врагу, координировать политические силы и средства массовой информации, используя такие сферы, как образование, наука и культура.

6. Франция придала своей пропагандисткой деятельности ряд характерных особенностей. Она поставила идею права и свободы во главу угла пропаганды и определила ее как свою цель в мировой войне. Победа права над насилием, свобода народов и каждого человека подразумевали под собой уничтожение якобы немецкого империализма и победу цивилизации над немецкой культурой.

Глава I. Трансформация образов и представлений о Германии внутри французского общества накануне Первой мировой войны

1.1. Германия во французском общественном мнении 1871–1914 гг.

На рубеже XIX–XX вв. было принято считать, что французы и немцы называли друг друга «наследственными врагами». Такая риторика была неоднозначна. Франция определенно не считала Германию своим противником до 1870 г.⁸². Франко-прусская война 1870–1871 гг. коренным образом изменила традиционное французское представление о том, что немцы были безобидными мечтателями и второсортными солдатами. Поражение Франции от Германии во Франко-прусской войне привело к радикальной трансформации европейского баланса сил. Французы, удивленные и деморализованные быстрым поражением, были вынуждены пересмотреть свои взгляды. Более того, как отмечает историк Ж. Бинош, война привела к «разрушению целой интеллектуальной вселенной, которая ставила [Францию] в центр Европы и мира»⁸³.

Аннексия Германией провинции Эльзас и большей части Лотарингии после Франко-прусской войны стала наиболее острым вопросом в отношениях между двумя странами за десятилетия до Первой мировой войны и одной из первопричин франко-германской вражды после 1871 г., постоянным напоминанием о ней. По замечанию Ж. Дюкорка, французского писателя-путешественника эльзасского происхождения, потеря провинций оставила «плохо заживающую рану» в коллективной французской памяти⁸⁴. Французы считали аннексию сильнейшим ударом по национальной гордости. В 1871 г. Эльзас-Лотарингия стала для большинства немцев символом победы и становления Германии как сильной континентальной державы. Эти две провинции оставались источником разногласий в течение почти полувека после 1871 г., и справедливое решение проблемы казалось недостижимым. За

⁸² Burgelin H. Le mythe de l'ennemi héréditaire dans les relations franco-allemandes // *Revue des Questions Allemandes*. Paris, 1979. P. 77.

⁸³ Binoche J. Histoire des relations franco-allemandes de 1789 à nos jours. Paris, 1996. P. 39.

⁸⁴ Ducrocq G. La blessure mal fermée: notes d'un voyageur en Alsace-Lorraine. Paris, 1900. P.64.

это время Эльзас и Лотарингия превратились из промежуточной зоны, связывавшей территории Франции и Германии, в барьер между противоборствующими сторонами⁸⁵.

Французское общественное мнение культивировало идеализированное представление о судьбе потерянных провинций. Ностальгия об утраченных территориях и их идентификация с Францией были излюбленной темой в программе начальной школы, и юным французским школьникам постоянно напоминали о судьбе их восточных соотечественников⁸⁶.

Более того, французские романисты и авторы, путешествовавшие по аннексированным территориям, популяризировали символический образ двух провинций, томящихся под «тевтонским игом» и бесконечно тоскующих о возвращении французского правления. Большинство французов в этот период считали типичного эльзасца человеком, который олицетворял основные французские качества и был предан своей «истинной» родине, хотя и говорил на немецком диалекте. Однако это не вполне соответствовало реальности. После первоначального периода непримиримой борьбы эльзасцев против аннексии, когда многие по обе стороны Вогезских гор надеялись, что Франция возьмет реванш и отвоюет территории, надежды на возвращение в состав французского государства начали угасать, а насущные проблемы повседневной жизни все больше определяли отношение эльзасцев и лотарингцев к немецкому правлению и их участию в политической системе Германской империи⁸⁷.

Важно отметить, что, пока существовал эльзасско-лотарингский вопрос, он был преимущественно французским. Германия последовательно отказывалась признать существование малейшей неопределенности в отношении статуса аннексированной территории. По мнению большинства немцев, Франкфуртский договор 1871 г. окончательно определил будущий статус провинций. Социалист Г. Эрве отмечал, что немецкие политические

⁸⁵ Leroy M. *L'Alsace-Lorraine: porte de France, porte d'Allemagne*. Paris, 1914. P. 26.

⁸⁶ Ozouf M. *L'école de la France: essais sur la Révolution, l'utopie et l'enseignement*. Paris, 1984. P. 214-230.

⁸⁷ Silverman D. P. *Reluctant Union: Alsace-Lorraine and Imperial Germany 1871–1918*. Pennsylvania, 1972.

партии, включая большинство немецких социалистов, достигли редкого единства в своем практически единодушном отказе признать существование эльзасско-лотарингского вопроса⁸⁸.

Вместе с тем отношение к эльзасцам во французском обществе было неоднозначным. Ностальгическое описание эльзасского крестьянства, которое говорило на немецком диалекте, но при этом в душе было вполне французским, преобладало во многих произведениях, опубликованных в этот период. Несмотря на то, что миф об эльзасцах, стойко хранящих верность своей родине и упорно сопротивляющихся германизации, преобладал во французских представлениях, в реальной жизни эльзасцы во Франции сталкивались с подозрениями и дискриминацией со стороны многих, кто не доверял их немецко-звучащим именам и акценту и сомневался в их «французскости». Опасения, что невинный эльзасец, проживающий во Франции, может оказаться замаскированным прусским шпионом, имели широкое распространение. В своих воспоминаниях о пленении в Германии во время войны 1870–1871 гг., опубликованных на рубеже веков, Л. Дезире рассказывал, что пленные эльзасцы пользовались благосклонным отношением со стороны немцев, потому что некоторые из них почти наверняка служили осведомителями против своих соотечественников-французов⁸⁹. Когда в 1897 г. председатель Сената Франции и видный эльзасский эмигрант А. Шерер-Кестнер выступил за возобновление дела А. Дрейфуса, критики правого крыла, выступавшие против дрейфусаров, жестоко осудили его как «немецкого» предателя. Адвокат Дрейфуса Ж. Рейнах, также эльзасского происхождения, подвергся еще более суровой критике со стороны самопровозглашенных французских патриотов. Многие французы с гордостью отмечали большое количество эльзасцев, записавшихся в Иностранный легион, лишь немногие фиксировали предвзятость и враждебность, с которыми такие новобранцы часто

⁸⁸ Hervé G. L'Alsace-Lorraine. Paris, 1913. P. 46-47.

⁸⁹ Désiré L. Souvenirs d'un prisonnier de guerre en Allemagne 1870–1871. Paris, 1899. P. 81-82, 88-90.

сталкивались, со стороны своих же офицеров⁹⁰. Таким образом, миф о верных эльзасцах и лотарингцах, терпеливо страдающих под властью Германии в ожидании освобождения Францией, вплоть до 1914 г. оставался устойчивым образом во французских представлениях о потерянных провинциях.

Одним из сюжетов, часто повторявшимся в популярных французских литературных произведениях того времени, было бегство эльзасцев через границу, оживленное рассказом о немецких пограничниках, стрелявших из винтовок в момент преследования. Этот образ возник благодаря чрезвычайно популярной детской книге «Путешествие двух детей по Франции», опубликованной в 1877 г.⁹¹. Произведение повествует о приключениях двух юных эльзасских братьев Андре и Жюльена Вольденов после смерти их отца во время военных действий 1870–1871 гг. Мальчики решают покинуть родной город Фальсбург и, рискуя жизнью, тайно пересекают границу, чтобы исполнить последнюю волю умирающего отца, пожелавшего, чтобы дети стали настоящими французами. Благодаря помощи многочисленных доброжелателей братьям это удается, и так начинаются их незабываемые странствия по любимой стране Франции.

Старшие поколения эльзасцев, сохранившие память о французском правлении, по общему мнению их современников, были во Франции оплотом сопротивления «пруссачине». В сборнике поэм Т. Ботрель представляет идеализированную фигуру старика, ветерана наполеоновских войн⁹². Воспоминания о победах Наполеона Бонапарта над Пруссией резко контрастируют с мыслями о поражениях императора Наполеона III. Это шокирует старого эльзасца, который, «ложась спать французом, проснулся пруссаком!». В конце концов, старика арестовывают и отвозят в Страсбург, где немецкие власти обвиняют его в разговорах о реванше и ношении французского триколора, а также в насмешливых высказываниях о немцах.

⁹⁰ Hinzelin E. L'Alsace sous le joug. Paris, 1914. P. 23-28.

⁹¹ Bruno G. Op.cit. P. 18-25.

⁹² Botrel T. Coups de clairon: chants et poèmes héroïques. Paris, 1903. P. 101-105.

Приговоренный к тюремному заключению, старик умирает с разбитым сердцем, став эльзасским мучеником.

Рассказы о путешествиях и описания Эльзас-Лотарингии, опубликованные во Франции в эти годы, скорее подтвердили, чем опровергли литературные стереотипы. Любимой темой многих французских авторов, писавших о своих путешествиях по Эльзасу и Лотарингии, было осквернение их городов и поселков в провинциях громоздкой немецкой архитектурой. В своих путевых заметках А. Халле отмечал, что уродливость немецких общественных зданий в Эльзасе усиливалась их колоссальными размерами⁹³. Закоренелый германофоб Ж. Регамей описывала неграциозную немецкую архитектуру Страсбурга, носящую отпечаток прусского сапога и «обезображенную его жестоким каблуком, который сводит весь дух, весь идеализм и весь энтузиазм к полной посредственности»⁹⁴. Русский социолог Я. А. Новиков, симпатизировавший французам, замечал, что, вероятно, было неразумно ставить статую Вильгельма I в Страсбурге, где она постоянно напоминала жителям об их подчинении⁹⁵. В своих работах эти авторы пришли к общему выводу: Германия, пытаясь навязать свою культуру в завоеванных провинциях, только сильнее оттолкнула от себя местное население.

Заветный образ потерянных провинций, ожидающих спасения и помощи от своих французских братьев, нашел свое визуальное воплощение в творчестве французов. Карикатуристы часто изображали Эльзас в виде молодой женщины в характерной народной одежде, удерживаемой похитителями против её воли. Такой образ должен был вызывать множество ассоциаций. Явно нерыцарское отношение к представительнице прекрасного пола перекликалось с рассказами о зверствах, распространявшихся во время и после войны 1870–1871 гг., в которых немецкие солдаты обычно представлялись грубиянами, особенно в их обращении с женщинами. Образ

⁹³ Hallays A. A travers l'Alsace. Paris, 1911. P. 90-91.

⁹⁴ Régamey J. Jeune Alsace. Paris, 1909. P. 74.

⁹⁵ Novicow J. L'Alsace-Lorraine: obstacle à l'expansion allemande. Paris, 1913. P. 154-155.

пленницы также нашел отражение в памятнике, посвященном судьбе Эльзаса и Лотарингии, установленном в самом центре Парижа. На площади Согласия, где были представлены скульптурные аллегии крупных французских городов, статуя, изображавшая Страсбург, была покрыта саваном с момента сдачи провинций – как неизменная визуальная метафора поражения Франции и потери ею территорий. Современники не упустили и намек на изнасилование. Образ Эльзаса как пленницы, таким образом, играл на стереотипах «немецкого» кодекса поведения, который заметно контрастировал с французским (См.: приложение 1 и 2).

Одним из самых популярных и успешных французских карикатуристов в этот период был эльзасец Анси (псевдоним Ж.-Ж. Вальца). Любовь к Эльзасу и сожаление, которое он испытывал по поводу его отделения от Франции, пронизывают все его работы того периода. Книга Анси «История Эльзаса» – это иллюстрированный рассказ для детей об истории провинции, в котором немецкие варвары, неизменно носившие очки и проявлявшие склонность к краже часов, на протяжении веков бросали жадные взгляды через Рейн на счастливую землю своих эльзасских братьев⁹⁶. Красочные рисунки и остроумие, а также сентиментальные изображения эльзасской жизни позволили Анси завоевать большую популярность во Франции.

Несмотря на сильные чувства, связанные с темой Эльзаса и Лотарингии, во французском обществе раздавались голоса, призывавшие к мирному решению франко-германских споров о статусе двух провинций. Журналист Дж. Гран-Картрэ верно заметил, что, хотя культ Эльзаса процветал во Франции, французское общество не решилось бы на реванш только ради того, чтобы вернуть потерянные провинции. Поэтому он считал мирное урегулирование неизбежным⁹⁷.

Несмотря на все эти предложения, компромисс, устраивавший обе стороны, оказался труднодостижимым. Франция и Германия придавали

⁹⁶ Hansi. L'Histoire d'Alsace... Op.cit.

⁹⁷ Grand-Carteret J. Le rapprochement franco-allemand par l'amélioration du sort de l'Alsace-Lorraine. Bonn, 1911. P. 4.

провинциям слишком большое символическое значение, чтобы одна из сторон могла пойти на уступки, и в итоге вопрос был решен только путем вооруженного конфликта.

В своей работе, посвященной реакции общественного мнения во Франции на начало Первой мировой войны, Ж.-Ж. Беккер отметил, что Эльзас и Лотарингия занимали мало места в сознании большинства французских граждан в первые дни августа 1914 г. Хотя интерес к этим провинциям был центральным фактором возрождения национального самосознания среди образованной французской молодежи в предвоенные годы, этот энтузиазм не распространялся на широкие слои населения⁹⁸.

Многие художественные произведения, исторические труды, фотоработы на тему войны, появившиеся во Франции в 1870-е гг., часто демонстрировали враждебность по отношению к победителям конфликта, представляли Бисмарка и Вильгельма I как кровожадных тиранов. Термин «пруссак» стал нарицательным для целого поколения. Потребовалось не менее десяти лет, чтобы во Франции сформировался более беспристрастный и сбалансированный взгляд на войну. Можно утверждать, что это началось с публикации в 1880 г. сборника «Меданские вечера» – совместной работы группы авторов под редакцией Э. Золя, в который вошли рассказы самого Золя, Ж. К. Гюисманса, а также знаменитая новелла «Пышка» Г. де Мопассана⁹⁹. Эти авторы подошли к оценке войны беспристрастно, не отрицая вины французов в вооруженном конфликте. Например, Мопассан проявлял сочувственное отношение к немцам, приберегая более язвительные нападки для своих соотечественников-французов, которые, по его мнению, были черствы, лицемерны и властолюбивы.

Следует отметить, что в период между 1880 и 1914 гг. серьезные литературные и исторические произведения, посвященные войне, в основном продолжали демонстрировать тенденцию к большей отстраненности и

⁹⁸ Becker J.-J. 1914... Op. cit. P. 62.

⁹⁹ Zola E. Op. cit.

меньшей пристрастности. Сочинение «Ужасный год. Оборона Парижа: армии севера, Вогезов и востока» историка Ж. Мазе заметно лишено резких инвектив, свойственных более ранним рассказам. Акцент делается на общей трагедии, пережитой двумя странами. Мазе ясно показывает, что силы противников были равны, и отмечает, что немцы понесли большие потери перед лицом героического французского сопротивления¹⁰⁰.

Тем не менее были и заметные исключения из этой тенденции. Несколько известных авторов продолжали писать о войне в негативном ключе. Самым ярким примером подобных изданий является сборник рассказов Л. Блуа «Кровавый пот», в которых немцы отличаются особой развращенностью, а жестокость, демонстрируемая французскими героями в борьбе с врагом, имеет моральное оправдание¹⁰¹. Примечательно, что сборник рассказов был опубликован в 1893 г. и для конца XIX в. оценки, которые демонстрировал Блуа по отношению к немцам, уже казались несвоевременными.

Националист П. Дерулед, глава Лиги патриотов, опубликовавший в 1907 г. свои мемуары о войне и плене, отметил отличительные особенности характеров солдат различных государств Германского союза¹⁰². Он проявил некоторую симпатию к саксонцам, которые, казалось, неохотно шли на войну против своих бывших союзников наполеоновских времен, но пруссаки и баварцы показались ему высокомерными и жестокими. П. Дерулед вспоминает эпизод из своего плена, когда группа прусских солдат жестоко издевалась над ним перед портретом Фридриха Великого. Свою злобу к противнику он выразил в «Солдатских песнях» – сборнике патриотических стихотворений, первоначально опубликованном в 1884 г. и остававшемся популярным в течение многих лет¹⁰³.

¹⁰⁰ Mazé J. L'année terrible: la défense de Paris: armées du nord, des Vosges et de l'est. Tours, 1909.

¹⁰¹ Bloy L. Sueur de sang. Paris, 1893.

¹⁰² Déroutède P. 1870: Feuilles de route. Paris, 1907.

¹⁰³ Idem. Chants du soldat: marches et sonneries. Paris, 1884.

В негативном плане немецкие солдаты показаны и в сборнике драматических произведений о войне Г. Эспе де Меца: жестокость «пруссаков» персонифицируется в образе лейтенанта Преускопфа – садиста, получающего удовольствие от пыток пленных, убийства мирных жителей, малолетних детей¹⁰⁴.

В целом в работах Л. Блуа, П. Дероледа и Г. Эспе де Меца немцы были показаны как люди, лишённые собственной воли, отличавшиеся особой жестокостью. Немецкий солдат обычно представлял собой четко определенный тип: безжалостный улан, хищный баварец, высокомерный пруссак.

После 1870 г. произошел своеобразный процесс историзации, в ходе которого события прошлого были переосмыслены в соответствии с новой концептуальной схемой. Французские писатели могли отождествлять немцев с римлянами (а французов – с галлами, защищавшими свою свободу), гуннами (а французов – с римлянами, защищавшими империю) или англичанами времен Столетней войны¹⁰⁵. Однако большинство французских исследователей считали именно Пруссию главным врагом среди германских государств.

В 1890-х гг. взаимоотношения между Францией и Германией были относительно спокойными. Несмотря на то, что дело Буланже конца 1880-х гг., в котором реваншистский генерал, казалось, подстрекал французов к войне против Германии, привело к новому росту напряженности между двумя странами, в течение почти десятилетия после этого контакты между французским и немецким правительствами стали более тёплыми, если не совсем дружескими. Охлаждение и враждебность 1870-х и 1880-х гг. стали ослабевать, и перспектива новой войны казалась менее вероятной. Однако

¹⁰⁴ Espé de Metz G. 70 cinq tableaux de la guerre. Paris, 1911. P. 73-75.

¹⁰⁵ Amalvi C. La défaite «mode d'emploi»: Recherches sur l'utilisation rétrospective du passé dans les rapports franco-allemands en France entre 1870 et 1914 // La guerre de 1870/71 et ses conséquences: actes du XX-e Colloque historique franco-allemand. Bonn, 1990. P. 451-455.

мифологемы вражды уже пустили глубокие корни, и их было трудно изгнать из коллективной памяти всего за несколько лет.

Изменение демографического и экономического баланса между двумя странами было предметом гордости для немцев и причиной глубокого беспокойства для французов. Попытка объяснить рост немецкой экономики и относительный застой французской породила ряд необоснованных обобщений о семейной жизни, образовании, привычках, досуге и чертах характера немцев. Наблюдения за жизнью общества в соседней стране варьировались от осторожных, взвешенных оценок до самых грубых карикатур на социальные черты. Однако простые обобщения были более привлекательны для широкой публики, чем серьезные объяснения, а стереотипизация национальных характеров шла параллельно с ростом напряженности в международных отношениях до 1914 г.

Французы в целом признавали, что немцы превосходят их в технологических инновациях, организационной эффективности, профессиональном обучении и т.п., и особенно в таких новых отраслях, как химическая и электроэнергетика. Большинство немцев соглашались со своими французскими коллегами в том, что Франция имела преимущество в вопросах вкуса, стиля, дизайна и эстетики. Однако такое превосходство не было утешением для французских лидеров, которые думали о перспективах отечественной промышленности. Французы могли производить лучшие товары для рынка роскоши, но немцы доминировали в производстве практически всего остального как количественно, так и качественно¹⁰⁶.

Еще в 1877 г. популярный писатель-фантаст Ж. Верн в одном из своих романов «Пятьсот миллионов бегумы» описал немецкий индустриализм¹⁰⁷. В этом произведении в качестве представителей двух стран показаны французский профессор Саразен и немецкий профессор Шульц, оба – наследники состояния недавно умершего восточного монарха. Каждый

¹⁰⁶ Poidevin R. La peur de la concurrence allemande en France avant 1914 // 1914. Les psychoses de guerre. Rouen, 1985. P. 77-84.

¹⁰⁷ Верн Ж. Указ. соч.

решает использовать свое обретенное богатство для создания утопического общества в далеком штате Вашингтон. Идеальный город Саразена – Франсевилль, место, где французские идеалы свободы, равенства и братства достигают своего воплощения. Шульц, напротив, создает контрUTOПИЮ в Штальштадте, который вскоре становится крупнейшим пушечно-литейным городом-заводом. Штальштадт организован на тиранической эксплуатации работников, управляемых из центральной «башни быка», напоминающей тюремные конструкции начала XIX в. Следует предположить, что пристрастившийся к сосискам, квашеной капусте и пиву Шульц – это, с одной стороны, грубая карикатура на немецкого промышленного барона-разбойника, полного решимости уничтожить своего французского конкурента с помощью ужасного секретного оружия, с другой – это отсылка к Альфреду Круппу, немецкому промышленнику и крупнейшему поставщику оружия, чье имя во Франции было синонимом милитаризма. В финале романа Шульц оказывается побежденным, и французский идеализм торжествует над немецким материализмом.

Беспокойство, с которым французские наблюдатели смотрели на события за Рейном, часто выливалось в нападки на дегуманизирующие последствия технологических инноваций, промышленной и городской экспансии. Демонизация немцев позволяла утверждать, что Франция была избавлена от многих негативных последствий быстрого экономического роста благодаря умеренным темпам развития, и представлять относительно медленный рост французской экономики как позитивный, сознательный выбор политики. Экономист М. Ажам сравнил систему труда во Франции и Германии и пришел к выводу, что французские рабочие в большинстве своем были более квалифицированными, но более совершенная организация и технология массового производства давали немцам решающее преимущество¹⁰⁸. Ажам также отметил, что немецкие предприниматели склонны были дольше откладывать выход на пенсию, чем их французские

¹⁰⁸ Ajam M. Le problème économique franco-allemand. Paris, 1914. P. 33-36.

коллеги, и что многие из них имели дополнительный стимул к работе из-за необходимости содержать большие семьи¹⁰⁹.

Одним из самых восторженных французских почитателей немецкой экономики был инженер В. Камбон, положительно отзывавшийся о немецком образовании, науке, экономике. Он считал, что немцы превосходят всех остальных в рациональном и систематическом применении научных знаний¹¹⁰. Камбон высоко оценил экономическую хватку и динамичность немецких промышленников, которые не довольствовались текущей продукцией, а постоянно стремились производить новую. Он также восхищался готовностью этих «рыцарей промышленности» идти на существенный риск¹¹¹. Прежде всего, Камбона поразило стремление немцев к постоянному обучению и познанию, чего, по его мнению, очень не хватало его соотечественникам¹¹².

Не все французские отзывы о зарождающемся промышленном гиганте Германии были положительными. Так, П. Боден выступил с обширной критикой «немецкого завоевания», которое грозило захлестнуть Францию без применения военных средств¹¹³. Б. Андриллон, капитан французской армии, также отмечал, что немецкие фирмы способны более эффективно конкурировать с французскими соперниками даже внутри Франции, и предсказывал, что немецкая экономическая экспансия в конечном итоге приведет к войне¹¹⁴. П. Пилан, говоря о «немецкой опасности», приводил примеры предполагаемого немецкого промышленного шпионажа, когда немецкая индустрия надеялась извлечь выгоду из французских достижений¹¹⁵.

Другие французские авторы, желая подчеркнуть преимущества Франции, явно проигрывавшей Германии в плане быстрого экономического

¹⁰⁹ Ibid. P. 115-116.

¹¹⁰ Cambon V. L'Allemagne au travail. Paris, 1910. P. 3.

¹¹¹ Ibid. P. 45.

¹¹² Ibid. P. 164.

¹¹³ Baudin P. L'empire allemand et l'empereur. Paris, 1911. P. 144-155.

¹¹⁴ Andrillon B. L'expansion de l'Allemagne: ses causes, ses formes, ses conséquences. Paris, 1914. P. 118-119.

¹¹⁵ Pilant P. Le péril allemand. Paris, 1913. P. 142-144.

роста, предпочитали переводить сравнение двух стран в иную плоскость – характеристику образа жизни, так как здесь французы, казалось, имели преимущество. В этом сравнении на первый план выходили перспективы различий между двумя странами относительно конечной цели всей человеческой деятельности. Несмотря на то, что некоторые французы полагали, что у Германии можно многому научиться, мало кто из них выступал за поголовную германизацию французской экономики и общества. Большинство французов считало, что увлеченность немцев работой как способ самореализации имеет чрезмерный характер и противоречит французскому духу. По их мнению, развитие других сфер – семейной, культурной, интеллектуальной, социальной – было не менее важным. Сам процесс работы еще больше подчеркивал различия в образе жизни французов и немцев. Ж. Юре считал немецкие методы организации труда истинным отражением тяжелой и педантичной немецкой души, которую он противопоставлял живому интеллекту французов¹¹⁶.

П. Валери выступил с критикой «методичного завоевания» человечества обществом потребления в лице современной ему Германии¹¹⁷. Валери видел, что век гения, в течение которого Франция господствовала, уступает место времени хорошо организованной немецкой посредственности, в которой такие качества, как терпение и внимание к деталям, имеют приоритет над истинным гением и творчеством.

Областью экономической деятельности, в которой французы несомненно имели преимущество перед немцами, была сфера финансов, и приоритет в ней оказывался для Франции вопросом престижа. Традиционная бережливость французов в сочетании с относительно малым спросом на капитал внутри страны из-за более низких темпов роста промышленности означала, что Франция обладала большой ликвидностью капитала, и поэтому парижские банки выдавали кредиты по всему миру. Германия, напротив,

¹¹⁶ Huret J. En Allemagne: De Hambourg aux marches de Pologne. Paris, 1908. P. 215-216.

¹¹⁷ Valéry P. Une conquête méthodique. Paris, 1925.

испытывала хроническую нехватку ликвидного капитала. Даже крупные германские проекты, такие, например, как железная дорога от Берлина до Багдада, в значительной степени финансировались французским и британским капиталом. Французские кредиты иногда служили источником финансирования закупок немецких промышленных товаров, включая вооружение, как это было в Турции в годы, предшествовавшие Балканским войнам.

При таком финансовом доминировании Франции большинство французских авторов, писавших на эту тему, считали денежные активы страны козырем во франко-германских отношениях. Многие согласились бы с утверждением А. Гастона о том, что французская экономика покоилась на золотом дне, в то время как экономика Германии была построена на песке¹¹⁸.

Вопрос экономического роста в период, предшествовавший Первой мировой войне, был тесно связан с вопросом увеличения численности населения. В экономической и демографической сферах Германия очевидно занимала лидирующие позиции, и многие французские эксперты беспокоились о долгосрочных последствиях медленного роста населения Франции.

В то время было широко распространено мнение, что частная жизнь влияет на общественные дела, поэтому внимание французского общества было сосредоточено на личных отношениях и семье¹¹⁹. К началу XX века семья с двумя детьми уже была нормой во Франции, в то время как в Германии традиционно были приняты многодетные семьи. Немецкий критик А. Керр в интервью журналисту Ж. Бурдону критиковал французских женщин за их явное нежелание рожать больше детей. Керр заявил, что Франция достигла такого уровня культуры, при котором слишком большое значение придается самореализации личности и слишком малое – военной дисциплине. Высказывание Керра о том, что французская культура каким-то

¹¹⁸ Gaston H. *Où va l'Allemagne? À la faillite? À la guerre? À la Révolution?* Paris, 1913. P. 62-66.

¹¹⁹ Teitelbaum M. S., Winter J.M. *The fear of population decline.* Orlando, 1985. P. 18-30.

образом «феминизирована», отражало убеждения, глубоко укоренившиеся среди его немецких современников¹²⁰.

Французы, напротив, склонны были считать немцев неумелыми в любовных отношениях. Писатель-путешественник Ж. Юре утверждал, что если французы терпимо относятся к подросткам и их любовным похождениям, то немцы испытывают отвращение к отроческим увлечениям¹²¹. В своих мемуарах молодая писательница Г. Селарье вспоминала лето, проведенное в знатной прусской семье в Бранденбурге. Сын хозяев Вильгельм был очарован ею и даже предложил выйти замуж. Поначалу молодая француженка чувствовала некоторое влечение к молодому немецкому дворянину. Однако весь интерес, который Селарье могла проявить к такому браку, быстро испарился, когда ее потенциальный жених на глазах у своей возлюбленной избил крестьянина за кражу¹²². Писательница также с неодобрением отметила, что немецкие мужчины обычно игнорируют своих жен, ценя в них хорошую кухарку гораздо больше, чем приятного собеседника¹²³. Эльзасские писатели Ж. и Ф. Регамей в книге «Вражеская Германия» отмечали, что статистические данные о брошенных женах, разводах и незаконнорожденных детях опровергают утверждения немцев о превосходстве домашней добродетели¹²⁴. Кроме того, авторы обращали внимание на негативные последствия большого потребления алкоголя немецкими мужчинами и женщинами, в силу чего те не уделяли должного внимания своей семье и детям (См.: приложение 3)¹²⁵.

Частная жизнь немцев давала повод для рассуждений об их национальном характере. Не только привычки в работе, взаимоотношения в семье отражали типичные черты жителя Германии, но даже кулинарные традиции и стиль употребления алкоголя были не менее показательны.

¹²⁰ Bourdon G. *The German enigma*. London, 1914. P. 170.

¹²¹ Huret J. *En Allemagne: Rhin et Westphalie*. Paris, 1907. P. 99.

¹²² Célerié H. *Au pair: une française en Allemagne*. Paris, 1911. P. 48-50.

¹²³ *Ibid.* P. 24.

¹²⁴ Régamey J., Régamey F. *L'Allemagne ennemie*. Paris, 1913. P. 48-49.

¹²⁵ *Ibid.* P. 59-61.

Многие французы были убеждены, что средний житель Германии – это смесь пива, квашеной капусты и плохих манер. Они считали, что немцы потребляют огромное количество отвратительной пищи, запивая ее литрами пива в обстановке, которая соответственно отталкивает чувствительную галльскую душу. Ж. Юре в одном из томов своего путевого труда, посвященного Баварии, описал кошмарный вечер, проведенный в Хофбраухаусе в Мюнхене, и перечислил умопомрачительное разнообразие ужасных блюд, которые можно было заказать¹²⁶. Французский офицер М. де Мальре, путешествовавший по Германии, был поражен огромным количеством еды, которую потребляли в пивной солидные бюргеры Айзенаха, и пища эта не шла ни в какое сравнение с изысканными блюдами, обычно доступными во Франции¹²⁷. Однако, по мнению некоторых французов, даже в Германии иногда встречались образцы высокой кухни. Так, О. Метенье выразил свой восторг по поводу изысканных ресторанов Берлина, которые, судя по всему, предлагали более культурные блюда, чем типичные немецкие заведения¹²⁸.

Некоторые французские авторы возвели потребление алкоголя в определяющую характеристику немецкого народа. Л. Доде, пропагандировавший антинемецкие взгляды, описывал Германию как страну хронической интоксикации, для устранения симптомов которой фармацевтическая промышленность создавала новые лекарства. Таким образом, Доде ассоциировал заболевание алкоголизмом с одной из самых успешных отраслей немецкой промышленности¹²⁹. В своем романе о будущем вторжении немцев во Францию П. Д'Ивуа и полковник Ройе описывали немецких солдат, выпивающих за ужином огромное количество шампанского и ликера «с тем отсутствием вкуса, с тем обжорством, которое

¹²⁶ Huret J. En Allemagne: La Bavière et la Saxe. Paris, 1911. P. 39-44.

¹²⁷ Malleray H. C. J. M. Impressions d'un soldat: A travers l'Allemagne. Paris, 1914. P. 74-75.

¹²⁸ Méténier O. Les Berlinois chez eux: Vertus et Vices allemands. Paris, 1905. P. 21-23.

¹²⁹ Daudet L. L'avant-guerre: études et documents sur l'espionnage juif-allemand en France depuis l'affaire Dreyfus. Paris, 1913. P. 83.

является отличительной чертой их расы»¹³⁰. В романе «Забвение?», действие которого происходит в оккупированном Меце, Т. Каю и Л. Форест также изобразили типичную пьянку скучающих немецких офицеров гарнизона: «С лицом, погруженным в пивной бокал, с усами, покрытыми пеной, каждый мужчина стремился скоротать часы безделья, и, когда среди варварских воплей растущего пьянства служанка обходила их с полными стаканами в руках, офицеры обхватывали ее талию в вялом объятии. У офицеров гарнизона не было другого развлечения, кроме как составить дурную компанию, одурманиться среди криков пивоваров, запаха колбас и густого табачного дыма»¹³¹.

Образы, созданные в карикатурах, во многом отражают распространенные у народов Франции и Германии представления друг о друге. Германия обычно изображалась в виде мужчины, или кайзера, или немецкого солдата, и лишь изредка встречались изображения этой страны в виде женщины-воина Германии, которая, кстати, не достигла такого уровня популярности, как Марианна во Франции. Карикатуры на Германию во Франции больше тяготели к шутливости или нелепости: например, рисунки, изображавшие усы Вильгельма II, вызывали восторг во французском обществе. Карикатурное изображение французов как женоподобных мужчин свидетельствует о глубоко укоренившемся презрении к Франции в мужественном мире вильгельмовской Германии. В то же время французов явно озадачивал, забавлял, а иногда и настораживал развязный «мачизм» представителей немецких военных и дипломатических кругов, а также явное стремление других немецких социальных групп подражать воинственной мужественности своих ставленников (См.: приложение 4 и 5).

Период относительного затишья во франко-германских отношениях был временно нарушен в конце 1890-х гг. делом Дрейфуса. Во Франции были озадачены тем, что Германия создает сеть военного шпионажа, которая могла

¹³⁰ D'Ivoi P., le colonel Royet. La patrie en danger: histoire de la guerre future. Paris, 1905. P. 153.

¹³¹ Cahu T., Forest L. Op.cit.

быть чрезвычайно полезной в случае новой войны между двумя державами¹³². Ряд факторов способствовал усилению беспокойства по поводу немецких шпионов во Франции. Дело Дрейфуса было последним и самым громким из серии шпионских скандалов, потрясших республику в 1890-х гг.¹³³.

Хотя известных фактов о немецких агентах во Франции было мало, народное воображение заполнило пробелы страшными догадками. Ходили слухи, что в северо-восточных департаментах полно немецких шпионов, которые уже много лет работают во Франции как торговцы и лавочники, стремясь заручиться доброй волей своих клиентов¹³⁴. Считалось, что эти агенты собирают как можно больше информации о маршрутах вторжения, железных дорогах, укреплениях, шахтах и заводах. Как в 1870 г. было принято считать, что некоторые «эльзасцы» оказались прусскими шпионами, так и теперь казалось очевидным, что немецкие агенты ждали момента вторжения, чтобы выйти из глубокого укрытия и начать кампанию саботажа и сеяния смуты¹³⁵.

Во Франции было принято считать, что французы не способны на двуличие, необходимое для шпионской деятельности, в которой так талантливый немцы, хотя это, казалось, противоречило другому распространенному стереотипу о немцах как о людях, не умеющих быстро думать, соображать. Очевидно, парадигма мнений менялась в зависимости от потребностей общества.

Одной из самых необычных работ, посвященных теме немецкого шпионажа во Франции, была книга Л. Доде «Довоенный период: исследования и документы о еврейско-немецком шпионаже во Франции после дела Дрейфуса», которая привлекла большое внимание французской

¹³² Miller M. B. *Shanghai on the Métro: Spies, Intrigue, and the French between the Wars*. Berkeley, 1994. P. 24-40.

¹³³ Mitchell A. *The Xenophobic Style: French Counterespionage and the Emergence of the Dreyfus Affair* // *Journal of Modern History*. 1980. Vol. 3. P. 414-425.

¹³⁴ Lanoir P. *The German Spy System in France*. London, 1910. P. 101-103.

¹³⁵ Cahu T., Forest L. *Op.cit.*

общественности после ее публикации в 1913 г.¹³⁶. Этот националистически настроенный, излагавший антисемитские взгляды автор предлагал доказать, что «немецкие» евреи проникли в те отрасли французской торговли и промышленности, которые имели отношение к национальной обороне¹³⁷.

Таким образом, страх перед шпионами, предателями и диверсантами не был чем-то новым на европейской сцене. Однако растущее развитие национальной идентичности и технологические достижения современной войны привели к тому, что в игре в шпионаж на карту было поставлено больше, чем когда-либо прежде. Шпиономания достигла невероятных масштабов после начала войны в 1914 г. Тем не менее именно предвоенные годы заложили основу для развития вымышленного и действительного шпионажа.

В тот период, когда разворачивалось дело Дрейфуса, произошли события, которые, казалось, предоставляли возможность для потепления франко-германских отношений. Противостояние между французскими и британскими войсками в Фашоде летом 1898 г. грозило вбить новый клин между старыми колониальными соперниками. Взаимная враждебность по отношению к Британии, казалось, открывала немислимую до настоящего времени возможность сближения между Францией и Германией в период с 1899 по 1902 гг. Вместо этого французская внешняя политика под руководством Т. Делькассе сделала поворот в сторону сближения с Великобританией, подписав в 1904 г. британо-французское соглашение¹³⁸. Таким образом, шанс на урегулирование разногласий между двумя странами был упущен, и подобные благоприятные обстоятельства больше не повторялись.

Всемирная выставка 1900 г. в Париже, казалось, ознаменовала сдвиг в развитии франко-германских отношений: в Париж приехало большое

¹³⁶ Daudet L. Op. cit. P. 8.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Andrew C. Théophile Delcassé and the Making of the Entente Cordiale: A Reappraisal of French Foreign Policy 1898-1905. New York, 1968.

количество немецких туристов, немецкая пресса широко освещала выставку. Несмотря на то, что интерес представителей Германии, как правило, фокусировался на немецком павильоне, нельзя не отметить их восторженные отзывы об организации выставки и строительстве новой подземной транспортной системы Парижа – метро. Радужный прием, оказанный со стороны французов, похоже, удивил многих немецких туристов. Казалось, что путь к мирному разрешению франко-германской напряженности открыт. Но всё остановилось лишь на взаимном обмене поверхностными любезностями.

Вступление Вильгельма II на германский престол в 1888 г. породило у французов в 1890-х гг. надежду на то, что во франко-германских отношениях наступает новая эпоха. Кайзер вызвал большой интерес у французской общественности, которая была удивлена, а иногда и встревожена его поведением и высказываниями не меньше, чем сами немцы¹³⁹. Французские монархисты иногда рассматривали его как сильную личность, которой явно не хватало на французской политической сцене, но другие сомневались в контроле кайзера над немецким правительством. А. Тардьё, например, считал действия нового лидера Германии поспешными и непродуманными¹⁴⁰.

Вильгельм II прекрасно говорил по-французски и по-английски и постоянно выражал желание сближения с Францией. Ходили даже слухи о тайных визитах императора и его окружения в Париж¹⁴¹. В 1906 г. писатель Ж. Хош выразил уверенность, что стремление Вильгельма к миру принесет ему титул «Гийом пацифик»¹⁴². Хош с одобрением отнесся к убежденности Вильгельма в том, что Франция и Германия должны держаться вместе, чтобы предотвратить американизацию мира¹⁴³. Однако ряд обстоятельств подорвал возможность франко-германского сближения. 31 марта 1905 г. кайзер

¹³⁹ Kohut T A. Mirror Image of the Nation. An Investigation of Kaiser Wilhelm II's Leadership of the Germans // The Leader: Psychohistorical Essays. New York, 1985. P. 179-229.

¹⁴⁰ Tardieu A. France and the alliances: The struggle for the balance of power. New York, 1908. P. 151-153.

¹⁴¹ Noussanne H. Le véritable Guillaume II. Paris, 1904. P. 266-270.

¹⁴² Hoche J. L'empereur Guillaume II intime. Paris, 1906. P. 108-109.

¹⁴³ Ibid. P. 238-239.

Вильгельм II высадился в Танжере и произнес короткую речь, в которой отстаивал независимость Марокко и равные торговые возможности для всех стран. Последствием этого стал кризис во франко-германских отношениях¹⁴⁴. Ж. Аррен в своей книге о кайзере верно отметил, что главной проблемой Вильгельма II была неспособность поверить в честность своих критиков и порядочность политических противников из-за его патриархального видения упорядоченного общества¹⁴⁵. Многие французские политики считали, что кайзер находился под сильным влиянием пангерманских кругов и разделял их преувеличенные территориальные амбиции. Высадка Вильгельма II в Танжере ознаменовала появление негативных мнений о кайзере во французском обществе. Всё более неустойчивый курс кайзера в международных делах, который А. де Нуссанн объяснял его отказом признать препятствия на пути своих фантазий, способствовал резкому росту международной напряженности в последующие годы (См.: приложение 6)¹⁴⁶.

А. Мевиль считал, что Вильгельм II был непревзойденным актером, умевшим играть все роли, необходимые для его политики, например, надежного друга Франции в первые годы его правления и более агрессивного антагониста в последующие годы¹⁴⁷. Результатом стало растущее недоверие и враждебность французов по отношению к кайзеру.

Таким образом, превращение Вильгельма II из европейского государственного деятеля в олицетворение тевтонского зла, несомненно, происходило во Франции еще до начала войны в 1914 г., когда образ кайзера как главного военачальника Германии уже устоялся.

Спустя несколько лет произошел Второй марокканский кризис. Серия беспорядков, в результате которых погибли несколько европейцев, привела к вооруженному вмешательству Франции в Марокко весной 1911 г. Ответом германского правительства стала отправка канонерской лодки «Пантера» к

¹⁴⁴ Anderson E. N. The First Moroccan Crisis 1904–1906. Hamden, 1966; Heiner R. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus: Die deutsche Frankreichpolitik 1904–1906. Düsseldorf, 1976.

¹⁴⁵ Arren J. Wilhelm II. Was er sagt, was er denkt. Leipzig, 1911. S. 22-23.

¹⁴⁶ Noussanne H. Op.cit. P. 71.

¹⁴⁷ Mévil A. De la paix de Francfort à la Conférence d'Algésiras. Paris, 1909. P. 3.

городу Агадир на побережье Атлантического океана. Этот кризис проходил в еще более напряженной атмосфере, чем первый. На этот раз Германия почти не скрывала, что защищает независимость Марокко. Германское правительство хотело получить конкретную компенсацию в обмен на согласие фактического установления французского правления в Марокко. Согласно конвенции по урегулированию кризиса, подписанной в ноябре 1911 г., Франция уступила Германии полосу французского Конго в обмен на признание Германией её доминирующего положения в Марокко. Этот документ не удовлетворил почти никого в обеих странах¹⁴⁸.

Таким образом, Второй марокканский кризис открыл этап, на котором многие французы и немцы стали считать, что война между двумя странами неизбежна. Пресса как во Франции, так и в Германии стала гораздо более резкой по тону в освещении этого кризиса, чем шесть лет назад.

С. Цвейг много лет спустя вспоминал реакцию зрителей в кинотеатре в Туре в 1913 г., когда кайзер на мгновение появился в кинохронике: «Как только император Вильгельм появился в кадре, в темном зале начался спонтанный дикий свист и топот ног. Все кричали и свистели, мужчины, женщины и дети, как будто их лично оскорбили. Добродушные жители Тура, знающие о мире и политике не больше того, что они читали в своих газетах, в одно мгновение сошли с ума. Я был напуган. Я испугался до глубины души. Ибо я почувствовал, насколько глубоко проник яд пропаганды ненависти за эти годы, когда даже здесь, в маленьком провинциальном городе, простых горожан и солдат так сильно подстрекали против кайзера и против Германии, что промелькнувшая на экране картинка могла вызвать такую реакцию»¹⁴⁹.

Стереотипы, которые в течение нескольких лет складывались во Франции и Германии, приобрели открытую враждебность. Период с весны 1911 г. до конца 1913 г. стал апогеем напряженности в отношениях между

¹⁴⁸ Allain J.-C. Agadir 1911: une crise impérialiste en Europe pour la conquête du Maroc. Paris, 1976.

¹⁴⁹ Zweig S. Op. cit. P. 195-196.

странами. Два инцидента, которые в любое другое время имели бы незначительные последствия, еще больше обострили ситуацию. В начале апреля немецкий цеппелин, у которого возникли проблемы с двигателем, перелетел французскую границу и приземлился в городе Люневиль, где экипаж столкнулся с враждебным приемом со стороны горожан. Инцидент выявил напряженные отношения между двумя странами, а также страх, навеянный немецкими дирижаблями. В то время как немецкая пресса, освещая неожиданное прибытие дирижабля Z-4 в Люневиль, подчеркивала корректное поведение французских чиновников по отношению к немецкому экипажу, французские газеты сообщали о враждебности собравшейся толпы, которая издевалась и бросала камни в машину, увозившую немецких офицеров в мэрию¹⁵⁰. Французы были явно обеспокоены возможностью разрушений от падающих с неба дирижаблей, а их огромные размеры создавали впечатление сильной угрозы.

Менее чем через две недели в Нанси произошла стычка между группой немецких туристов и местными студентами. Ссора началась во время исполнения патриотической антинемецкой сценки в мюзик-холле и продолжилась в соседней брассери. Очевидно, что страсти накалились до предела, произошел обмен резкими словами, хотя никакого насилия, кроме сбивания шляп с голов туристов, не было. Однако немцам, преследуемым на платформе насмехающимися студентами и толпой любопытных зрителей, пришлось поспешно ретироваться на вокзал, в то время как местная полиция не стала вмешиваться в конфликт¹⁵¹. Самым поразительным было то, что этому незначительному инциденту французская и немецкая пресса уделили пристальное внимание. Тот факт, что такие пустяковые события могли перерасти в международные конфликты, свидетельствует, насколько глубоко укоренились в общественном сознании негативные образы, созданные каждой страной в отношении друг друга. Эти инциденты также показательны

¹⁵⁰ Le Temps, 1913, 05 avril. P. 2.

¹⁵¹ Le Temps. 1913, 17 avril. P. 2.

и в том плане, что они представляют собой противостояние между обычными гражданами, а не солдатами или дипломатами.

Несмотря на напряженную обстановку и серьезное противостояние Франции и Германии (начиная с Агадирского кризиса в Марокко и заканчивая Балканскими войнами), в начале 1914 г. мало кто в обеих странах мог поверить, что надвигается война. Балканы были далеко от Парижа и Берлина, и народам этих стран представлялось маловероятным, что война может стать результатом событий в таком незначительном уголке Европы.

Таким образом, еще задолго до начала Первой мировой войны во Франции сложилось совершенно одностороннее негативное мнение обо всем, что было связано с Германией и её народом. Значительную роль в этом сыграли литература и сатирические журналы, поскольку их материалы послужили логической предпосылкой для визуализации образа немца, который в дальнейшем был использован французской пропагандой. Стоит отметить, что в ряде случаев оценки и суждения, высказанные некоторыми французскими авторами в довоенный период, противоречили тем мнениям, которые были представлены в более поздних работах: писатели конца XIX–начала XX вв. давали положительную оценку достижениям немецкого народа. Но военная пропаганда сумела найти выход из ситуации, признав, что немцы XVIII–начала XIX вв. действительно были другими. Также некоторые военные и политические события прошлого, прежде всего война 1870–1871 гг., оказали негативное влияние на франко-германские отношения. К этому следует добавить не терявший в тот период остроту эльзасско-лотарингский вопрос. Аннексия Германией провинции Эльзас и большей части Лотарингии после франко-прусской войны стала и одной из первопричин франко-германской вражды после 1871 г., постоянным напоминанием о ней. Французы считали аннексию сильнейшим ударом по национальной гордости. Миф о верных эльзасцах и лотарингцах, терпеливо страдающих под властью Германии в ожидании освобождения Францией, вплоть до 1914 г. оставался устойчивым образом во французских

представлениях о потерянных провинциях. Предвоенные годы заложили основу и для развития вымышленного и действительного шпионажа. После дела Дрейфуса во Франции были озадачены тем, что немцы создают сеть военного шпионажа, которая могла быть чрезвычайно полезной в случае новой войны между двумя державами. Социокультурные различия двух соседних наций также подготовили почву для изменений мировоззрения французского народа, создания образа врага накануне Первой мировой войны. Попытка объяснить рост немецкой экономики и относительный застой французской породила ряд необоснованных обобщений о семейной жизни, образовании, привычках, досуге и чертах характера немцев. В целом всё это способствовало формированию во французском общественном сознании негативного представления о характере немцев и немецкой культуре.

1.2. «Священный союз» и патриотический подъем в начале войны

На протяжении нескольких лет, предшествовавших Первой мировой войне, европейские страны вели активную подготовку к ней, несмотря на то, что само начало войны многим казалось маловероятным. На фоне нарастания напряженности в международных отношениях правительства стран принимали законы, связанные с повышением расходов на оборону, перевооружение, увеличение численности состава армий и т.д. С избранием президентом Французской республики Р. Пуанкаре изменился курс во внешней политике страны. Он выражался в жестком противодействии внешнеполитическому курсу Германии¹⁵². Также во Франции в 1913 г. был принят военный закон как ответная мера на увеличение германского военного бюджета¹⁵³.

Ведущие средства массовой информации сопровождали все военные приготовления информационно-пропагандистскими кампаниями на

¹⁵² Евдокимова Н. П., Виватенко С. В. Указ. соч. С. 168-170; Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010. P. 147.

¹⁵³ Тарле Е. В. Указ. соч. С. 231.

страницах своих изданий. Несмотря на общий мирный настрой, идея войны приобретала все более конкретные очертания, и во французской прессе частыми стали статьи на тему: «Будет ли война?»¹⁵⁴. Результатом этих кампаний стало заметное усиление беспокойства и постепенное принятие мысли о неизбежности будущей войны, начало которой все чаще связывалось с 1914 г. Следует отметить, что никто не делал секрета, против кого ведутся все вышеперечисленные военные приготовления. Наоборот, крупнейшие газеты неоднократно подчеркивали, что Германия несет непосредственную угрозу для Франции¹⁵⁵. Можно заключить, что, по крайней мере, с точки зрения пропаганды образ будущего врага получил во Франции вполне конкретное определение и наполнение.

Летом 1914 г. «долгий девятнадцатый век» подошел к концу. 28 июня 1914 г. в Сараеве сербские националисты убили наследника престола Габсбургов эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену герцогиню Софию Гогенберг. К началу августа это убийство зажгло спичку в пороховом бочонке европейской политики. Австро-Венгрия, поддерживаемая Германией, объявила войну Сербии. Россия вступила в войну с центральными державами, чтобы поддержать Сербию и сохранить свой авторитет на Балканах. План Шлиффена, реализованный Германией, втянул в конечном счете Францию в то, что стало долгожданной общеевропейской войной¹⁵⁶.

Но большую часть лета 1914 г. во Франции в заголовках газет преобладала тема внутренних, а не внешних кризисов. Новость об убийстве Франца Фердинанда действительно стала сенсацией, но французским населением она не воспринималась как событие, которое способно нарушить

¹⁵⁴ Беккер Ж.-Ж. Указ. соч. С. 16.

¹⁵⁵ Le Temps. 1913, 21 Février. P.1; ibid. 1913, 23 Février. P.1; ibid. 1913, 26 Février. P.1; ibid. 1913, 28 Février. P.1; ibid. 1913, 7-28 Mars. P.2; Le Matin. 1913, 23 Février. P.3; ibid. 1913, 28 Février. P.1; ibid. 1913, 6-31 Mars. P.3; Le Figaro. 1913, 16 Février. P.2; ibid. 1913, 25 Février. P.1; ibid. 1913, 3-25 Mars. P.1; Юдин Н. В. Полемика во французской печати... Указ. соч. С. 155-168.; Michon G. La préparation à la guerre. La Loi de trois ans, 1910–1914. Paris, 1935. P. 137-138.

¹⁵⁶ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit. P. 25.

мир на европейском континенте¹⁵⁷. Это был просто очередной политический светский скандал, к которым тогда успели привыкнуть. Телеграмма, сообщавшая об убийстве эрцгерцога и его жены в боснийской столице, была передана Пуанкаре в воскресенье днем 28 июня 1914 г. Президент вместе с дипломатическим корпусом присутствовал на Гран-при на ипподроме Лоншам. Новость вызвала замешательство, и австрийский посол удалился. Но президент и другие члены дипломатического корпуса остались, чтобы посмотреть послеобеденные скачки. Если июльский кризис не существовал для французского общественного мнения, то он не существовал и для французских политических и дипломатических руководителей¹⁵⁸.

Внимание французов было приковано к внутривнутриполитическим скандалам, один из которых разразился в 1914 г. после выступления в Сенате Ш. Гумберта, отметившего сложности, стоящие перед французскими вооруженными силами, в первую очередь, отсутствие тяжелой артиллерии. Но самый яркий публичный скандал во Франции был связан с судом над женой бывшего премьер-министра Ж. Кайо. Мадам Кайо застрелила редактора газеты *Le Figaro* за публикацию ее любовных писем, написанных до развода премьер-министра с первой женой. Дело Кайо было настоящим «июльским кризисом» вплоть до 28 июля, когда суд присяжных (к всеобщему изумлению) оправдал мадам Кайо¹⁵⁹.

Анализ освещения в прессе европейского дипломатического кризиса и суда над мадам Кайо показывает, что до 24 июля 1914 г. информация о последнем полностью доминировала в газетных колонках. Даже за три дня до начала всеобщей мобилизации во Франции судебный процесс по значимости соперничал с европейским кризисом, если не превосходил его. 29 июля самая уважаемая газета Франции *Le Temps*, известная своим авторитетным освещением международных отношений, посвятила окончательному

¹⁵⁷ Becker J.-J. *La population française...* Op. cit. P. 35-36; Keiger J. F. V. *Britain's «Union Sacrée» in 1914 // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918.* Paris, 1990. P. 40.

¹⁵⁸ Keiger J. F. V. Op. cit. P. 146.

¹⁵⁹ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit. P. 25.

оправдательному приговору Кайо в два раза больше места, чем описанию европейского кризиса. Не изменилась ситуация и в газетах с самым широким тиражом, таких как *Le Petit Parisien* и *L'Echo de Paris*¹⁶⁰.

Исследование публикаций в средствах массовой информации в тот период показывает, что события внешней политики в июле 1914 г. находились далеко не в центре внимания населения Франции¹⁶¹. В течение месяца жители страны в целом практически не знали о напряженной дипломатической борьбе, которая велась после убийства австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда.

Европейская война казалась анахронизмом: Франция и Германия не воевали уже сорок четыре года, Австрия – почти полвека, а Россия и Британия – шестьдесят лет. Более серьезные кризисы, чем убийство эрцгерцога, такие как боснийский и марокканские, за последние годы сошли на нет. Надежду на невозможность продолжения конфликта вселяло и то, что предыдущие кризисные ситуации на Балканах уже разрешались с помощью механизма старого «Европейского концерта». Весной и в начале лета 1914 г. в международных отношениях царил некоторое затишье, что не ускользнуло от внимания современников тех событий; так, после заключения франко-германского соглашения по Малой Азии, Ж. Камбон был настроен оптимистично: «Я далек от мысли, что в данный момент в воздухе есть что-то, что может представлять для нас угрозу...»¹⁶².

Но беспокойство о перспективах военного конфликта все же присутствовало во французском обществе. В своем труде, посвященном изучению патриотического подъема в странах Антанты, Н. В. Юдин писал о «постепенном распространении среди населения Третьей республики представлений о возможности скорой войны. Об этом докладывали префекты отдельных департаментов. Хотя они утверждали, что подобная перспектива воспринимается населением достаточно спокойно, отмечались и участившиеся

¹⁶⁰ Becker J.-J. 1914... Op. cit. P. 130-135.

¹⁶¹ Joll J. *The Origins of the First World War*. New York, 1984. P. 172.

¹⁶² Keiger J. F. V. Op. cit. P. 145; Becker J.-J., 1914... Op. cit. P. 127.

случаи изъятия населением средств из сберегательных касс, антивоенные манифестации, организованные социалистами»¹⁶³.

По мнению Ж.-Ж. Беккера, во Франции прямая оппозиция войне была выражена наиболее энергично¹⁶⁴. С одной стороны, лидер социалистов Ж. Жорес в своей работе «Новый год», опубликованной в 1910 г., представил наиболее полную схему реформы системы национальной обороны. С другой – некоторые революционные синдикалисты и социалисты призывали к всеобщей забастовке против мобилизации и восстанию в случае начала войны. Последняя угроза была воспринята французским правительством более серьезно, чем предложения Жореса о реформе, несмотря на его значительное число сторонников в парламенте. Префекты департаментов вплоть до июля 1914 г. были заняты пересмотром «Carnet B» – списка людей, которые должны были быть арестованы в случае мобилизации как способные саботировать подготовку к войне. Список включал широкий, хотя иногда и произвольный, перечень имен убежденных синдикалистов и состоявшихся профсоюзных деятелей, которые, как считалось, вели активную антимилитаристскую пропаганду¹⁶⁵.

На самом деле эти опасения не имели под собой оснований. Выяснилось, что деятельность, которой занимались эти подозреваемые, была почти исключительно словесной и что, сколько бы революционные синдикалисты и некоторые социалисты ни повторяли свое намерение провести всеобщую забастовку против войны, они не делали никаких реальных приготовлений к этому¹⁶⁶.

На наш взгляд, не следует сильно преувеличивать значение националистических или антимилитаристских демонстраций. Отметим, что эти выступления пока еще не получили широкого распространения и не были массовыми. Представляется возможным, что в этих движениях принимали участие представители левых партий и рабочие, а также активисты разных

¹⁶³ Юдин Н. В. Патриотический подъем в странах Антанты... Указ. соч. С. 50.

¹⁶⁴ Becker J.-J. Le Carnet B... Op. cit.

¹⁶⁵ Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Op. cit. P. 206.

¹⁶⁶ Joll J. Op. cit. P. 208.

патриотических организаций, националисты и роялисты. Но, безусловно, для правительства Франции относительное спокойствие широких слоев населения служило обнадеживающим фактором. Можно только предполагать и приводить различные догадки, которые объясняли бы такой отклик французского населения, но, на наш взгляд, определённую роль в этом сыграл ряд обстоятельств. Во-первых, в большей или меньшей степени, осознавая опасность в сложившейся в международной обстановке, современники всё же сохраняли уверенность, что всё закончится благополучно и в этот раз, что очередной кризис решится путем дипломатических переговоров. Во-вторых, мы полагаем, что в тот период спокойствие населения объяснялось тем, что французы мало представляли возможным будущую войну между странами из-за ситуации в Сербии. Для них это казалось чем-то неправдоподобным.

Соответственно, короткий период между известием об ультиматуме Австрии Сербии и началом войны не позволил задуматься о последствиях кризиса. «Потребовалась всего неделя, чтобы поставить Европу накануне уникальной в истории катастрофы», – прокомментировал 1 августа французский деловой еженедельник *La Semaine Financière*¹⁶⁷.

У французской общественности было мало времени и возможностей осознать происходящее. Это стало одной из причин краха антимилиитаристского движения, которое было заметным явлением предвоенной политики и серьезно воспринималось правительством Франции.

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Началась Первая мировая война. На наш взгляд, именно 28 июля можно считать отправной точкой, когда произошел своеобразный перелом в понимании мировой ситуации французским населением и другими странами. На повестке дня оказался вопрос об участии Франции в войне. С этого момента разразившийся кризис практически полностью заслонил собой все прежние внутривнутриполитические, экономические, социальные проблемы и разногласия в стране.

¹⁶⁷ Ibid. P. 201.

Уже 29 июля Жорес выступал перед десятками тысяч брюссельских рабочих, призывая социалистов всей Европы оказать давление на своих лидеров, чтобы они проявили сдержанность в надвигающейся катастрофе. А 31 июля Жорес был застрелен. Его смерть часто интерпретируется как убийство последнего шанса остановить Великую войну до ее начала, а также преобразовать Европу мирными средствами. Конечно, мы никогда не сможем узнать, как поступил бы Жорес после начала немецкого вторжения. Но, безусловно, он никогда не был согласен с К. Марксом и Ф. Энгельсом, которые в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) утверждали, что у рабочих нет отечества. «Это саркастическое отрицание самой истории, – писал Жорес, – идея, принесенная в жертву прихоти». Конечно, его преемники в профсоюзах и в самой Социалистической партии поддерживали идею защиты нации¹⁶⁸.

1 августа 1914 г. был опубликован приказ о всеобщей мобилизации, которая официально начиналась на следующий день¹⁶⁹. Могло ли французское правительство поступить по-другому, отказаться от вмешательства в этот австро-сербский конфликт, не касающийся Франции, и оставить союзника по Антанте Россию один на один с Германией и Австро-Венгрией? В действительности – нет, потому что, оставшись вне конфликта, Франция обязана была бы предоставить Германии список залоговых обязательств, что было абсолютно неприемлемо для нее. В своем подавляющем большинстве французы 1914 г. не желали войны. Всеобщая мобилизация их удивила, ошеломила, почти раздавила. В то же время у них оказался слишком силен дух патриотизма, чтобы отказаться от войны любой ценой¹⁷⁰.

Всеобщая мобилизация стала крупным событием этой войны. Но в данном случае следует говорить отдельно о городском населении, которое

¹⁶⁸ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit. P. 27.

¹⁶⁹ Приказ был опубликован 1 августа 1914 г. во второй половине дня, официальным днем начала мобилизации объявлялось 2 августа.

¹⁷⁰ Беккер Ж.-Ж. Указ. соч. М., 2006. С. 25.

было в курсе угрожающего развития событий, и о сельских жителях, которых приказ о мобилизации привел в полное недоумение¹⁷¹.

Первой реакцией людей чаще всего было непонимание и растерянность. Тем не менее спустя несколько часов или дней атмосфера изменилась: призывники отправлялись на фронт с большой решимостью, иногда даже с энтузиазмом. Почему же растерянность так скоро уступила место решительности? Причина в том, что в стране очень быстро распространилось убеждение, что Франция ни при чем в этом конфликте, что она подверглась агрессии без малейшего на то повода. Вторжение германских войск в Люксембург 2 августа, ультиматум Бельгии 3 августа подогревали подобные чувства¹⁷².

3 августа в газете *Le Temps* было опубликовано сообщение о нападении Германии на Францию¹⁷³. Французские газеты с этого момента больше не нуждались в поисках каких-либо аргументов, которые обосновывали вступление Франции в войну на стороне Сербии и России. *Le Temps* подчеркивала, что этот конфликт был навязан французам и теперь у них нет выбора, поэтому они должны сражаться за «свое великое будущее, но и за само свое существование»¹⁷⁴. Тон газеты *Le Matin* был еще более эмоциональным¹⁷⁵. С гордостью главные французские газеты подчеркивали отношение широких слоев населения к мобилизации и войне: «Каждый француз в данный момент является точным и абсолютным воплощением своей расы, со всеми присущими ей инстинктами, страстями и надеждами... Как будто вся нация двинулась на агрессора»¹⁷⁶.

При изучении реакции населения Франции и общественных настроений в связи с началом Первой мировой войны, на наш взгляд, следует выделить две наиболее крупные социальные группы. К первой группе можно условно

¹⁷¹ Там же. С. 31.

¹⁷² Там же. С. 32.

¹⁷³ *Le Temps*. 1914, 03 août. P. 1.

¹⁷⁴ *Le Petit Parisien*. 1914, 03 août. P. 1.

¹⁷⁵ *Le Matin*. 1914, 04 août. P. 1.

¹⁷⁶ *Le Figaro*. 1914, 03 août. P. 1.

отнести политическую элиту и интеллигенцию. Это были люди, которые в силу своей профессиональной деятельности, положения в обществе, авторитета принимали участие в решении важных задач во внутренней и внешней политике, отвечали за обеспечение обороны страны, работу промышленных предприятий, гражданских служб и т.д. От их деятельности во многом зависело единство общества. Поэтому, когда мы употребляем термин «элита», мы используем функциональный, а не ценностный подход к его толкованию¹⁷⁷. Вторая социально-функциональная группа включает крестьян, рабочих, владельцев малого и среднего бизнеса – всех тех, кого традиционно называют «широкие слои населения». К этой группе можно отнести людей, которые не принимали участие в принятии важных политических решений, но на которых в большей степени легло тяжелое бремя войны. Именно городские и сельские жители несли на себе основную тяжесть расходов, лишений и потерь от военных действий.

Подробнее рассмотрим отношение к войне представителей интеллигенции и политической элиты. Как показали события июльского кризиса, их мировоззрение и ценности в значительной степени совпадали, что способствовало быстрому достижению консенсуса по вопросу о войне, который перерос в настоящий патриотический подъем¹⁷⁸. Для политической элиты это согласие наиболее ярко отразилось в лозунге «священного единения»¹⁷⁹, который призывал все политические силы прекратить борьбу за власть во время войны и объединить все свои усилия для противостояния внешнему врагу¹⁸⁰.

4 августа 1914 г. Р. Вивиани зачитал перед парламентом обращение президента Франции Р. Пуанкаре, до этого представленное на Совете министров. Президент Республики сумел прочувствовать атмосферу в стране: «Франция (...) будет героически защищена ее сыновьями, которых ничто не сломит перед врагами Священного союза...». Формула «Священного союза»,

¹⁷⁷ Ашин Г. К. Элитология. М., 2005.

¹⁷⁸ Loez A. La Grande Guerre. Paris, 2010. P. 11; Joll J. Op. cit. P. 185-189.

¹⁷⁹ Появившись во Франции, этот лозунг был подхвачен во всех странах Антанты и активно применялся политиками и публицистами для описания атмосферы тех дней.

¹⁸⁰ Ревякин А. В. Указ. соч. С. 239-240.

характеризующая этот период, имела феноменальный успех.¹⁸¹

Но означал ли «Священный союз», что все обычные противоречия в обществе исчезли? Бывший председатель Совета министров Л. Барту воскликнул в 1916 г.: «Нет больше политических различий, нет больше религиозных конфессий, нет больше классовой борьбы!»¹⁸². Французское общественное мнение, независимо от позиции и степени ответственности каждого француза, было почти единодушно убеждено в том, что начавшаяся война будет краткой. Ключ к «Священному союзу», по крайней мере, на его ранних стадиях, заключался в том, что достаточно было отложить на время все, что разделяло, ради достижения еще одной общей идеи французов: эта война не должна быть проиграна, так как на карту поставлена судьба французской нации и ее место в мире. «Священный союз», пожалуй, лучше всего описать как перемирие между политическими соперниками на время военных действий ради победы в войне. Ни одна из сторон не отказалась от своих убеждений. Для социалистов война оставалась злом, которое, однако, может иметь положительные последствия в виде перспективы уничтожения германского милитаризма и установления республики в Германии. Кроме того, по мнению сторонников социализма, контраст между ужасами войны и идеалами человеческого братства раскрывал несомненную ценность последних. Националисты утверждали, что война, напротив, доказала бессмысленность пацифистских и интернационалистских теорий их оппонентов, что война была не сражением за демократию или республику, а борьбой между нациями. Церковь хотела вернуть себе то место, которое у нее отняла Республика. Будущий кардинал А. Бодрийяр писал в газете *La Croix*: «Став снова полностью французской, национальная душа становится католической»¹⁸³. Он верил, что те преобразования, которые произойдут в сознании людей, обязательно повлекут за собой политические последствия. Они произойдут в силу обстоятельств и станут следствием возвращения к вере, которое наблюдалось с первых дней

¹⁸¹ Беккер Ж.-Ж. Указ. соч. С. 32.

¹⁸² Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Op. cit. P. 213-214.

¹⁸³ Ibid.

конфликта. Поэтому «Священный союз» во Франции представлял собой некую «идеологическую какофонию»¹⁸⁴.

Будучи в подавляющем большинстве католиками, французы, военные и гражданские, стекались к церкви, когда началась мобилизация. Папа Пий X отчаянно стремился к нейтралитету и обращался с тщетными призывами к обеим сторонам конфликта заключить мир. Но французский католицизм с самого начала поддержал решение правительства вступить в войну. Хорошо известно, что многие представители духовенства поощряли взгляд на европейский конфликт как на религиозный конфликт. Французские священники также охотно убеждали паству, что Франция ведет справедливую войну¹⁸⁵.

В августе 1915 г. католический клерикальный журнал *La Revue du Clergé Français* в полной мере передал тон мобилизации, объединив дело Бога с делом Франции: «Франция не может проиграть. Мир лишится того, что является ее изысканным украшением, Церковь – того, кто является ее неутомимым апостолом, а сам Бог – служения благородного рыцаря»¹⁸⁶.

Во Франции, где долгое время существовали антиклерикальные настроения, католическая церковь приветствовала «великое возвращение к Господу в массах и среди воинов»; начал процветать культ Пресвятого Сердца Иисуса. Доходило даже до того, что некоторые воинственно настроенные священники призывали дополнить государственный флаг изображением Пресвятого Сердца. Заметно выросло число паломников, посещавших Лурд, Понман и Ла-Салетт¹⁸⁷.

Известные католические пропагандисты, такие как граф А. де Мен, поставили свои литературные таланты на службу Франции и в трудные времена пытались вселить в сердца населения веру в неминуемую победу¹⁸⁸.

¹⁸⁴ Ibid.

¹⁸⁵ Фергюсон Н. Горечь войны. М., 2019. С. 240.

¹⁸⁶ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op.cit. 2003. P. 28.

¹⁸⁷ Фергюсон Н. Указ. соч. С. 240.

¹⁸⁸ Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 295.

Духовенство во Франции не освобождалось от военной службы, однако лишь незначительное меньшинство из 25 000 мобилизованных священников служили капелланами; большинство стало участниками боевых действий вместе со своими соотечественниками. Р. Пуанкаре очень часто подчеркивал свою благодарность за патриотическую веру, проявленную как религиозными организациями Франции, так и отдельными верующими¹⁸⁹.

Если говорить о социалистах, то они не только сменили свой курс, но и стали активными участниками в деле национальной обороны. Мудрое решение правительства не арестовывать профсоюзных активистов, пацифистов, антимилитаристов и подозреваемых шпионов, внесенных в черный список, составленный властями и известный как «Carnet В», помогло привлечь их поддержку. Мысль о том, что все они сражаются за правое дело, объединяла разделенную, казалось бы, Францию. 26 августа после перестановок в правительство Франции вошли два руководителя-социалиста: Ж. Гезд и М. Семба¹⁹⁰. Другой социалист А. Томас в конечном итоге возглавит министерство, управлявшее производством вооружений¹⁹¹.

Французская политическая элита и интеллигенция приняли активное участие в военных действиях¹⁹². К примеру, А. Мессими, бывший военный министр, отправился на фронт командовать стрелковым батальоном; так же поступили и сыновья бывшего председателя Палаты депутатов П. Думера, которые добровольцами ушли на фронт; на фронте сражался и попал в плен сын министра иностранных дел Т. Делькассе; в сражении погиб сын бывшего председателя Совета министров Л. Барту и т.д.¹⁹³. Охваченные чувством патриотизма, многие французские интеллектуалы отказались от своих довоенных пацифистских и социалистических убеждений и, движимые чувством гражданского долга, поспешили вступить в действующую армию для

¹⁸⁹ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op.cit. P. 28.

¹⁹⁰ Беккер Ж.-Ж. Указ. соч. С. 33.

¹⁹¹ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op.cit. P. 29.

¹⁹² Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 35.

¹⁹³ Там же. С. 172, 183, 221, 402.

«защиты цивилизации»¹⁹⁴. На фронт ушли такие известные писатели и ученые, как Ш. Пеги, Э. Псишари, А. Фурнье, Л. Перго, Ж. Дюамель, Р. Доржелес, А. Барбюс, А. Мале, Э. Шартье¹⁹⁵. Такой патриотический подъем был характерен и для остальных групп французской интеллигенции. Современный историк Ф. Коше приводит такие данные: «Из 35 000 школьных учителей, ушедших на фронт, четверть из них (8 417 чел.) погибли на войне»¹⁹⁶.

В этот период во Франции в различных формах развивалась благотворительность, которую активно поддерживал президент Р. Пуанкаре. Он лично посещал госпитали, вручал награды солдатам и т.д.¹⁹⁷.

В августе 1914 г. многие французские писатели, забыв о прежних разногласиях, искренне поддержали провозглашение президентом Республики политики «священного единения» и обязались тесно сотрудничать друг с другом для скорейшей победы над врагом. Это сотрудничество развивалось и в пропагандистском плане, в полемике с немецкими учеными и общественными деятелями о причинах и виновниках начавшейся войны¹⁹⁸. Р. Пуанкаре описывает эти тенденции среди французской интеллектуальной элиты: «Сегодня в Сорбонне под председательством декана литературоведческого факультета и члена Академии Аппеля собрались лица различного происхождения и весьма различных взглядов: Э. Лависс, Аното, Моррис Баррес, мадемуазель Дерулед, монсеньор Одеден как представитель парижского архиепископа, секретарь социалистической партии Дюбрэиль, секретарь Всеобщей конфедерации труда Жуо, Морис Пюжо из Action française, судьи, чиновники, промышленники, артисты, писатели – все они воодушевлены одной верой, все они едины в одной мысли способствовать властям в обширной программе помощи жертвам войны»¹⁹⁹.

¹⁹⁴ Палеолог М. Указ. соч. С. 115-116.

¹⁹⁵ Там же. С. 486, 490; Беккер Ж.-Ж. Указ. соч. С. 56; Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit. P. 55.

¹⁹⁶ Cochet F. *Survivre au front 1914-1918: Les Poilus entre contrainte et consentement*. Paris, 2005. P. 56.

¹⁹⁷ Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 177, 265, 291, 318-319, 334, 407, 438.

¹⁹⁸ Там же. С. 35, 80, 183.

¹⁹⁹ Там же. С. 35.

Однако следует отметить, что мобилизация французской интеллигенции никогда не была полной. Например, такие знаковые для французской литературы фигуры, как А. Жид, М. Пруст и П. Валери, хранили молчание на протяжении всей войны. Но тот факт, что люди разных взглядов и убеждений, такие, например, как писатель А. Барбюс или историк Альбер, вступили в армию добровольцами, будучи старше призывного возраста, показал, насколько эффективно «Священный союз» обосновал мобилизацию французского общества²⁰⁰. На протяжении всей Великой войны интеллектуалы сражались не только на поле боя, но и в области формирования общественного мнения; например, писатель и член парламента М. Баррес на протяжении всего конфликта создавал статьи на военную тему²⁰¹.

Французские ученые, особенно историки и философы, также решительно поддержали новую войну. Комитет по исследованиям и документам о войне сыграл ключевую роль в пропаганде как внутри Франции, так и за рубежом. Под руководством историка Э. Лависса в комитет вошли такие авторитетные люди, как философы А. Бергсон и Э. Бутру, историк Ш. Сеньобос, историк и литературный критик Г. Лансон. При поддержке Парижской торговой палаты комитет издавал антигерманские брошюры, выходившие на разных языках. Выдающимися патриотами среди членов Французской академии были А. Лаведан, Ж. Ришпен, П. Лоти и Ж. Экар. Представители академического сообщества также публично заявили о своей поддержке войны: помимо Бергсона, Лависса и Дюркгейма, это были такие известные профессора, как Э. Маль, В. Берар, Ш. Андлер и многие другие. Книга «Письма ко всем французам», издававшаяся Лависсом и Дюркгеймом с 1915 г., иллюстрировала общественную роль академического мира в мобилизации нации. Первоначально опубликованные в виде листовок (по три миллиона экземпляров каждая) и составленные в 1916 г. письма

²⁰⁰ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit. P. 55.

²⁰¹ Ibid. P. 56.

представляли собой короткие и простые тексты, главной целью которых было информировать население, ставя научную «объективность» на службу нации²⁰².

Приведенные данные позволяют получить представление об участии политической элиты и интеллигенции в военных действиях Франции. Можно сделать вывод, что их первая реакция на начало Первой мировой войны характеризовалась повсеместным всплеском патриотических настроений и развивалась в практически одинаковых функциональных формах (пропаганда, благотворительность, служба в армии). В то же время внутренние противоречия и конфликты, подрывавшие согласие между политической элитой и интеллигенцией стран Антанты, проявились уже в первые дни конфликта. Следовательно, лозунг «Священного союза», провозглашенный в начале войны, лишь отчасти отражал истинное настроение в кругах интеллигенции. Представители законодательной и исполнительной властей торжественно обещали отказаться от внутрипартийной борьбы на время войны, но в действительности эти обещания редко соблюдались. В целом противоречия, существовавшие в то время, еще не успели проявиться в полной мере. Политическая элита и интеллектуалы в начале Первой мировой войны все-таки пошли на формальное примирение и последовали курсу на поддержание внутреннего консенсуса. В последующие месяцы военных действий постепенное разрушение «Священного союза» начало набирать обороты.

Далее обратимся к анализу реакции на начало Первой мировой войны второй крупной социально-функциональной группы – городского и сельского населения. Следует отметить, что городские жители, особенно проживавшие в столице, отреагировали на ее начало наиболее активно. Типичными были такие эмоциональные формы реакции, как патриотические демонстрации, шествия, скандирование гимнов и т.д.²⁰³. В Париже, например, патриотизм жителей города в первые дни августа 1914 г. проявлялся по-разному. По всему городу

²⁰² Ibid.

²⁰³ Verhey J. *The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany*. Cambridge, 2006. P. 24-25; Loez A. *Op. cit.* P. 13.

жители скандировали: «Да здравствует кирасиры! Да здравствует армия», «Да здравствует Франция!». Так население столицы провожало уходившие на фронт полки²⁰⁴. Вместе с тем в ряде источников вообще не упоминается о каких-либо патриотических демонстрациях или энтузиазме в столице. Например, историк М. Блок, описывая те дни, отмечал, что атмосфера в Париже была спокойной²⁰⁵. Это подтверждал и британский посол Ф. Берти, который писал об удивительном спокойствии парижан²⁰⁶.

Некоторый энтузиазм, несомненно, был. В первые месяцы войны сохранялось приподнятое настроение. Персонаж «Комедии войны» Д. ла Рошеля описывал удовольствие от нахождения в такой толпе в Париже: «Я... потерялся во всем этом, радуясь своей анонимности».²⁰⁷ Тем не менее появляется все больше свидетельств, опровергающих тезис о якобы всеобщей воинственности. Да, на улицы вышло множество людей, однако неверно приписывать им исключительно «воодушевление» или эйфорию. В той ситуации отчаяние, тревога и даже милленаристские страхи были обычной реакцией.²⁰⁸

Конечно, не только политически сознательные граждане относились к войне с волнением. Настроение в районах, население которых могло непосредственно столкнуться с врагом, было близким к панике. Массовый исход из Парижа начался еще до первой бомбардировки города (30 августа): горожанам была памятна осада 1870 года. К сентябрю 1914 г. французскую столицу покинуло около 700 тысяч гражданских лиц, в том числе около 220 тысяч детей в возрасте до пятнадцати лет. В числе взрослых жителей города оказался весь аппарат правительства и гражданских служб, чьи сотрудники перебрались в безопасный Бордо.²⁰⁹

²⁰⁴ Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 23; Barnard C. I. Op. cit. P. 5-44; Gibbs P. L'âme de la guerre. Paris, 1916. P. 26-27.

²⁰⁵ Bloch M. Op. cit. P. 78.

²⁰⁶ Берти Ф. Указ. соч. С. 22.

²⁰⁷ Фергюсон Н. Указ. соч. С. 210.

²⁰⁸ Там же. С. 211.

²⁰⁹ Там же. С. 220-221.

Более важным и показательным с точки зрения описания настроений городских жителей является другое проявление реакции современников на начало военных действий. Это массовая мобилизация в августе 1914 г., которая прошла довольно успешно. Об этом свидетельствуют следующие данные: «...так число уклонистов, по прогнозам МВД и Военного министерства должно было достигать 10% от общего числа призывников, однако в действительности оно не превысило и 1%»²¹⁰. Мы считаем, что успех мобилизации является важным показателем истинного патриотического подъема во французском обществе в начале войны, который опирался на национальный консенсус. Отчеты префектов, сообщавшие о ходе мобилизации в департаментах, свидетельствовали о его национальном масштабе. В них также говорилось и о настроении населения, которое описывалось как спокойное и воодушевленное. Патриотический подъем особенно проявлялся во время проводов солдат на фронт. Тревога и страх за судьбу своих близких уступили место эмоциональным проявлениям энтузиазма. Уходящие полки провожали ликующие толпы горожан, которые осыпали солдат цветами.

Почему люди шли на фронт? В большинстве случаев точно не ради соблюдения договора 1839 г., закрепившего нейтралитет Бельгии, и не ради защиты Сербии от мести Габсбургов за сараевское убийство. Самым распространенным мотивом добровольцев была именно любовь к родной стране. Патриотический «дух 1914 года» явился плодом многолетней идеологической обработки в школах, университетах, националистических ассоциациях и в самой армии. Неслучайно одним из персонажей романа «На Западном фронте без перемен» стал школьный учитель²¹¹. Народные массы (по крайней мере, средний класс) подвергались воздействию воспитывающих национальное чувство музыки, поэзии, изобразительного искусства, скульптуры и, конечно, преподавания истории. Военной лихорадке способствовали даже некоторые культурные модернистские тенденции,

²¹⁰ Cochet F. Op. cit. P. 56; Loez A. Op. cit. P. 15.

²¹¹ Ремарк Э. М. Указ. соч. 2020.

которые изображали войну как средство духовного обновления – в противоположность уничтожению.²¹²

Следует отметить, что проявление данных эмоциональных реакций на начало Первой мировой войны, в первую очередь, было характерно для жителей городов. С одной стороны, это можно объяснить указанными выше особенностями городской культуры и присущими ей способами выражения отношения людей к различным событиям. С другой стороны, города часто были важными транспортными узлами, через которые проходила большая часть мобилизованных солдат²¹³. Все это способствовало публичному выражению патриотизма и военного энтузиазма как солдатами, так и гражданскими лицами. Однако ошибочно утверждать, что отношение простых французских сельских жителей к войне коренным образом отличалось от отношения городского населения. В отчетах префектов, например, часто подчеркивалось, что они учитывали настроение всех жителей, включая представителей сельских районов²¹⁴. Мы считаем, что отсутствие данных о патриотических настроениях, сообщений о крупных митингах в сельской местности не должно приводить к выводу, что тема войны была там менее популярна, чем в городах. Сельские жители в силу своего менталитета были менее склонны к таким формам проявления настроений, как демонстрации или митинги. Однако они не менее оперативно отреагировали на приказ о мобилизации, несмотря на то, что он застал их врасплох в разгар сельскохозяйственных работ.

Ж.-Ж. Беккер в своей новаторской работе проанализировал, насколько неоднозначные настроения наблюдались среди французов в 1914 г. даже в районах, которым война непосредственно не угрожала²¹⁵. По данным анкетирования на тему «Как прошла мобилизация? Общественные настроения, типичные отзывы о ней», проведенного среди учителей начальных классов в некоторых департаментах страны, Беккер отметил, что

²¹² Фергюсон Н. Указ. соч. С. 233.

²¹³ Winter J. M. The Experience of World War I. Edinburgh, 1988. P. 165.

²¹⁴ Юдин Н. В. Патриотический подъем в странах Антанты... Указ. соч. С. 203.

²¹⁵ Becker J.-J. 1914... Op. cit.

преобладающей реакцией простых французов на войну был не энтузиазм. Наиболее распространенной реакцией на известие о мобилизации более чем в 300 коммунах департамента Шаранта явилось «ошеломление» (а следующей за ним – «удивление»)²¹⁶.

Вот как описано начало мобилизации в сельской местности: «1 августа к офису мэра деревни Сен-Лормель (с населением 816 человек) в департаменте Кот-д'Армор в Бретани подъехал автомобиль. Из машины вышел жандарм и скрылся внутри. Через несколько минут раздался звон церковных колоколов. Школьная учительница города мадам Ле Ме, слышала, как одна пожилая женщина пробормотала: «Вот он, колокол, звонит по нашим мальчикам»²¹⁷. Но национальное сообщество с самого начала проявило огромную решимость победить в войне, навязанной французам захватчиком. По словам школьного учителя из бретонского городка Гломель, «люди всех классов, всех профессий и всех оттенков мнений шли вперед, торжественно, мощной силой»²¹⁸. Символизм этого события был отмечен и учителем из деревушки Шамсор в горных Верхних Альпах. Семь колоколов эхом разнеслись по долинам, каждый из которых возвещал о всеобщей мобилизации. «Я не в первый раз слышу, как они звучат вместе, – заметил он. – Но я впервые услышал, как они звонят в один голос»²¹⁹.

Проанализировав лексику, использованную для характеристики общественных настроений, Ж.-Ж. Беккер подсчитал, что в 57% случаев реакция оказалась отрицательной, в 20% – «спокойной и сдержанной» и лишь 23% отзывов указывают на патриотический пыл. Среди негативных реакций на мобилизацию особенно часто фигурируют «плач» и «уныние» – не менее 92 раз, упоминаний об «энтузиазме» лишь 29²²⁰. Настроение ко времени отправки войск на фронт, несомненно, улучшилось: число

²¹⁶ Фергюсон Н. Указ. соч. С. 221.

²¹⁷ Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. Op. cit. P. 28.

²¹⁸ Ibid.

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Фергюсон Н. Указ. соч. С. 221.

упоминаний об «энтузиазме» возросло. Впрочем, это был энтузиазм особого рода. «Песни, распеваемые теми, кто шумел и похвалялся, мне показались фальшивыми, – сообщал учитель из Обтера. – И, кажется, эти люди напились, чтобы набраться храбрости и скрыть свой страх»²²¹. Историки часто упоминают, что французы горели желанием отомстить за унижение 1870–1871 гг. и вернуть себе Эльзас и Лотарингию, однако, по данным Ж.-Ж. Беккера, эти причины мало кто называл. Главным обоснованием войны, как и везде, стала самозащита. Обычное отношение было таким: «Франция не хотела этой войны. На нашу страну напали, и мы исполним свой долг». Более того, данные из пяти других департаментов указывают на то, что в Шаранте степень отмеченного энтузиазма, вероятно, была выше среднего. Так, в департаменте Кот-дю-Нор (ныне Кот-д'Армор) реакция на объявление мобилизации примерно в 70% случаев была негативной.²²² Следует отметить, что данные, приведенные Ж.-Ж. Беккером, в большей степени относятся к сельским районам Франции. Имеются свидетельства, что патриотический подъем в 1914 г. была свойствен, в первую очередь, горожанам²²³. Но и данное утверждение нельзя считать абсолютно доказанным.

Также важно отметить, что почти всё население Франции в то время было охвачено чувствами примирения и солидарности. Эти тенденции, воплотившиеся в лозунге «священного единения», не были чужды и широким слоям городских и сельских жителей. Снова процитируем М. Блока: «На улицах, в магазинах и трамваях незнакомцы свободно разговаривали друг с другом; всеобщий подъем, хотя и выражавшийся зачастую в наивных и неуклюжих словах и жестах, был, тем не менее, трогательным. Мужчины по большей части не были веселы – они были решительны, а это намного лучше»²²⁴. О чувстве единения перед лицом внешнего врага, охватившем жителей Парижа, говорил и британский журналист Ф. Гиббс: «Эмоции сдавливали сердце. В эти дни Франция казалась мне

²²¹ Там же.

²²² Там же. С. 221-222.

²²³ Там же. С. 222.

²²⁴ Bloch M. Op. cit. P. 78.

священной в своей отваге, самопожертвовании, страдании. Анархисты, революционеры, отбросы преступного мира, нищие проститутки очистились на время от всех своих грехов любовью, страстью к Франции. Они сами по себе ничего не значили. Их жизни не имели значения, только бы Франция продолжала жить»²²⁵.

Аналогичное примирение можно было наблюдать и в провинциях. Вот как один из современников описывает атмосферу тех дней в Нарбонне: «Больше нет политических противников, оскорблений, обид, ненависти – всё забыто. Первым делом война совершила чудо, приведя к миру, согласию, примирению людей, ранее друг друга ненавидевших»²²⁶. По этому поводу пишет историк Дж. Джолл: «Несомненно, что на короткий период в августе 1914 г., о котором многие будут потом вспоминать как о величайшем моменте в их жизнях, война заставила людей забыть о своих разногласиях и создала чувство национального единства в каждой стране. Так, во французских деревнях кюре и школьный учитель впервые за многие годы заговорили друг с другом»²²⁷.

В первые месяцы войны городское и сельское население Франции активно и с энтузиазмом участвовало в различных благотворительных акциях: люди собирали пожертвования для семей солдат и раненых, принимали беженцев из оккупированных провинций и др.²²⁸

В этом отношении также показателен пример французских рабочих. Они не только поддержали свое правительство в новой войне, отказавшись от забастовок и выполнив мобилизационные приказы, но и оказали помощь в проведении сельскохозяйственных кампаний²²⁹. Примечательно, что французские рабочие в отличие от других городских жителей выразили наиболее сильную гражданскую позицию. Это особенно проявилось в антигерманских настроениях, которые сопровождали начало Первой мировой войны. Для этой группы людей Германия выступала в качестве агрессора,

²²⁵ Gibbs P. Ten Years After... Op. cit. P. 22.

²²⁶ Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier. 1914-1918. Paris, 1981. P. 14.

²²⁷ Joll J. Op. cit. P. 184.

²²⁸ Юдин Н. В. Патриотический подъем в странах Антанты... Указ. соч. С. 206.

²²⁹ Там же.

ведущего войну против Франции без какого-либо официального обоснования. СМИ разжигали атмосферу германофобии, особенно после первых сообщений о жестоком обращении немецких солдат с мирными жителями в Бельгии, что привело к росту погромов в стране. В Париже были разграблены магазины, принадлежащие немцам, а в районах с преимущественно немецким населением произошли беспорядки²³⁰. Подобные инциденты были отмечены и в провинциях. В стране процветала шпиономания, жертвами которой часто становились совершенно случайные люди, чьё преступление заключалось в светлых волосах или в немецкой фамилии²³¹.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что во Франции в июле 1914 г. не было военной напряженности, существовавшей в предыдущий период. Символом этого всеобщего спокойствия стала поездка Президента Республики и Председателя Совета министров в Россию и скандинавские столицы. Когда разразился кризис, потребовалось несколько дней для того, чтобы французское общество осознало степень его серьезности. Достаточно быстро общественность была убеждена в том, что Франция является жертвой немецкой агрессии, в то время как идея мести за проигрыш в войне 1870–1871 гг. или возвращения Эльзас-Лотарингии не фигурировала в числе мотивов готовности к мобилизации. Городское и сельское население Франции встретило Первую мировую войну с истинным подъемом патриотических чувств, готовностью сплотится перед внешней опасностью. Патриотические настроения проявлялись в тщательном выполнении мобилизационных предписаний, в стремлении помочь фронту. Именно чувство необходимости защищать свою страну было основополагающим фактором мотивации людей к участию в военных действиях. В начале войны многие были уверены в её непродолжительности, полагая, что она не продлится дольше нескольких недель или месяцев. На фоне роста патриотических настроений был создан так называемый «Священный союз», продемонстрировавший всеобщее сплочение

²³⁰ Schor R. *La France dans la Première Guerre mondiale*. Paris, 1997. P. 38; Берги Ф. Указ. соч. С. 22; Barnard C. I. *Op. cit.* P. 12-13, 55; Loez A. *Op. cit.* P. 13.

²³¹ Юдин Н.В. Патриотический подъем в странах Антанты... Указ. соч. С. 206; Schor R. *Op. cit.* P. 38, 72.

и готовность каждого внести свой вклад в защиту Франции. Однако такое единение не означало исчезновения политических и духовных разногласий, которые существовали в стране.

Глава II. Система французской пропаганды в период с 1914 по 1918

гг.

2.1. Становление и структура органов пропаганды

Информационное противостояние является частью ведения войны, независимо от существующей политической системы. Будучи промышленным и технологическим конфликтом, Первая мировая война была также войной слов и лозунгов. Франция предприняла интенсивные усилия по производству пропаганды, чтобы сплотить нейтральные страны, объединить собственный лагерь и деморализовать противника. Следует отметить, что информация о пропагандистских организациях в период их функционирования держалась в секрете для достижения наиболее эффективного результата их деятельности. В силу этого исследователи не располагают полными и точными данными относительно работы органов пропаганды Франции, в частности об источниках их финансирования. Это привносит определенные сложности в анализ деятельности данных структур и не дает возможности создать абсолютно объективную картину их функционирования во время Первой мировой войны, отношений друг с другом и правительством.

Создание системы взаимоотношений цензурных ведомств, военных и гражданских органов пропаганды позволило выстроить национальную информационную пирамиду. Французские пропагандистские организации можно разделить на три основные группы:

- 1) правительственные организации, отвечавшие за официальную государственную пропаганду;
- 2) независимые организации и агентства, получавшие финансовую поддержку от правительства;
- 3) частные организации или патриотические объединения.

Предпосылки к созданию французской пропаганды существовали и до начала войны. Вопросы управления информацией в военное время обсуждались французским верховным командованием еще в середине 1913

г., но серьезное планирование началось только в июне 1914 г. после переназначения А. Мессими на пост военного министра²³². «Уже через три дня после объявления войны Вивиани внес соответствующий законопроект, в тот же день вотированный Сенатом и Палатой, – и в качестве первой ассигновки на развитие пропаганды на организацию Дома печати была отпущена мелочь в 25 миллионов»²³³. Несмотря на отсутствие централизованного управления, пропагандистского материала, исходившего от различных организаций, было достаточно, чтобы противостоять противнику на поле психологической войны (См.: приложение 7).

В 1914 г. французское правительство создало Бюро печати, подчинявшееся Министерству иностранных дел, которое сразу же стало взаимодействовать с уже существующими официальными и частными организациями.

Несмотря на то, что вертикальная государственная пропаганда оказалась решающей, в частности, благодаря участию таких государственных деятелей, как А. Бриан и Ж. Клемансо, и благодаря созданию официальных органов пропаганды, таких как Дом печати, существенное развитие получила и горизонтальная мобилизация.

На раннем этапе войны другие официальные государственные структуры самостоятельно начали вести пропаганду. Стоит отметить вклад французских торговых палат, которые уже в 1914 г. стали на службу официальной пропаганды. Благодаря торговой деятельности, которой они активно занимались до войны, Франции удалось наладить хорошие отношения с зарубежными странами. Значительную роль в деле информационного противостояния сыграла Парижская торговая палата, которая с декабря 1914 г. начала выпускать свой собственный информационный бюллетень на шести языках: французском, английском, немецком, испанском, португальском, итальянском. Помимо экономической

²³² Forcade O. Op. cit. P. 41.

²³³ За кулисами французской печати. М.-Л., 1926. С. 161.

сводки, которая размещалась на первом плане в соответствии с функциями торговой палаты, в бюллетень также были включены статьи о войне.

Значительную роль в активизации пропаганды сыграла также Марсельская торговая палата, создавшая собственную пропагандистскую организацию – Комитет по взаимодействию с нейтральными странами, который наряду с брошюрами распространял фотооткрытки о войне.

В начале войны был основан Комитет Мишле. Он выпускал свой собственный журнал «Бюллетень историко-политических исследований комитета Мишле»²³⁴. Кроме того, комитет занимался производством листовок, предназначенных для зарубежных стран, и распространял пропагандистские книги и брошюры.

Определяющую роль в издании пропагандистских материалов играл Комитет по военным исследованиям и документам, в который входили французские профессора под руководством историка Парижского университета Э. Лависса. Брошюры, опубликованные этим комитетом, были переведены на несколько языков. Кроме того, отдельными его членами издавались брошюры под общим названием «За правду. Исследования, опубликованные под патронажем постоянных секретарей пяти академий»²³⁵. Эти комитеты пользовались поддержкой со стороны государства. Наиболее важной из этих организаций была «Alliance française» и её дочерние ассоциации, деятельность которых мы рассмотрим ниже.

Таким образом, организации официальной и полуофициальной пропаганды уже приобрели достаточно широкий размах еще до создания единой информационной системы. Она развивалась стихийно: в том или ином официальном ведомстве создавался свой отдел пропаганды; организации или ассоциации действовали по собственному усмотрению и без какой-либо централизации, которая была так необходима.

²³⁴ Vic J. *La Littérature de guerre*. Paris, 1923. Vol. 2. P. 543.

²³⁵ Lamy É. *L'Institut et la guerre*. Paris, 1916. P. 38-44.

Признавая этот недостаток, А. Бриан, один из наиболее влиятельных французских государственных деятелей, был убежден в необходимости единой пропаганды. В январе 1916 г. в Париже он создал Дом печати²³⁶, в задачи которого входили централизация и руководство всей официальной информационно-пропагандистской службой. Эта организация находилась в непосредственном контакте с Генеральным штабом, и поэтому в ее распоряжении была информация, которой не мог обладать ни один другой пропагандистский орган. С Домом печати сотрудничали самые опытные журналисты, политики, историки и дипломаты. Он подчинялся непосредственному руководству министру иностранных дел. Здесь принимались все директивные решения и инструкции (См.: приложение 8).

В структуру Дома печати входило четыре секции:

1. Дипломатическая секция состояла из: а) службы по работе с французскими и иностранными журналистами; б) телеграфной службы; в) аналитической службы, отвечавшей за добавление пояснительных комментариев к событиям дня; г) службы радиопередач.

2. Военная секция была нацелена на поддержание постоянной связи с Генштабом. В её функции входило информирование французских и иностранных журналистов о военной ситуации, направление дневников и писем немецких военнопленных, иных документов, имеющих пропагандистскую ценность, в прессу. Кроме того, совместно с Министерством иностранных дел и с Генштабом сотрудники военной секции организовывали все поездки французских и иностранных журналистов в зону боевых действий. За военной секцией были закреплены фотографический и кинематографический отделы французской армии.

3. Секция перевода и анализа иностранной прессы состояла из тщательно отобранных сотрудников, главным образом, университетских профессоров и специалистов по отдельным регионам. Перед ее подразделениями (немецким, английским, испанским, португальским,

²³⁶ Laglains J. Op. cit. P. 141-158; Vic J. Op.cit. P. 343.

итальянским, греческим, румынским, скандинавским, славянским и т.д.) ставились следующие задачи: перевод и анализ статей из наиболее важных мировых газет, представляющих интерес для дипломатии или прессы; еженедельное или раз в две недели составление обзора прессы каждой страны и проведение более углубленных исследований в соответствии с пожеланиями дипломатической или военной секций. Секция переводов находилась в ведении графа Мерода. «Приблизительно восемьдесят сотрудников: словаки, эльзасцы, все разновидности балканских народностей, негры, индусы, японцы – заботятся о том, чтобы все победоносные французские сводки – других побед не было – и все сообщения о поражениях и зверствах «гуннов» и «бошей» немедленно переводились на 80 культурных языков и доставлялись безвозмездно в распоряжение иностранной печати»²³⁷.

4. Секция пропаганды была самой масштабной; в ней был создан общий отдел для рассмотрения различных материалов и формулировки идей, которые можно было бы использовать в пропагандистских целях во всех странах или, по крайней мере, в большинстве из них. Для нейтральных государств, граничащих с Германией и Австро-Венгрией, при помощи которых можно было получать новости о враге и влиять на него, а именно: для Швейцарии, Голландии, Дании, Швеции и Норвегии – был создан специальный отдел, в котором за каждой из стран закреплялась группа экспертов. Для пропаганды в союзных государствах: в Великобритании, Бельгии, Италии, Португалии, России и Сербии – были также созданы отдельные подразделения, которые вели очень активную информационную работу, адаптированную под менталитет соответствующего народа.

В 1916 г. многие ранее независимые пропагандистские организации официального и частного характера перешли под контроль Дома печати, в частности: пропагандистские бюро Парижской торговой палаты и «Alliance française». Такие издания, как Bulletin des Français, Nouvelles de France, Bulletin de la Chambre de Commerce, Bulletin de l'Alliance française, Bulletin de

²³⁷ За кулисами французской печати. Указ. соч. С. 163.

l'Asie, Bulletin de l'Afrique Française, а также Католический, Протестантский, Израильский комитеты вошли в состав пропагандистской секции. Французский академик А. Лихтенбергер, историк Э. Лависс, а также многие другие специалисты по Германии стали предоставлять свои услуги Дому печати.

Стоит отметить, что Служба воздушной пропаганды не находилась под юрисдикцией Дома печати. Однако при нем существовал отдел, в функции которого входило обеспечение совместной работы между британской пропагандистской службой, французской Службой воздушной пропаганды и Союзническим комитетом.

Специальная служба секции пропаганды поддерживала связи с независимыми организациями за рубежом, такими как иностранные группы «Alliance française». Фотографический отдел, подчинявшийся военной секции, также обслуживал секцию пропаганды и в основном использовался ею. Через центральную редакцию проходил проверку на пригодность весь материал, который использовался в дальнейшем для зарубежной пропаганды. Фотослужба занималась разработкой дизайна обложек брошюр, собирала карикатуры и рисунки.

В задачи другого отдела секции пропаганды Дома печати входила работа по «повышению престижа Франции». В нем отбирались фронтовые газеты и журналы, некоторые статьи из их выпусков передавались в отечественные и зарубежные газеты, чтобы свидетельствовать о высоком моральном духе французских войск.

Кроме того, в структуру Дома печати входила внутренняя служба, которая обеспечивала порядок, содержание и общую организацию данной структуры. Несколько помещений были специально доступны для зарубежных пресс-организаций, другие предназначались для французских пресс-синдикатов. В здании также располагался Комитет профсоюза работников печати. В его распоряжении были приемные, конференц-залы,

читальные и рабочие помещения для представителей парижской и провинциальной прессы.

Отдельные службы должны были информировать центральный офис об общих указаниях по политическим и военным вопросам, об интервью и инструкциях, данных журналистам, о тексте в том виде, в каком он был передан прессе, о документах и статьях, которые должны были быть опубликованы.

Вся необходимая связь Дома печати с внешним миром обеспечивалась почтой, телефоном, телеграфом. Что касается распространения печатной продукции, то изначально Дом печати полностью зависел от частных организаций, но со временем в подвальных помещениях была создана собственная типография, которая, по крайней мере, удовлетворяла самые необходимые потребности. Дом печати практически до конца войны оставался штабом официальной французской пропаганды. Изменения произошли только в 1918 г., когда вся пропаганда союзников объединилась под руководством лорда Нортклиффа.

Важнейшей официальной организацией, которая активно действовала еще задолго до войны, особенно в области культурной пропаганды, а в военное время начала тесно сотрудничать с Домом печати, была «Alliance française», основанная в 1883 г. по инициативе дипломата П. Камбона с целью пропаганды французского языка и содействия диалогу культур. Всего через три года после своего появления она была официально утверждена министерством. К началу войны в ней насчитывалось приблизительно 60 000 человек. Среди её членов – почти все высокопоставленные французские чиновники, министры, генералы, дипломаты²³⁸.

1 ноября 1914 г. на французском и испанском языках вышел первый номер Bulletin de l'Alliance française. К марту 1915 г. бюллетень издавался на 7 языках. Количество читателей выросло до 70 000. Примерно через год тираж увеличился до более чем 200 000. К апрелю 1916 г. бюллетень

²³⁸ Rühlmann P. M. Kulturpropaganda. Charlottenburg, 1919. S. 27-35.

печатался на языках почти всех европейских стран: французском, немецком, английском, датском, голландском, шведском, испанском, португальском, итальянском и греческом. Редакция и издательство находились в Париже. В течение всего периода войны бюллетень выходил с периодичностью два раза в месяц, каждое 1-е и 15-е число месяца.

«Alliance française» создал ряд подразделений, которые занимались специальными областями пропаганды и нацеливались на конкретные социальные слои или нации. По словам немецкого историка П. Рюльманна, «Alliance française» были подчинены следующие ассоциации, большинство из которых самостоятельно издавали пропагандистские брошюры и журналы²³⁹:

1. «Société de Conférences». Организовывало ряд публичных лекций, которые в дальнейшем были изданы в виде брошюр и переведены на семь языков.

2. «Amitiés Franco-Etrangères». Выпускал одноименный журнал, выходивший ежемесячно в Париже с июня 1914 г. Доходы от продаж были направлены на улучшение отношений Франции с зарубежными странами, в частности с Америкой, Россией и Швейцарией. С июля 1916 г. название было изменено на *La Revue Franco-Etrangère*.

3. «Groupement des Universités et Grandes Ecoles de France». Ассоциация занималась пропагандой в основном в Южной Америке. Она опубликовала серию брошюр, в которых южноамериканцы писали о хороших отношениях своей страны с Францией. С 1910 г. ассоциация издавала *Bulletin de la Bibliothèque américaine*, переименованный в 1916 г. в *Bulletin de l'Amérique latine*.

4. Комитет «L'Effort de la France et de ses Alliés» был создан под председательством С. Пишона и П. Лаббе. Цель комитета состояла в том, чтобы с помощью лекций во французских городах пропагандировать военные и культурные достижения союзников, показывать, что ситуация все еще находится под их контролем, и таким образом вдохновлять население на

²³⁹ Ibid. S. 28-35.

сопротивление врагу. Лекции, проведенные в городах союзников, были направлены на освещение достижений Франции в Великой войне. Затем лекции были опубликованы издательством *Bloud et Gay* в виде брошюры под коллективным названием *L'Hommage Français*²⁴⁰.

5. «Comité parlementaire d'action à l'Étranger» совместно с «Comité France-Amérique» в Париже с 22 по 26 ноября 1917 г. проводил вторую латино-американскую неделю.

6. «Croisade française» представлял собой французский Союз женщин во главе с мадам Пуанкаре. Целью союза была пропаганда в нейтральных странах.

7. Кроме того, благодаря «Alliance française» были созданы три организации, на которые Франция возложила важную задачу – пропаганду среди единоверцев за рубежом. Это была очень продуманная тактика; для каждой из трех организаций легче было найти путь в мир мыслей своих единоверцев и через религию оказывать более интенсивное и персонализированное влияние, чем это смогла бы сделать общая пропаганда.

Наибольший размах среди трех комитетов имел Католический комитет по французской пропаганде за границей²⁴¹. В его состав входило 50 членов. Директором и руководителем был А. Бодрийяр, ректор Парижского католического института. Комитет тесно сотрудничал с издательством *Bloud et Gay*, которое было довольно известно за рубежом благодаря своей коллекции «Наука и Религия» и «Актуальные страницы». Издательство также имело близкие связи с Испанией, где в её столице еще до войны был открыт филиал.

Комитет опубликовал сборник «Германская война и католичество», в котором содержались труды высокопоставленных лиц и религиозных деятелей. Сборник был издан на шести языках: французском, испанском, португальском, итальянском, английском и немецком. По возможности он

²⁴⁰ Herriot E. *L'Effort Russe*. Paris, 1916. P. 5.

²⁴¹ Baudrillart A. *Notre Propagande*. Paris, 1916.; idem. *Une Campagne française*. Paris, 1918.

должен был распространяться бесплатно за границей, поэтому комитет решил собрать необходимые деньги, направив письма с просьбой к тем людям, которые были заинтересованы в этом деле и могли оказать финансовую поддержку. Результат превзошел все ожидания. 280 000 франков поступило от 6 000 спонсоров (не считая тех, кто только заказал книгу). Это обеспечило создание Комитета. К апрелю 1916 г. было продано 65 000 экземпляров сборника «Германская война и католичество», тысячи из которых были бесплатно распространены за границей. Вслед за этим сборником вышло несколько томов работ, ориентированных на более конкретные регионы, а именно: Р. Нарси «Пытки в Лувене: факты и документы»²⁴²; Ж. Паке «Немецкий протестантизм, Лютер, Кант, Ницше»²⁴³; Ж. Ардан, Ж. Дегранж, Ш. Поншевиль «Пробуждение французской души к призыву к оружию»²⁴⁴; И. Йоргенсен (датский писатель) «Колокол Роланд»²⁴⁵.

За этими книгами последовали несколько брошюр, обличающих жестокое отношение немцев к представителям духовенства и проблемы раскола среди католиков. К подобным изданиям можно отнести следующие: Э. Гризель «Мученичество французского духовенства»²⁴⁶; О. Мелот «Мученичество бельгийского духовенства»²⁴⁷; А. Бегуэн «Немецкие католики тогда и сейчас: некоторые прецеденты по делу кардинала Мерсье»²⁴⁸.

Если упомянутые выше книги были выпущены в количестве не менее 5 000 экземпляров каждая, то брошюры были переведены на иностранные языки и распространялись десятками тысяч экземпляров.

²⁴² Narsy R. Le supplice de Louvain: faits et documents. Paris, 1915.

²⁴³ Paquier J. Le protestantisme allemand: Luther - Kant - Nietzsche. Paris, 1915.

²⁴⁴ Ardant G. M., Desgranges J. M., Poncheville C. L'éveil de l'âme française devant l'appel aux armes. Paris, 1916.

²⁴⁵ Jorgensen J. La cloche Roland. Paris, 1919.

²⁴⁶ Griselle E. Le Martyre du Clergé français // Pages actuelles. Paris, 1915. Vol. 51.

²⁴⁷ Mélot A. Le martyre du clergé belge. Paris, 1915.

²⁴⁸ Begouën H. Les Catholiques allemands jadis et aujourd'hui: quelques précédents au cas du cardinal Mercier. Paris, 1915.

Комитет выпускал ежемесячный «Бюллетень французской пропаганды за границей», который выступал в качестве надежного связующего звена между единоверцами. Первый номер появился в июле 1915 г. Поскольку первая версия бюллетеня была предназначена только для сторонников Комитета, она не годилась для пропаганды в нейтральных странах. Спустя несколько месяцев вышло второе издание, которое появилось на испанском, португальском и английском языках общим тиражом в 60 000 экземпляров.

Пропаганда Католического комитета непосредственно была направлена на католическое население Испании, Италии, Швейцарии, Латинской Америки и Северной Америки. Организации удалось создать целую сеть вспомогательных групп и агентов не только во Франции, но и за рубежом. К примеру, в швейцарском городе Фрибур был создан центральный офис Комитета, имевший, в свою очередь, в подчинении большое количество корреспондентов в Женеве, Лозанне, Монтре, Люцерне, Базеле, Бадене, Туне, Арау, Золотурне, Лугано, Бриге, Локарно, Санкт-Галлене, Куре, Санкт-Морице.

Поездки членов Комитета в другие страны способствовали установлению новых связей. Во время боев за Верден в 1916 г. Бодрийар совершил большую пропагандистскую поездку по Испании. В этой стране Комитет также нашел важную поддержку у дона Ф. Мелгара, который издал для него брошюру «Аманд онорабль» (тираж 250 000 экземпляров).

Особое внимание при выборе рассылки сочинений уделялось духовенству, религиозным объединениям и учреждениям, а также газетам. Комитет поддерживал связь с 1 100 зарубежными газетами. К книгам, присылаемым в редакции газет, обычно прилагалась статья с кратким описанием, которая предназначалась для перепечатывания.

В связи с Католическим комитетом следует также кратко упомянуть Библиографическое общество, которое занималось распространением католической литературы. С началом войны оно взяло на себя задачу обеспечения фронта и французских военнопленных, находившихся в

Германии, хорошим, с точки зрения католицизма, материалом для чтения. Кроме того, книги поставлялись в оккупированный Эльзас. От издательств Hachette, Calmann-Lévy, Perrin, Gabalda, La Bonne Presse, Pion и других Библиографическое общество получало книги по льготной цене²⁴⁹. Тот факт, что оно выпускало пропагандистский материал, очевиден. С одной стороны, общество тесно сотрудничало с *Revue Hebdomadaire*. С другой, почти две трети членов Католического комитета составляли члены Библиографического общества, поэтому можно предположить, что между этими двумя организациями было налажено активное сотрудничество.

Католический комитет уже опубликовал целую серию брошюр, когда в середине сентября 1915 г. появилось аналогичное объединение у протестантов. Протестантский комитет не был задуман как антитеза пропаганде католиков. Он должен был дополнять действия Католического комитета, занимаясь пропагандистской деятельностью среди протестантов Америки, Швейцарии, Скандинавии и Нидерландов²⁵⁰.

Протестантский комитет стал активно заниматься пропагандисткой деятельностью, после того как выяснилось, что в протестантских странах мало знали о Франции и об истинных причинах конфликта, развязанного Германией. Во главе комитета стоял А. Вайс, профессор юридического факультета Парижского университета. Протестантский комитет по французской пропаганде за рубежом или, как его позднее называли, Французский протестантский комитет сотрудничал с давно существовавшим протестантским журналом *Foi et Vie*. С декабря 1915 г. у Комитета появилось собственное ежемесячное издание «Французский протестантский бюллетень».

Протестантский комитет занимался активным распространением в нейтральных государствах пропагандистских книг и брошюр. Начиная с 1917 г. он в большей степени обратился к внутренней пропаганде. Сочинения в

²⁴⁹ Grandmaison C.-A. G. *La Société Bibliographique*. Paris, 1918. P 33.

²⁵⁰ Baudrillart A. *Notre Propagande*. Op. cit.

основном печатались в двух крупных парижских протестантских издательствах: Fischbacher и Foi et Vie.

Среди людей, принимавших участие в деятельности Протестантского комитета, в первую очередь, следует упомянуть само протестантское духовенство, профессоров и государственных деятелей. Профессор Р. Алье был самым ревностным его деятелем. В годы войны он прочитал 81 лекцию о войне в главных соборах Парижа, его выступления неизменно имели огромный успех²⁵¹.

Пропагандистская литература комитета была нацелена на то, чтобы показать нейтральным протестантам истинные мотивы участия Франции в войне и убедить их в том, что военная машина Германии была направлена не только против католицизма, но и против религии в целом. Данная идея отражена в брошюрах «Религиозная Германия» Э. Думерга²⁵² и «Немецкий Бог и Реформа» А. Монье, посвященных религиозной истории немецкого государства²⁵³. Кроме того, было выпущено значительное количество листовок, некоторые из которых имели не только религиозное, но и пропагандистское содержание и предназначались для солдат.

Помимо пропагандистских трудов с конкретным протестантским уклоном, комитет распространял также работы, в которых выражались общие принципы французской пропаганды. Например, работа Г. Вампах «Военное досье» возлагала вину на Германию за развязывание войны.²⁵⁴

Третьим комитетом пропаганды был Израильский комитет²⁵⁵. В его состав входили не только евреи, но и представители других наций. Президентом Комитета являлся Ж. Лейг, вице-президентом – С. Леви. Евреи в Швейцарии, Голландии, Скандинавии и на Балканах были в целом благоприятно настроены по отношению к Франции, и поэтому французская

²⁵¹ Алье Р. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museeprotestant.org/en/notice/raoul-allier-1862-1939/> (дата обращения: 24.01.2021).

²⁵² Doumergue E. L'Allemagne religieuse. Paris, 1915.

²⁵³ Monnier H. Le Dieu allemand et la Réforme. Paris, 1915.

²⁵⁴ Wampach G. Le dossier de la guerre. Paris, 1915. Vol 1-3.

²⁵⁵ Vic J. Op. cit. P. 985.

пропаганда смогла добиться в этих странах больших успехов. В Америке сопротивление было сильнее, так как многие русские евреи эмигрировали туда и были враждебно настроены по отношению к Антанте из-за трудностей, которые они пережили в царской России. Целью пропаганды Израильского комитета было показать, что Германия является страной антисемитизма, в то время как Франция и Англия, напротив, является гарантом защиты прав и свобод евреев, так что победа союзников также является победой и для них.

Франция вела обширную пропаганду в странах Латинской Америки. Самым важным объединением в этой области был Франко-американский комитет, основанный в 1909 г. под руководством Г. Аното, с ежемесячным журналом *Franco-Amérique*, который во время войны разделился на три издания: *France-Etats-Unis*, *France-Canada*, *France-Amérique-France-Latine*²⁵⁶. За ним в 1913 г. последовала «Французско-американская библиотека», которая во время войны публиковала различные пропагандистские брошюры. В 1918 г. появилась серия небольших буклетов с коллективным названием «Франция-Америка»; они были выпущены в Парижской государственной типографии.

Кроме того, перед войной была сформирована Французская лига пропаганды, призванная всячески содействовать продвижению французских интересов в Южной Америке. В ее состав входили: комитет по образованию, комитет по изобразительному искусству, комитет по промышленности и торговле, комитет по туризму.

Большую роль в пропаганде панлатинской идеи сыграли Лига латинской молодежи, Лига французского интеллектуального братства, Лига латинского братства. С мая 1916 г. в Париже ежемесячно издавался *Revue des nations latines*, созданный для продвижения панлатинской идеи. Во время войны в Париже и Лионе состоялись три латино-американские недели, которые преследовали лишь пропагандистскую цель.

²⁵⁶ Rühlmann P. M. Op. cit. S. 37-43.

В 1915 г. аналогично Франко-американскому комитету был создан Франко-сербский комитет, в состав которого вошло несколько отделов: промышленности, коммерции, финансов, сельского хозяйства, народного образования, спортивного образования, изобразительных искусств и ремесел, естественных наук, медицины, литературы и журналистики и др. Комитет выпускал журнал *La Feuille littéraire franco-serbe*.

В мае 1918 г. официальными органами пропаганды создан *Revue France*, который выходил на французском и английском языках и предназначался для детей²⁵⁷. Кроме того, существовали также Франко-британский комитет, Итало-французская ассоциация экономического развития, Франко-норвежская ассоциация.

Пропагандистский аппарат также был направлен на исламский мир и французские колонии. В парижском Исламском информационном бюро издавался журнал *L'Echo de l'Islam*. В том же направлении работал и Франко-мусульманский комитет Северной Африки. Для Сирии, которую во время войны в многочисленных брошюрах уже призывали перейти под французский протекторат, существовали отдельные пропагандистские агентства: Ливанский комитет, а в 1917 г. появился Сирийский центральный комитет, который стал филиалом Восточного комитета²⁵⁸. Пропаганда во французских колониях осуществлялась главным образом тремя комитетами: Африки, Азии и Океании. Два самых важных журнала колониальной пропаганды – «Бюллетень французской Африки» и «Бюллетень Азии». В парижском журнале *Revue du Monde musulman* также неоднократно публиковались пропагандистские статьи. При официальной поддержке был запущен новый ежемесячный журнал «Франция-Марокко».

Кроме вышеупомянутых пропагандистских организаций, в которых преобладала доля государственного управления, во Франции существовало огромное число объединений, основанных частными лицами. При этом

²⁵⁷ Vic J. Op. cit. P. 349.

²⁵⁸ Ibid. P. 956.

невозможно с уверенностью определить роль государства в их появлении. Эти пропагандистские организации были созданы частично до войны, частично – во время войны. Большинство из них объединились в 1917 г. в более крупную организацию – Союз крупнейших ассоциаций против вражеской пропаганды – с девизом «Вся Франция за победу закона». Он был торжественно основан 7 марта 1917 г. в актовом зале Сорбонны. Союз охватил 30 000 французских организаций с 11 миллионами последователей под председательством Э. Лависса и П. Дешанеля. То, что 11 миллионов французов принадлежали к пропагандистским ассоциациям, является лучшим доказательством результативности информационной работы, которая проводилась во Франции. С 1918 г. Союз крупнейших ассоциаций против вражеской пропаганды выпускал *Bulletin hebdomadaire*, но он был предназначен только для руководителей. После 9 ноября 1918 г. появился *Feuille d'information de l'Union des Grandes Associations françaises contre la Propagande ennemie*, ориентированный на широкую публику²⁵⁹.

К началу Первой мировой войны во Франции существовали различные пропагандистские объединения:

- Лига патриотов²⁶⁰, образованная в 1872 г. и явившаяся преемницей Лиги избавления, созданной в Париже через год после окончания Франко-прусской войны в 1872 г. Основателем Лиги патриотов был известный французский поэт П. Дерулед; первым президентом организации стал историк А. Мартен, а во время мировой войны во главе стоял М. Баррес. Целью Лиги было нравственное и физическое воспитание нации, кроме того, в приоритете также было военное образование. Во время войны Лига расширила свою программу, включив следующие пункты: «Национальная защита и поддержка всех действий, которые могут служить этой цели. Возврат Эльзаса-Лотарингии: эта работа должна включать восстановление французских устоев на Рейнской земле; восстановление всех

²⁵⁹ Ibid. P. 344-348.

²⁶⁰ Schulte A. Frankreich und das linke Rheinufer. Stuttgart, 1918. S. 328.

прав, нарушенных войной; обеспечение и сохранение будущего мира; духовное и материальное возрождение Франции; торговую, промышленную и финансовую борьбу против немецких предприятий; защиту социальных, политических и экономических интересов Франции внутри страны и за ее пределами»²⁶¹. Во время войны Лига патриотов создала четыре бюро: «Солдатский секретариат», «Солдатский трикотаж», «Сбежавшие узники» (все три в поддержку французских солдат); «Эльзасцы-лотарингцы», которое занималось дружественной французам Эльзас-Лотарингией²⁶². Среди пропагандистских изданий Лиги особого упоминания заслуживает «Маленькая библиотека Лиги патриотов», выходившая с 1916 г. В остальном, пропагандистские продукты самой Лиги были немногочисленными. Официальным органом Лиги была газета *Le Drapeau*, штаб-квартира которой располагалась в офисах газеты.

- Французская лига была основана в 1914 г. Э. Бертенем, политиком А. Лебоном, историком Э. Лависсом. С момента своего основания выпускала ежемесячный журнал *La Ligue Française*. Во всех пропагандистских материалах Лиги в центре внимания была судьба Эльзас-Лотарингии.

- «Action Française» издавала *Bulletin de l'Action française* на девяти языках.

- «Друзья Франции» занимались пропагандой за рубежом.

- «Conférence au village contre la propagande ennemie» с 1917 г. занималась борьбой с вражеской пропагандой среди сельских жителей. В дополнение к лекциям она выпускала многочисленные брошюры.

- Лига по защите прав человека занималась распространением брошюр, а также докладов о своих конгрессах. У Лиги также был свой журнал, выходивший раз в два месяца, – «Бюллетень по защите прав человека». Он был основан в 1901 г. и фактически предназначался для

²⁶¹ Chenu C. *La Ligue des patriotes: son programme, son passé, son avenir*. Paris, 1916. P 130.

²⁶² Ibid. P. 131.

комментариев по правовым вопросам. Во время войны в журнале часто обсуждались такие вопросы, как деятельность Лиги Наций, международное и военное право и др.

Кроме того, существовали многочисленные организации: Национальный комитет обороны, Национальный политический комитет, Республиканская коалиция, Национальная французская лига, Республиканская лига национальной обороны и др.

Французские правые социалисты также создали собственный пропагандистский комитет – Комитет социалистической пропаганды национальной обороны. Судя по дате публикации пропагандистских брошюр, он был основан в 1916 г. Публикации Комитета печатались в *L'Humanité*, при этом основным продуктом стала серия небольших брошюр. Среди вопросов, освещавшихся изданием, были те, к которым традиционно обращалась французская пропаганда (см., например, материал Х. Буржена «Почему мы ненавидим и хотим уничтожить немецкий милитаризм») ²⁶³; а также проблемы защиты позиции и политики французских социалистов во время мировой войны, противодействие нападкам со стороны иностранной социал-демократии или крайних левых. В целом пропагандистская деятельность этого комитета не приобрела широкого размаха.

В дополнение к этим крупным организациям существовало множество более мелких ассоциаций, многие из которых имели только местное значение, к примеру: Республиканский союз Марны, Патриотическая ассоциация Ла-Манша, Лига национального антигерманского протеста Лазурного берега и т.д.

Даже за рубежом также существовали подобные ассоциации регионального или местного значения. Типичным примером организации, осуществлявшей французскую культурную пропаганду за рубежом, особенно в отношении соседних стран, является Французско-швейцарский кружок, основанный в Женеве в октябре 1915 г. В нем был сформирован комитет,

²⁶³ Bourgin H. Pourquoi nous détestons et pourquoi nous voulons détruire le militarisme allemande. Paris, 1916.

состоявший из французов и швейцарцев. Цели организации отражены во второй статье её устава: «Главная цель – укреплять связи между Францией и Швейцарией; изучать различные торговые предложения, экономические проблемы, рабочие проекты, особенно те аспекты, которые вызывают взаимный интерес Швейцарии и Франции; отстаивать разрешенными способами интересы обеих стран, беречь и улучшать торговые отношения между ними; бороться с ложной информацией и слухами, которые могут нанести вред добрым отношениям двух стран»²⁶⁴. С 1 января 1916 г. Французско-швейцарский кружок выпускал собственный шестнадцатистраничный ежемесячный журнал *La Revue Franco-Suisse*, который был посвящен почти исключительно культурной пропаганде. Его редакция находилась в Женеве.

Следует выделить еще одну группу организаций, целью деятельности которых была торговая война с Германией и немецкой промышленностью, особенно с немецким экспортом во Францию. Большинство ее членов составляли промышленники и предприниматели. Двумя наиболее важными организациями такого рода являлись Антигерманская лига и Лига «Помните». Последняя выпускала свой собственный вестник и брошюры. Антигерманская лига была основана в 1914 г. в Париже²⁶⁵. За сравнительно короткое время ей удалось создать в крупных городах собственные местные группы и выпустить журнал *Bulletin de la Ligue Antiallemande, Organe de defense des intérêts économiques français et coloniaux*, который ежемесячно выходил с ноября 1914 г. Основной целью Лиги было содействие экономическому развитию Франции и борьба с немецкой торговлей и промышленностью. Статья II устава гласила: «Цель организации: 1. Бороться с пангерманизмом во всех его формах и непрерывно работать над обеспечением торжества французского духа и французской цивилизации в мире; 2. Развивать нашу экономическую деятельность; 3. Держать

²⁶⁴ *La Revue Franco-Suisse*. 1916, 01 janvier. P. 1-3.

²⁶⁵ *Bulletin de la Ligue Antiallemande*. 1914. Vol. 1.

открытыми наши предложения и вакансии для наших соотечественников, друзей и союзников; 4. Привлекать французский капитал в промышленные предприятия нашей страны и препятствовать немецким и австрийским предпринимателям в поиске во Франции финансовых источников, которые позволят им приобретать необходимое для их промышленности сырье»²⁶⁶. При вступлении в Антигерманскую лигу каждый новый член должен был подписать обязательство не покупать немецкие и австрийские товары и не нанимать на работу немцев. Для идентификации немецкой продукции к бюллетеню неоднократно прилагались перечни немецких фирм. В качестве средства пропаганды статья VII устава предусматривала проведение собраний, конференций, фестивалей, выставок, издание газет, брошюр, информационных бюллетеней и т.д.

Для французской пропаганды за рубежом особое значение имели французские школы. Во время Первой мировой войны их роль была не столько в том, чтобы самостоятельно издавать пропагандистскую литературу, сколько в том, чтобы стать прочной основой для ее распространения. Ведь еще до начавшегося конфликта школы за рубежом находились в тесном контакте с образованными и влиятельными кругами, особенно в странах с более низким культурным уровнем, так что во время войны они могли распространять пропагандистскую литературу, не вызывая у населения подозрений, что это непосредственная попытка оказать на них влияние. Наиболее важные образовательные учреждения, финансируемые французским правительством, находились в Мадриде, Флоренции, Лондоне и Петербурге²⁶⁷.

Наибольшее количество французских школ располагалось в Испании. Центром французской пропаганды в Мадриде стал Французский институт, созданный 26 марта 1913 г. Международный комитет пропаганды активно взаимодействовал с этим институтом. Основанный в декабре 1914 г., он

²⁶⁶ Ibid P. 16.

²⁶⁷ Rühlmann P. M. Op. cit. P. 49-65.

состоял из французских, бельгийских, английских и русских патриотов, проживавших в Испании. Комитеты, подчиненные этой организации, были созданы практически во всех городах. Каждые 14 дней в свет выходило периодическое издание *Documentes é Informes del Comité international de propaganda* тиражом 40-60 тыс. экземпляров. Также ограниченным тиражом выходил еще один выпуск *Boletin de Informaci6n*, который содержал только новости из французских источников и был предназначен для парламентариев, журналистов и представителей интеллигенции. В этих двух журналах в основном публиковались пропагандистские новости, такие как официальные сообщения о злодеяниях немцев, пастырское письмо кардинала Мерсье, заявление Вивиани от 22 декабря 1914 г. и др.

Пропаганда велась и через многочисленные лекции, прочитанные во Французском институте в Мадриде. Однако деятельность Международного комитета этим не ограничивалась. Его основной задачей было распространение в Испании произведений французской и союзной пропаганды. Университеты Экс-Марселя, Бордо, Тулузы выпускали совместный *Bulletin hispanique*.

Помимо института, в Испании действовали французские школы – в Мадриде, Севилье, Барселоне, Аликанте и Валенсии. Рюльман также упоминает следующие французские школы за рубежом: в Афинах, в Москве, Рио-де-Жанейро²⁶⁸.

В широком распространении пропагандистской литературы большую роль играли издательства. Их мотивом, помимо патриотизма, выступала финансовая сторона. Ведь издание военной литературы было, по крайней мере, в начале войны прибыльным делом, так как весь интерес общества был сосредоточен на военных событиях. Затем, по мере того как война затягивалась, интерес ослабевал, количество военных и пропагандистских новостей уменьшалось. Двумя наиболее активными издательствами были парижские *Berger-Levrault* и *Bloud et Gay*.

²⁶⁸ Ibid. P. 49-65.

Вся пропагандистская работа на Западном фронте полностью находилась в руках Службы воздушной пропаганды, главой которой был Ж.-Ж. Вальц под псевдонимом Анси. Он был эльзасцем и в начале войны вступил во французскую армию²⁶⁹, служил переводчиком в Эпинале. Наиболее интересной частью его работы были беседы с заключенными немцами. Анси стремился вжиться в менталитет противника, понять его. Из допросов заключенных так же, как и из немецких газет, Анси увидел, что немцы были твердо уверены в том, что именно на них было совершено нападение. Поэтому он считал, что если бы это убеждение было опровергнуто, то боевой дух немецкой армии был бы поколеблен. Анси попала в руки книга Грейлинга «Я обвиняю»²⁷⁰, и ему пришла в голову мысль распространить ее с помощью летчиков над немецкими окопами. По воспоминаниям Анси, именно немцы первыми прибегли к подобной пропаганде, разбросав листовки над французским городом Нанси в сентябре 1914 г. для запугивания гражданского населения. Французы также разработали листовку, которая на весьма скудном немецком языке рассказывала о больших потерях немцев. Она была показана Анси, но не встретила его одобрения. Поэтому он сам подготовил еще одну листовку на основе материалов дневника захваченного немецкого артиллериста. Было сфабриковано письмо немецким воинам, в котором заключенный удивился, что его так хорошо приняли, и между строк рассказывал о книге «Я обвиняю», которая ясно доказывала вину Германии в развязывании войны.

Тем временем подобная пропаганда началась по всему фронту, и Генштаб посчитал нужным запретить ее, так как зачастую это делалось довольно неуклюже. По распоряжению Генштаба эти листовки необходимо было представить в отдел пропаганды Военного министерства для одобрения им. Таким образом, «Письма военнопленного» Анси поступили в Военное министерство. Пропагандистский талант Анси военные оценили по

²⁶⁹ Hansi, Tonnelat E. À travers les lignes ennemies. Paris, 1922.

²⁷⁰ Grelling R. Op. cit.

достоинству. Здесь он познакомился с офицером и переводчиком Тоннелатом. В августе 1915 г. Военное министерство создает Службу воздушной пропаганды, которая в дальнейшем, благодаря слаженной работе ее членов, становится значимой в сфере информационных войн.

В 1916 г. Служба воздушной пропаганды была усилена еще одним офицером-переводчиком – Р. Шулем. Для технической подготовки пропагандистских материалов была задействована Французская национальная типография. За Службой был закреплен комитет, занимавшийся обеспечением регулярных еженедельных заседаний по рассмотрению агитационных предложений и проектов от личного состава, а также оказывавший ей консультационную поддержку.

Таким положение дел оставалось до тех пор, пока во главе английской пропагандистской службы не встал лорд Нортклифф. Он в феврале 1918 г. по просьбе английского премьер-министра взял на себя общее руководство английской пропагандой для вражеских стран²⁷¹. До этого момента французы вели пропаганду против Германии от своего имени без упорядоченного и регулярного сотрудничества со своими союзниками. Человек с незаурядными организаторскими способностями, лорд Нортклифф вскоре понял, что для союзной пропаганды целесообразно установить единые ориентиры и вступить в консультацию с пропагандистскими агентствами других союзников. С учетом этого уже в марте он созвал в Лондоне конференцию, в которой приняли участие официальные представители Италии, Франции и Соединенных Штатов²⁷². Служба воздушной пропаганды, к которой принадлежал Анси, подчинялась не Министерству иностранных дел, а Военному министерству и поэтому не была представлена на конференции. Но, в конце концов, в ходе ее работы речь зашла о Службе воздушной пропаганды, и из Лондона попросили прислать представителя. В итоге Тоннелат и Анси приняли участие в Лондонской конференции. В целом была

²⁷¹ Hansi, Tonnelat E. Op. cit. P.159.

²⁷² Стюарт К. Указ. соч. С. 43.

дана высокая оценка характеру пропаганды Анси и было принято решение, что в данных обстоятельствах было бы лучше «расширить и обобщить меры, принятые Францией»²⁷³. Однако главным пунктом повестки дня был еще один вопрос, который в то время казался важным, а именно: пропаганда в отношении Австро-Венгрии²⁷⁴.

Таким образом, вопрос о межсоюзном сотрудничестве по отношению к Германии пока отошел на задний план и был решен только на одной из последующих конференций, в результате которой в мае 1918 г. была создана новая союзная пропагандистская организация – Центр пропагандистских действий против врага, которой подчинялась и Служба Анси²⁷⁵. Согласно задачам Центра, союзная пропаганда предполагала:

1. Определение четкой пропагандистской политики союзников по отношению к врагу.
2. Официальное утверждение этой политики.
3. Изучение технических возможностей ее доведения до противника²⁷⁶.

Успешное сотрудничество между Францией и Великобританией привело к тому, что фронтовая пропаганда продемонстрировала возросшую активность. Между союзниками установилось такое тесное взаимодействие, которое привело к тому, что в последние месяцы войны уже невозможно было отличить, принадлежит ли листовка французской или английской пропаганде.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что особенность французской пропаганды заключалась в наличии большого количества учреждений, которые были задействованы в информационном противостоянии. Французские организации официальной и полуофициальной пропаганды уже приобрели достаточно широкий размах еще до создания единой пропагандистской системы. Она развивалась

²⁷³ Hansi, Tonnelat E. Op. cit. P. 161.

²⁷⁴ Ibid. P. 162.

²⁷⁵ Ibid. P. 170.

²⁷⁶ Стюарт К. Указ. соч. С.126.

стихийно: в том или ином официальном ведомстве создавался свой отдел пропаганды; организации или ассоциации действовали по собственному усмотрению и без какой-либо централизации. Французскому правительству к 1916 г. удалось систематизировать их деятельность, создав Дом печати. Но, несмотря на это, основная его функция заключалась не в образовании жесткой централизованной организации, скорее, напротив: Дом печати давал только общие указания и оставлял отдельным организациям как можно больше свободы в их индивидуальной работе. Такое устройство являлось одним из главных отличий французской пропаганды от английской, которая была гораздо более централизована. Возможно, причина этого кроется в том, что во Франции во главе пропаганды не было такого лидера, каким был лорд Нортклифф в Великобритании. Несмотря на то, что многочисленные французские частные организации смогли охватить значительные массы французского народа, вертикальная государственная пропаганда оказалась решающей, в частности, благодаря участию таких государственных деятелей, как А. Бриан и Ж. Клемансо, и благодаря созданию официальных органов пропаганды. Создание системы взаимоотношений цензурных ведомств, военных и гражданских органов пропаганды позволило выстроить национальную информационную пирамиду.

2.2. Создание системы цензуры и ее влияние на деятельность средств массовой информации

Регулирование поступающей информации является частью ведения тотальной войны, независимо от особенностей политической системы. Во время Первой мировой войны все воюющие стороны с самого начала были озадачены фильтрацией военной информации посредством сочетания цензуры и пропаганды, которые воздействовали на население. Цензура позволяла сделать пропаганду более эффективной. Вопросы управления информацией в военное время обсуждались французским верховным командованием еще в середине 1913 г. Но серьезное планирование будущей

структуры началось только в июне 1914 г. после переназначения А. Мессими на пост военного министра²⁷⁷. В период с июня по август 1914 г. группа экспертов подготовила отчет, в котором проанализировала роль французской прессы во время последних европейских конфликтов и наметила рамки будущей французской системы управления информацией во время войны²⁷⁸.

Следует различать военную и политическую цензуру. В то время как политическая цензура не имела правовой основы во французском законодательстве, военная цензура опиралась на закон от 29 июля 1881 г. и от 5 августа 1914 г. По сути, действие знаменитого закона о свободе печати от 29 июля 1881 г. было приостановлено применением законодательства об осадном положении (законы от 8 апреля 1848 г. и 9 августа 1849 г.), которое давало военным властям право запрещать все публикации, способные нарушить общественный порядок. Закон, принятый 5 августа 1914 г., предусматривал санкции в случаях неосмотрительности прессы. Нарушение и игнорирование законов могло привести к тюремному заключению на срок от одного до пяти лет и штрафу в размере от 1 000 до 5 000 франков²⁷⁹. Законы были направлены на защиту информации военного характера, которая могла дать тактическое или стратегическое преимущество противнику²⁸⁰. Для французского командования было главным не повторить ошибку 1870 г., когда августовская статья *Le Temps* позволила противнику отследить передвижение армии П. де Мак-Магона и вскоре после этого разгромить ее под Седаном во Франко-прусской войне.

Закон также запрещал статьи, оспаривавшие методы ведения войны: такие публикации быстро получили ярлык «пораженческих»²⁸¹. Цензура была превентивной, т.е. распространялась на статьи еще до их публикации; при этом мерами наказания были возможная конфискация или приостановка выпуска, что фактически ограничивало свободу прессы. Идея заключалась в

²⁷⁷ До этого Мессими занимал пост военного министра с июня 1911 г. по январь 1912 г.

²⁷⁸ Rajsfus M. Op. cit. P. 29.

²⁷⁹ Bellanger C. Op. cit. P. 688.

²⁸⁰ Ibid.

²⁸¹ Delporte C. *Les journalistes en France. 1880–1950*. Paris, 1999. P. 180-181.

том, чтобы избежать утечек, но также чтобы ограничить санкции после публикации и таким образом сохранить республиканский консенсус в отношении свободы прессы, избежав судебных разбирательств. Всеобщий энтузиазм по отношению к «Священному союзу» обусловил тот факт, что данный принцип был поддержан журналистами и, несмотря на противоречивые взгляды во время войны, единство сохранялось как из-за патриотизма внутри профессии, так и по экономическим и финансовым причинам.

Существовал список тем, которые запрещалось обсуждать в средствах массовой информации. Хотя большинство из них носили исключительно военный характер, имелся также общий запрет на любые статьи, которые мог использовать противник в свою пользу или которые могли нанести вред моральному духу армии и населения²⁸². Таким образом, произвольное применение последнего запрета привело к обвинениям в политической цензуре со стороны владельцев средств массовой информации в адрес правительства, начиная с середины сентября 1914 г.

Однако следует подчеркнуть, что в августе 1914 г. владельцы крупных изданий полностью поддержали реализацию этих двух законов. Свобода прессы была восстановлена во Франции только 12 октября 1919 г. после ратификации Германией Версальского договора.

Основные структуры французской цензуры были созданы в начале августа 1914 г. 3 августа правительство встретилось с владельцами французских газет, которым объяснило принцип работы нового Бюро печати. В обязанности Бюро входили разработка цензурных указаний на основе инструкций Генерального штаба и различных министерств (военного, иностранных дел и т.д.) и в то же время контроль их применения печатными изданиями, информационными агентствами, в частности агентством Гавас. В Бюро печати входило четыре отдела: ежедневной прессы, периодических изданий, телеграмм и региональной прессы – которые функционировали

²⁸² Collins R. Op. cit. P.5.

круглосуточно и тщательно проверяли выпуски газет перед окончательной печатью. Эта система была централизована в Париже и подкреплена сетью комиссий по надзору за местной прессой, созданной в двадцати одном военном регионе Франции. В Бюро печати работали в основном военные, но также к этой работе были привлечены дипломаты, экономисты, журналисты и другие представители интеллигенции²⁸³.

В то время как Военное министерство занималось исключительно парижской прессой, цензура провинциальных газет осуществлялась совместно Военным министерством и Министерством внутренних дел. За цензуру в Париже в 1914 г. отвечал парижский военный губернатор. 22 сентября военный министр А. Мильеран приказал французским префектам следить за «статьями, освещающими внутреннюю политику», тем самым включив гражданское население в процесс цензуры. Кроме того, он предостерегал префектов от любого злоупотребления или небрежного отношения к своим обязанностям²⁸⁴. Таким образом, этот шаг ознаменовал вершину гражданского участия во французском управлении информацией в военный период, поскольку роль префектов значительно снизилась в феврале 1915 г., а в 1917 г. гражданские лица были полностью исключены из этого процесса.

На Бюро печати были возложены различные обязанности, в частности, предоставление прессе наиболее точной и оперативной информации о фактах, не препятствовавших продолжению военных действий. Эта информация появлялась ежедневно в нескольких пресс-релизах в определенное время – 11.00, 15.00, 22.00. В период между 1914 и 1919 гг. в Бюро печати входило почти 400 цензоров, занимавших свои должности в течение нескольких месяцев или нескольких лет. Во всех департаментах Франции действовали цензурные структуры, размер которых варьировался в зависимости от численности местного населения и значимости газет. В

²⁸³ Laglains J. Op. cit. P. 163-190.

²⁸⁴ Collins R. Op. cit. P. 12.

общей сложности за пределами Парижа работали почти 300 комиссий по контролю за прессой. В их работе принимало участие от 4 000 до 5 000 человек²⁸⁵. Несмотря на то, что комиссии были подотчетны властям из столицы, иногда их чрезмерная активность создавала проблемы, когда они подвергали цензуре информацию, принятую в центре²⁸⁶.

Подавляющее большинство цензурных распоряжений исходило из кабинета военного министра, но были также распоряжения от министров внутренних дел, иностранных дел²⁸⁷. По словам О. Форкада, 1 100 общих и военных приказов были сформулированы в соответствии с указаниями министров различных правительств, действовавших во время войны. Эти инструкции можно разделить на три категории: 1) постоянные инструкции, применявшие министерские циркуляры и закон от 5 августа 1914 г.; 2) временные инструкции или инструкции для конкретных событий; 3) политические инструкции, применявшиеся для защиты людей, учреждений и правительства или сокрытия политических дел²⁸⁸.

Правительство, желая обеспечить постоянный контроль и контакт с газетами и информационными агентствами, 12 августа 1914 г. создало Комиссию по печати, располагавшуюся в Париже. Организацию возглавил Ж. Дюпуи, владелец газеты *Le Petit Parisien*. Она состояла из 45 членов, нанятых для представления интересов французских газет. Комиссия поддерживалась двумя другими организациями: Синдикатом парижской прессы и Ассоциацией республиканской прессы департаментов. Идентичные комиссии были также созданы для представления газет в регионах Франции. С появлением местных комиссий рамки известных парижских газет расширились и включали в себя департаментскую прессу, которая принимала равное участие в осуществлении цензуры под «патриотическим флагом»²⁸⁹.

²⁸⁵ Forcade O. *Voir et dire la guerre à l'heure de la censure (France, 1914–1918)* // *Le Temps des Médias*. Paris, 2005. Vol. 4. P. 50-62.

²⁸⁶ *Ibid.* P. 192.

²⁸⁷ Charle C. *Le siècle de la presse (1830–1939)*. Paris, 2004. P. 399.

²⁸⁸ Forcade O. *Voir et dire la guerre...* *Op. cit.* P. 50-62.

²⁸⁹ *Ibid.* P. 193.

Все это позволяло строго контролировать информацию и способствовало осуществлению предварительной цензуры за счет сближения с крупными парижскими и провинциальными газетами.

Когда 3 сентября 1914 г. правительство переехало в Бордо, вся пресса находилась в ведении второго бюро штаба генерала Ж. С. Галлиени, возглавляемого Л.-Л. Клотцем, впоследствии ставшим министром финансов Франции²⁹⁰. Расположение правительства в городе Бордо привело к тому, что Бюро печати было разделено в течение трех месяцев. В связи с этим образовалось два офиса: один – в Бордо, другой – в Париже, причем последний оставался главным. Это привело к трениям и созданию условий, которые в конечном итоге стали невыносимыми для прессы.

Политическая цензура была установлена 7 сентября 1914 г. Правительство в Бордо узнало, что в газетах от 7 сентября оно подвергнется резкой критике, и поэтому объявило Парижу: «Нам сообщили, что в эту ночь появятся статьи, направленные против правительства; позаботьтесь о том, чтобы ничего не прошло». В парижском отделении цензуры номера того дня подверглись контролю, и была введена политическая цензура²⁹¹. По возвращении правительства в Париж в декабре 1914 г. Бюро печати претерпело значительные изменения. Военная цензура перешла под контроль Военного министерства²⁹².

В то же время произошло еще одно изменение. Телеграфную корреспонденцию Бюро печати больше не контролировало, что отражало новые цели правительства. Бюро стало исключительно службой контроля прессы и теперь могло распространить свое влияние на гораздо большее количество изданий. Сотрудники этого органа анализировали не менее пятидесяти ежедневных газет²⁹³.

²⁹⁰ Klotz L.-L. De la guerre à la paix: souvenirs et documents. Paris, 1924. P. 30.

²⁹¹ Ibid. P. 32.

²⁹² Maurin J.-L. Combattre et informer: L'Armée française et les médias pendant la première guerre mondiale. Paris, 2009. P. 56.

²⁹³ Ibid. P. 56.

В случае нарушения редакцией распоряжений цензуры выпуск газеты мог быть приостановлен на срок до шести месяцев. В случае повторных нарушений могли быть сделаны замечания или строгие предупреждения. Редакторов вызывали в цензурный кабинет, или же вводилась превентивная цензура. В крайнем случае газета могла быть конфискована, а ее выпуск приостановлен на неопределенный срок, журналистам запрещалось писать или их привлекали к уголовной ответственности. Еще хуже была судьба французской газеты *Le bonnet rouge*, которая частично финансировалась немцами. Она была полностью приостановлена 12 июля 1917 г. Ее редактор М. Альмерейда умер месяц спустя в тюрьме, «задушенный, похоже, полицией за угрозу разглашения информации». Его соратник Э. Дюваль был казнен в июле 1918 г.²⁹⁴.

Система цензуры во Франции действовала на основе указания, согласно которому газеты должны были подчиняться Бюро печати. Именно сюда редакции представляли каждое издание перед публикацией. Статьи подвергались цензуре и часто возвращались только накануне публикации, в результате чего большие разделы газет оказывались пустыми. Цензор отмечал сомнительные строки, часто целые отрывки, а затем печатник должен был «*échoquer*», то есть удалить с клише печатных машин цензурированные отрывки, которые появлялись в виде пустых мест в печати (См.: приложение 9). Иногда статьи, а также иллюстрации подвергались такой жесткой цензуре, что не оставалось ничего, кроме заголовка или имени автора. Такие пустые колонки стали обычной приметой французской печати военного времени, и газеты публиковали статьи с пробелами несколько раз в неделю.

Трудно установить точное влияние пустых газетных колонок на читателей, но логично предположить, что они способствовали возникновению недоверия к таким публикациям. В конце концов, если издательства хотели обойти систему цензуры и опубликовать запрещенный

²⁹⁴ Rajsfus M. Op. cit. P. 66.

материал, они могли это сделать. Мелкие правонарушения обычно совершались редакторами, имеющими политический вес во французском обществе. Они часто оставались безнаказанными. Но в тех случаях, когда газеты изымались или приостанавливались, исполнение такого наказания осуществлялось парижским военным правительством. Особенно строго цензоры относились к тем публикациям, которые наиболее яростно выступали против правительства или армии. Так, например, газета Клемансо *L'Homme Libre* вынуждена была сменить название на *L'Homme Enchaîné* после того, как ее деятельность была приостановлена в августе 1914 г. за критику неподготовленности генерала Ж. Жоффра. Социалистические издания не подвергались особым нападкам. Во время войны *L'Humanité* была одной из наименее подвергшихся цензуре газет, в то время как *Le populaire du centre* была излюбленной целью Бюро печати²⁹⁵. Несколько националистических изданий также находились под его пристальным наблюдением, например, *La Libre Parole* и особенно *L'Action française*. Наиболее суровой цензура была с июня 1914 г. по октябрь 1915 г., когда ее институт только создавался. Негативную реакцию в обществе вызывала политическая цензура, которая защищала государственных деятелей и учреждения, иногда прикрывая политические скандалы. Поэтому Ж. Клемансо в ноябре 1917 г., став председателем Совета министров, тщательно ограничил ее применение, но при этом продолжал проводить политику неизбежной военной и дипломатической цензуры.

Для французских цензоров были разработаны подробные правила, к которым в особых случаях добавлялись телефонные инструкции из штаб-квартиры. Таким образом, это должно было привести работу цензуры к единообразию. Кроме того, тот факт, что публикации сводок о немецкой армии и французских списков жертв были запрещены, свидетельствует о ее строгом соблюдении.

²⁹⁵ Forcade O. *La censure en France...* Op. cit. P. 394.

Правила цензуры от 22 марта 1915 г. в основном устанавливали следующие общие руководящие принципы для цензоров: «...любая публикация, которая может спровоцировать или поддержать мятеж, запрещена законом от 9 августа 1849 г.». Помимо этого, следовало «...запретить все ложные новости или новости, которые могут навредить в результате излишнего оптимизма или пессимизма; не допускать публикации, направленные на прекращение военных действий, запретить все статьи или новости, которые могут ввести в заблуждение и деморализовать общественность»²⁹⁶.

Кроме того, существовало большое количество отдельных положений, в которые часто вносились изменения. Так, например, в течение некоторого времени в иностранных экземплярах журналов не разрешалось размещать рекламу; запрещалось восхвалять войска из колоний, чтобы не заслонять славу белых солдат; действовал запрет на сообщения о рации на оккупированных территориях, об успехе и целях немецких бомбардировок. Таких цензурных правил существовало так много, что перечислить их все невозможно.

Цензура устанавливала запрет на целый спектр тем. Статьи о мире (и даже само это слово) долгое время были запрещены, так же, как и сообщения о возможной девальвации французского франка и даже подробные или преувеличенные описания зверств противника, которые могли посеять панику²⁹⁷. Список тем запрещенных материалов к середине войны стал настолько длинным, что упоминание практически любой информации, относящейся к международным отношениям, внутренней политике или событиям на фронте, стало официально запрещенным. Решения о том, какие статьи подвергать цензуре, становились все более произвольными, а региональные комиссии имели различные стандарты строгости. Эти

²⁹⁶ Laglains J. Op. cit. P. 175.

²⁹⁷ Rajsfus M. Op. cit. P. 39.

несоответствия приводили к публикации информации или мнений, которые были запрещены в соседних регионах²⁹⁸.

Во Франции газеты из нейтральных государств не запрещались, но конфисковались на границе, если содержали статьи, неудобные цензорам. Для ввоза газет вражеских стран требовалось специальное разрешение²⁹⁹.

Многие соглашались с тем, что цензура служила во благо, а также считали, что патриотические мотивы перевешивали республиканскую борьбу за свободу, которую вели журналисты³⁰⁰.

Далее необходимо рассмотреть действие цензуры в других сферах деятельности общества. Цензоры также приглашались на многочисленные увеселительные мероприятия³⁰¹. Во Франции театральная цензура была практически отменена в 1906 г. и с началом войны была немедленно введена вновь. Она была возложена на префектов и мэров. В Париже в дело вступила Специальная комиссия при префектуре полиции. Это ведомство состояло из двух цензоров для театральных пьес и одного – для песен. Они были отделены от других служб, но их решения носили рекомендательный характер. Окончательный приговор выносил начальник полиции. Очень редко вмешивался министр внутренних дел. Цензоры подвергались частой критике. Театральные режиссеры спорили с ними, обращались в вышестоящие инстанции или привлекали влиятельных лиц. Не было необходимости вмешиваться в антивоенные или пораженческие пьесы, потому что никто не осмеливался их предлагать. Офицеров, солдат, а также полицейских в Париже нельзя было показывать в невыгодном или смешном свете. Офицеры, развлекающиеся с кокотками, изможденные солдаты считались «постыдными» или «неподходящими», по выражению цензоров. Солдаты должны были быть показаны как герои, а не как предатели, удрученные или сомневающиеся в победе. Дезертиры и «халтурщики»

²⁹⁸ Ibid.

²⁹⁹ Becker J.-J. The Great War... P. 62.

³⁰⁰ Forcade O. Voir et dire la guerre... Op.cit. P. 50-62.

³⁰¹ Collins L. Theatre at War, 1914-18. Oldham, 2004. P. 208.

вообще не приветствовались на сцене. Реальность окопной жизни солдат должна была быть выставлена в лучшем свете, в ней не было места раненым и мертвым. В Париже во время войны контролировалось 4 583 сценических пьес, в 1915 г. было запрещено 17% пьес, в последующие годы – меньше³⁰².

Но следует отметить, что театральная цензура в целом была намного строже. Г. Д. Старк предложил убедительное объяснение: «Цензоры боялись толпы. Все они читали бестселлер Г. Лебона «Психология масс»³⁰³, в котором толпа рассматривалась как глупая, возбудимая и склонная к иррациональным действиям. Драматическая игра в театральных представлениях, более впечатляющая, чем чтение статьи, могла возбудить эмоции и легко спровоцировать волнения и беспорядки. Главной задачей цензора было предотвратить это всеми средствами»³⁰⁴.

Если говорить о цензуре песен, то можно отметить, что она была гораздо более терпимой. 30% французских песен были полны ругательств в отношении немцев и их зверств, особенно против кайзера и кронпринца, и, в отличие от сценических пьес, они свободно критиковали отвратительную жизнь в окопах, пораженцев и даже саму цензуру³⁰⁵.

Киноцензура была жесткой. В 1916 г. было запрещено 145 фильмов, а в 1917 г. – 198³⁰⁶. Во время войны цензура фильмов осуществлялась на местах префектами и мэрами, а с 1916 г. – Центральной комиссией при Министерстве внутренних дел. Жестокие сцены, преступления и зверства, даже совершенные врагом, пресекались. Сцены с ранеными или мертвыми солдатами обычно вырезались, за исключением знаменитого британского фильма «Битва на Сомме» (1916).

Ярким примером цензуры в беллетристике является роман «Под Верденом» М. Женева³⁰⁷. Пустые места в издании 1916 г. по сравнению с

³⁰² Rajsfus M. Op. cit. P. 187, 191, 206.

³⁰³ Лебон Г. Психология масс. СПб., 2017.

³⁰⁴ Stark G. D. Banned in Berlin. Literary Censorship in Imperial Germany, 1871–1918. New York, 2009. P. 11.

³⁰⁵ Genton F. La guerre en chansons // Chroniques allemandes. Grenoble, 2003–2004. Vol. 10. P. 109-124.

³⁰⁶ Rajsfus M.. Op. cit. P. 202, 211.

³⁰⁷ Genevoix M. Sous Verdun. Paris, 1916.

полным вариантом 1925 г. показывают, какие темы не нравились цензорам. Например, критика военных командиров за бессмысленные приказы и их отношение к солдатам как к рабам; а также упоминания о том, что из-за плохого снабжения продовольствием солдаты вынуждены были воровать. Сравнивая цензурные строки в этом романе и в немецком военном романе «Гауптман» Ф. Луфса, Н. Бопре обнаружил, что из романа были вырезаны похожие сцены и темы, но в целом французская цензура была гораздо более суровой и несправедливой: она удаляла даже сцены выражения патриотизма и одобрения войны³⁰⁸.

В конце сентября 1915 г. Военное министерство наконец решило проблему единого подхода к цензуре, выпустив руководство под названием «Циркуляр 1000»³⁰⁹, которое состояло из ряда общих указаний для цензоров. «Циркуляр 1000» был весьма успешным в стандартизации цензуры по всей стране, а также дал журналистам полное представление о критериях, в соответствии с которыми их материалы подвергались контролю. Введение «Циркуляра 1000» стало самым значительным шагом, предпринятым во время войны для повышения эффективности работы Бюро печати.

Жестокость, суровость цензурных ограничений подвергалась критике. Во Франции карательную цензуру олицетворяла карикатура «Анастасия», изображавшая уродливую старуху в очках и с огромными ножницами (См.: приложение 10). Однако не все цензоры были одинаковы. Одни были на удивление снисходительны, другие требовали соблюдения глупых и бесполезных запретов³¹⁰. Не стоит забывать, что они тоже находились под постоянным наблюдением. Если они пропускали опасную статью, то, по крайней мере, во Франции их могли уволить или даже отправить на фронт³¹¹.

В некоторых случаях цензоры осторожно рассматривали все «за» и «против» того или иного вмешательства. К примеру, в песне, представленной

³⁰⁸ Beaupré N. *Écrire en guerre, écrire la guerre*. France, Allemagne 1914–1920. Paris, 2006. P. 82.

³⁰⁹ «Циркуляр 1000» был 1000-м приказом, отданным Бюро прессы с начала войны (сентябрь 1915 г.).

³¹⁰ Rajsfus M. *Op. cit.* P. 69.

³¹¹ *Ibid.* P. 39.

цензору, мать пыталась помешать своему сыну пойти на фронт, но он отвечал:

– Я могу жить только как пулю.

Если я умру здесь, то умру без славы.

Моя страна – прежде всего!

– Мое дорогое дитя!

– Ты только мама. Моя мать – Франция!

Цензор заколебался и предпочел посоветоваться с префектом. И тогда, несмотря на героический финал, песня была запрещена с пометкой: «Недопустимая оценка материнских чувств»³¹².

Суровость произвольных цензурных ограничений часто подвергалась критике со стороны депутатов и журналистов. Самым жестким критиком цензуры во Франции был Ж. Клемансо, до того как он стал премьер-министром. Когда его газета *L'Homme libre* была приостановлена после резкой критики по поводу антисанитарии в военном поезде, он переименовал ее на *L'Homme enchaîné*, но и эта газета была немедленно приостановлена. 24 сентября 1914 г. он заявил: «Каждый здравомыслящий человек поймет, что цензура может применяться только к военным вопросам. В противном случае это не что иное, как злоупотребление властью». Однако, став премьер-министром в ноябре 1917 г., он сказал цензорам: «Запретить цензуру – никогда! Я не полный идиот. Вы – мои лучшие полицейские»³¹³.

С другой стороны, было и противоположное мнение: цензуру критиковали за то, что она недостаточно эффективно работает. Такое мнение высказывали министры, командование армии, правые политики и журналисты.

Цензура была более действенной на фронте, где пресса отслеживалась в пунктах продажи и где некоторые издания были запрещены, особенно

³¹² Demm E. *Censorship*. [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/censorship> (дата обращения: 02.03.2022).

³¹³ Rajsfus M. *Op. cit.* P. 66.

после мятежей в мае–июне 1917 г.³¹⁴. Учитывая общую сложность доставки газет на фронт, эти меры еще больше затрудняли чтение прессы. Но запрещенные издания все же туда попадали, поэтому Генеральный штаб старался, прежде всего, повлиять на мышление солдат через «Армейский бюллетень Республики», выпускаемый с августа 1914 г. Он должен был донести до солдат «важность их усилий в общенациональных масштабах, чтобы эта мысль порождала в них благородное стремление, чтобы они узнали, с какой заботой нация окружает их родителей, жен, детей, которых они оставили дома»³¹⁵. Однако этот бюллетень был слишком далек от повседневных забот солдат, которые его не читали, и в ноябре 1917 г. его издание прекратилось.

Журналисты смогли попасть на передовую только в июне 1917 г., после наступления Нивеля в апреле–мае 1917 г. Их тщательно отбирали и контролировали, поэтому они были ограничены в своих возможностях. Таким образом, журналисты могли предоставить своим читателям лишь узкое видение войны. Именно поэтому в первые месяцы гражданское население оставалось без свежих новостей, что привело к распространению в прессе самых безумных слухов. Газеты были вынуждены полагаться исключительно на три военных коммюнике, выходявших три раза в день, и отчеты военных экспертов, которые были представлены в виде «романтизированных» повествований. Журналисты доходили до того, что придумывали поддельные письма от солдат, чтобы рассказать о французском фронте. И все же в конце войны представители этой профессии гордились тем, что поддерживали моральный дух страны в самые мрачные часы³¹⁶.

Вышеуказанные условия работы, очевидно, отражались на предоставляемой информации, которую обычно называли «бредом»³¹⁷. К примеру, «отступающая армия перестает набирать силу»³¹⁸ – с

³¹⁴ Gilles B. *Lectures de poilus 1914–1918: Livres et journaux dans les tranchées*. Paris, 2013. P. 161-167.

³¹⁵ Letter from the Minister of War Adolphe Messimy // *Bulletin des Armées de la République*. 1914. Vol. 1. P. 1.

³¹⁶ Delporte C. *Op. cit.* P. 190.

³¹⁷ Delporte C. *Une histoire de la langue de bois*. Paris, 2009. P. 142-147.

³¹⁸ Douglas A. *Op. cit.* P. 61.

оптимистическим преувеличением, в котором все действия были победоносными, а потери незначительными. Даже самые уважаемые ежедневные газеты сообщали, что немецкие пули «проходили прямо через кожу, не оставляя и следа»³¹⁹. В коммюнике от 29 августа 1914 г. французы узнали, что фронт простирается от Соммы до Вогезов, хотя до этого момента они считали, что их войска побеждают в Бельгии и Эльзасе. Подобные заявления, сделанные гражданскими журналистами, не понимавшими тягот войны, были призваны поднять патриотизм, но они были настолько абсурдны, что в итоге дали обратный эффект.

Историография последних лет призывает к переосмыслению этих «казусов»³²⁰. Действительно, за исключением наиболее националистически настроенных газет, эти материалы, основанные на лжи и преувеличении, не были частью организованной пропаганды. В культурном отношении они соответствовали типично французскому журналистскому стилю: красочному и «непостановочному», с экзотическим и живописным тоном³²¹. После битвы под Верденом этот «лирический» дискурс окончательно исчез. Изменения в сторону более правдивого освещения событий произошли в основном благодаря солдатам, которые стали снабжать иллюстрированную прессу информацией и фотографиями.

В армейских зонах цензурный контроль находился в исключительном ведении Генерального штаба французской армии, который запрещал доступ к информации любому гражданскому лицу, парламентарии или журналисту. В зоне боевых действий внимательно следили за проникновением газет из-за линии фронта. Начиная с января 1915 г. Генеральный штаб установил почтовый контроль – систему, которая фактически сформировалась к концу 1916 г. Его целью был поиск разглашения военных секретов, проверка морального духа солдат и выявление «подрывных идей». В каждом армейском корпусе действовала комиссия из двадцати человек, которая

³¹⁹ L'Intransigeant. 1914, 17 août. P. 1.

³²⁰ Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Op. cit. P. 451-478.

³²¹ Delporte C. Les journalistes en France... Op. cit. P. 67-68.

вскрывала письма. «Подрывные» абзацы в них цензоры «редактировали», а значительная часть писем вообще не пересылалась. Количество контролируемых писем во французской армии оценивается в 180 000 из пяти-семи миллионов посланий в неделю³²². Чтобы избежать контроля, солдаты предпочитали быть осторожными в своей переписке и иногда просили товарищей, находящихся в отпуске, отправлять их письма домой. В союзных странах почтовый контроль распространялся и на переписку между гражданскими лицами. Но в сравнении с ними французская почтовая цензура выглядела довольно скромно.

Но в то же время цензуру во Франции довольно успешно обходили. Относительно мягкий метод заключался в шантаже цензоров угрозами либо пожаловаться премьер-министру на «удаление», либо добиться оглашения статьи в парламенте. В таких случаях цензоры иногда или значительно сокращали свои правки, или соглашались отложить свое решение. Другой метод использовал Клемансо. Он систематически рассылал свои статьи политическим деятелям и другим значимым персонам до того, как они проходили цензуру. Некоторые газеты рассылали своим подписчикам специальные выпуски, содержащие все цензурированные статьи за предыдущие недели или месяцы. Очень смелые издания игнорировали указания цензуры, не передавали статьи или фотографии в цензурный отдел³²³. Можно было также публиковать две версии газеты: одну – цензурированную с пробелами и другую – полную версию, предназначенную для продажи. По этой причине подозрительные цензоры иногда покупали три экземпляра газеты в киоске, чтобы проверить, был ли выполнен их заказ. Французское Бюро печати сетовало, что с июля 1916 по июль 1917 г. из 1 076 статей, прошедших цензуру, 319 все равно были опубликованы. С другой

³²² Bruno C. Ce que dit le contrôle postal // *Vrai et faux*. 2004. P. 55-75; Cochet A. L'opinion et le moral des soldats en 1916 d'après les archives du contrôle postal. Nanterre, 1986; Rajsfus M. Op. cit. P. 133, 138, 143, 161, 191.

³²³ Beurier J. Information, Censorship or Propaganda? The Illustrated French Press in the First World War // *Untold War. New perspectives in First World war studies*. Boston/Leiden, 2008. P. 315.

стороны, канцелярия премьер-министра часто жаловалась в Военное министерство, что цензоры не пресекают опасные статьи³²⁴.

Что касается цензуры фильмов, то ее можно было обмануть, заменив в разрешительной карточке название запрещенного фильма на разрешенный³²⁵.

Личные связи также оказывались полезными. В то время, когда даже употребление слова «мир» было строго запрещено, книга А. Шванна «Основы прочного мира» была пропущена цензором, близким другом автора, с аргументом, что это просто философская конструкция³²⁶. Другим примером может служить книга «Огонь» А. Барбюса³²⁷: ее цензор П. Гселл и сам писатель сумели успокоить серьезные сомнения своих коллег, и только две главы были вырезаны при публикации в газете L'Œuvre. Когда книга была издана в виде сборника, А. Барбюс смело вставил вырезанные главы обратно, ему все сошло с рук, и он даже был удостоен Гонкуровской премии³²⁸.

Несомненно, цензура кризисных, негативных событий или информации (потери, мятежи 1917 г. или забастовки весной 1918 г.) помогла сохранить если не реальность, то хотя бы иллюзию «Священного союза» в глазах французов. Теперь мы знаем, что описание французских мятежей дошло до общественного мнения лишь очень отрывочно и поздно, как и до немецкого Генерального штаба, который не смог воспользоваться этим мимолетным кризисом во французской армии.

Однако у властимущих не было ни амбиций, ни средств для тотального контроля за информацией: для этого потребовались бы тысячи дополнительных цензоров. По оценкам историка О. Форкада, около трети цензурных предписаний даже не применялись³²⁹.

Таким образом, цензура явилась важнейшим инструментом информационной политики в условиях ведения войны, ставшим

³²⁴ Rajsfus M. Op. cit. P. 41.

³²⁵ Ibid. P. 207.

³²⁶ Berger M., Allard P. Op. cit. P. 114.

³²⁷ Барбюс А. Указ. соч.

³²⁸ Demm E. Barbusse et son feu. La dernière cartouche de la propagande de guerre française // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2000. Vol. 197. P. 49.

³²⁹ Forcade O. La censure en France... Op. cit. P. 98.

неотъемлемой основой успешной пропаганды. Ключевой ее целью являлась защита секретной военной информации. В то же время, ее действие было быстро расширено и на политическую сферу. В силу этого, введенная после объявления осадного положения цензура была разделена на две категории – политическую и военную. Лица, назначенные правительством, контролировали публикации политического характера, а представители каждого военного округа – военные статьи. Правительственные структуры, армия и журналисты в условиях военных действий должны были наладить эффективное сотрудничество в вопросах применения различных элементов цензуры, что вызывало определенные сложности. Все, что могло дискредитировать правительство, вызывать беспокойство у населения или ослаблять моральный дух солдат, запрещалось или, по крайней мере, существенно корректировалось. Задача пропаганды заключалась, прежде всего, в том, чтобы контролировать моральное состояние населения. В то же время, государство не было заинтересовано в том, чтобы цензура была тотальной, поскольку в этом случае мог возникнуть риск абсолютизации самоцензуры. Генеральный штаб, установив контроль над почтовыми сообщениями и поощряя различные публикации в окопных газетах (некоторые выдержки из которых затем распространялись во французской и иностранной прессе), успешно реализовывал основную задачу политики цензуры.

Глава III. Особенности пропагандистской деятельности во Франции в 1914-1918 гг.: средства и содержание

3.1. Основные средства и способы распространения пропаганды

Во Франции, как и в других воюющих странах, Великая война, несомненно, ознаменовала рождение современной пропаганды, которая использовала в своем арсенале письменное и устное слово, песни, различные визуальные образы. К 1914 г. уже существовало множество средств, с помощью которых пропаганда могла решить поставленные перед ней задачи, достичь желаемого воздействия на население своей страны и зарубежных государств, на солдат и, конечно, на противника.

Важнейшими орудиями французской пропаганды служили газеты, журналы, листовки, брошюры, памфлеты, книги, плакаты, фотографии, фильмы и т.д. Конечно, военная пропаганда придавала огромное значение и другим средствам. Стоит лишь предварительно упомянуть о бесчисленных патриотических мероприятиях, лекциях, концертах, школьных и проповеднических выступлениях и т.д. Искусство, литература, религия, культура, история и традиции страны – всё это было задействовано пропагандистами для достижения поставленных целей. В данном параграфе будут проанализированы только те средства, которые касаются печатного слова и изображения, так как их массовое воспроизведение, на наш взгляд, способно в значительной степени оказывать влияние на общественное мнение.

Среди пропагандистских изданий газеты сыграли одну из ключевых ролей в Первой мировой войне. В начале конфликта Франция оказалась в выгодном положении, так как вся национальная пресса была централизована в столице, поэтому руководители государства могли легко вступить в контакт с любой редакцией. Бюро печати, созданное при Военном министерстве, служило связующим звеном³³⁰.

³³⁰ Laglains J. Op. cit. P. 163-190.

Для пропаганды весьма важно не раскрыть свою деятельность. Разоблачить маскировку гораздо сложнее, если пропагандистские материалы публикуются в прессе, так как в газетах практически невозможно определить, из каких источников исходит то или иное сообщение. В вопросе освещения боевых действий пресса враждующих государств полностью зависела от своих правительств, так она не могла самостоятельно предоставить в полном объеме информацию о ситуации на поле боя. Фронтным репортерам запрещалось передавать материалы газетам без предварительного одобрения Военного министерства. Журналистов сопровождали на места военных действий подготовленные офицеры, которые имели четкие инструкции, что конкретно должны увидеть представители прессы³³¹. Таким образом, газеты почти полностью зависели от отчетов правительства.

Наиболее важными для внутренней французской пропаганды были не столько серьезные и объективные издания, такие как *Le Temps*, *Le Journal des Débats*, сколько крупные парижские таблоиды, в частности *Le Matin*, *Le Journal*, *Le Petit Parisien* и *L'Echo de Paris*. Как пишет Э. Бурсье, эти газеты имели большой тираж, были наиболее распространенными во всей Франции, их читали даже на фронте³³².

Если рассматривать освещение отношения французских газет к Германии, то среди них можно условно выделить четыре группы изданий:

1. Газеты националистических взглядов, ориентированные на широкую публику. Практически все из них были враждебно настроены по отношению к Германии. В своих публикациях авторы таких газет зачастую использовали различные оскорбления всего немецкого. Следует выделить наиболее важные издания: *Le Matin*, *Le petit Parisien*, *Le petit Journal*, *Le Journal*, *L'Echo de Paris*,

³³¹ Delporte C. *Les journalistes en France...* Op. cit. P. 190.

³³² Bourcier E. *Les soldats et la presse // La Revue de Paris*. 1916, 15 juin. P. 859.

L'Œuvre, L'Excelsior – и менее важные: Le Drapeau, L'Homme libre, La Liberty, La libre Parole, L'Opinion, La Patrie и L'Intransigeant³³³.

2. Серьезная пресса, которую читали в образованных кругах. Ее материалы отличались тем, что пропаганда зверств уходила на второй план, но при этом преобладал резко антинемецкий тон. Ведущими газетами в этом направлении являлись: Le Journal des Debats, Le Temps, Le Figaro, L'Action Francaise, Le Cri de Paris, La Croix, L'Information. Аналогичного направления придерживались важные провинциальные газеты на западе и юге Франции: La Dépêché de Toulouse, Le Nouvelliste de Lyon, Le petit Marseillais и Le Progrès de Lyon³³⁴.

3. Газеты французских левых партий. Их материалы имели более спокойный и объективный тон, но при этом имел место и пропагандистский элемент. Среди ведущих газет этой группы можно отметить L'Humanite, La Bataille, Le Pays, Le Rappel³³⁵.

4. Газеты, которые стремились саботировать национальную пропаганду. Их авторы проявляли очень активную позицию, распространяя пацифистские идеи. Главным периодическим изданием была газета Le Bonnet rouge. Вряд ли какая-либо другая газета имела столько цензурных белых вырезок. Le Journal du peuple и Le Populaire придерживались аналогичного направления. Кроме того, существовала целая серия менее важных экстремистско-социалистических или анархистских еженедельников, основанных в промежуток между 1916 и 1917 гг., таких как: Ce qu'il faut dire, J'ose dire, La Plèbe и др. В национальной прессе против Le Bonnet rouge и всей этой группы часто выдвигались обвинения в предательстве и сотрудничестве с врагом³³⁶.

В первый период войны французская пресса столкнулась с рядом серьезных трудностей в своей коммерческой и организационной

³³³ Bellanger. Op. cit. P.142.

³³⁴ Ibid. P. 428.

³³⁵ Ibid.

³³⁶ Vic J. Op. cit. P. 390-392, 415-419.

деятельности. Большинство парижских редакций использовали бумагу, производимую в Германии. В первые два месяца войны возник её острый дефицит, поскольку французские фабрики не справились с резко возросшим спросом. Поэтому все газеты выходили только раз в день и в ограниченном объеме. Кроме того, возникли и финансовые трудности. В результате стремительного наступления немцев на Париж коммерческая жизнь столицы была практически парализована. Рекламный раздел газет был сокращен до минимума, так что в большинстве издательств возник финансовый дефицит, который руководство пыталось компенсировать за счет сокращения количества страниц или увольнения редакторов³³⁷. В первую очередь от этой меры пострадали местные редакции, поскольку освещение судебных, парламентских, театральных и спортивных событий было практически полностью исключено. Остальные репортажи также стали короче, так как читателей почти перестали интересовать автомобильные аварии, самоубийства и т.п.³³⁸.

На начальном этапе войны телефон и телеграф также стали недоступны для прессы, следовательно, провинциальные новости практически полностью исчезли из освещения. Финансовая колонка была строго ограничена цензурой. Обменный курс валют больше не публиковался. В результате этого политические и военные репортажи, романы и фельетоны, которые, хотя и отошли на второй план, оставались единственными обширными разделами газет. Конечно, официальные военные отчеты не могли заполнить две, не говоря уже о четырех или шести страницах, поэтому небольшие описания боевых сцен, злодеяний немцев, разрушений, репродукции, фотографии, карикатуры и т.д. были желанным материалом для прессы.

Переезд французского правительства в Бордо еще сильнее осложнил ситуацию. Большинство газет решили последовать примеру правительства как основного источника новостей и переместили свои издательства в этот

³³⁷ Latzarus L. Les Journaux pendant la Guerre. Notes d'un journaliste // La Revue de Paris. 1915, 15 avril. P. 753.

³³⁸ Ibid. P. 755-758.

город. Однако Генеральный штаб остался в Париже и имел там свое собственное цензурное управление, как и правительство в Бордо³³⁹. Эти обстоятельства вылились в чрезвычайно сложную и, в конечном итоге, невыносимую ситуацию для прессы.

Положение французской прессы стало улучшаться с момента возвращения правительства в Париж. Последующие военные годы были довольно благоприятны для создания новых газет и их расширения. С сентября 1915 г. L'Œuvre выходила ежедневно, а позже даже выпускала два издания для Парижа и провинции. La Bataille, La Feuille (1916), L'Heure (1915), Le Journal du Peuple, Le Pays (1917), Le Populaire (1916), La République nationale (1916) стали наиболее важными новыми газетами, созданными в период с 1915 по 1917 гг.³⁴⁰

С начала войны правительство начало выпускать отдельную газету для армии Bulletin des Armées de la République. Она выходила еженедельно и бесплатно распространялась среди офицеров и солдат. Ее главной задачей было поднятие боевого духа войск путем публикации сообщений о немецких злодеяниях. Издание было общенациональным, без какой-либо конкретной партийной окраски³⁴¹.

Следует также обратить внимание на многочисленные фронтовые газеты, издававшиеся самими военнослужащими и предназначенные в основном для развлечения. Они имели пропагандистское значение лишь постольку, поскольку отдельные номера или статьи отправлялись за границу Домом печати, чтобы показать позитивный настрой солдат французской армии³⁴².

Помимо внутренней пропаганды, не следует забывать о проникновении прессы в зарубежные страны, особенно в нейтральные государства. Распространению французских газет за рубежом препятствовал тот факт, что

³³⁹ Capus A. La Presse pendant la Guerre // La Revue Hebdomadaire. 1915, 13 mars. P. 109-127.

³⁴⁰ Vic J. Op. cit. P. 317.

³⁴¹ Letter from the Minister of War Adolphe Messimy... Op. cit. P. 1.

³⁴² Albin P. Tous les journaux du front. Paris, 1915.

лишь сравнительно небольшой процент иностранцев владел французским языком и что, по крайней мере, их номера частично устаревали к тому времени, когда они достигали места назначения. Так, например, газеты, издаваемые во Франции, не могли оказать определяющего воздействия на жителей Америки. Однако влияние французской прессы во время войны было наиболее сильным в соседних странах, особенно в Швейцарии, где, помимо местных, парижские газеты можно было приобрести в каждом киоске³⁴³.

Пресса, издававшаяся за рубежом, лучше отвечала вызовам времени, была более актуальной и во многих случаях смогла добиться хорошего пропагандистского результата. В этом плане примечательны небольшие франкоязычные газеты, многие из которых существовали задолго до мировой войны. Например, в Лондоне издавались *Le Télégramme du Nord* и *Le Télégramme du Pas de Calais et de la Somme*. Аналогичные газеты и журналы выпускались в Бельгии, Греции, Нидерландах, Италии, Румынии и Швейцарии, а также в большинстве стран Латинской Америки (например, *L'Echo du Brésil* в Рио-де-Жанейро)³⁴⁴.

Поскольку пропаганде не хватало объемов печатной продукции как внутри страны, так и за рубежом, то для проникновения пропагандистской информации в другие страны правительство было вынуждено искать иные способы. Французская пропаганда стремилась попасть в зарубежную прессу, предлагая свои материалы для публикаций. Еще до войны во Франции существовало агентство Гавас, которое являлось одним из старейших новостных организаций и по важности в мировом потоке информации уступало только агентству Рейтер. Кроме того, в начале войны Германия потеряла практически все свои новостные кабельные каналы, за исключением тогда еще малоразвитой беспроводной связи, и находилась в прямом обмене новостями лишь с частью европейских государств. Рейтер и

³⁴³ Huber G. Op. cit. S. 12.

³⁴⁴ Ibid.

Гавас приложили максимум усилий, стремясь захватить новостную зону немецкого агентства Вольф. Стоит отметить, что еще в 1902 г. между информационными агентствами Гавас, Рейтер, Вольф и Ассошиэтед Пресс был достигнут ряд соглашений о разделе сфер влияния, в результате которых в область деятельности Гавас входили Франция, южно-европейские государства, французские колонии в Северной Африке, а также Бельгия, Швейцария, Марокко, Южная Америка³⁴⁵.

Гавас имело собственные филиалы в Алжире, Тунисе и Танжере, а также в Буэнос-Айресе, Рио-де-Жанейро, Сантьяго-де-Чили, Вальпараисо и Монтевидео. Португальская пресс-служба управлялась через филиал в Лиссабоне. Агентство активно было вовлечено в работу испанского *Agentura Fabra*. В Италии Гавас поддерживало деловые отношения с *Agenzia Stefani*. При их сотрудничестве возникло и *Agence d'Athènes*. Кроме того, агентство контактировало с новостными офисами в Сербии и Румынии. В Брюсселе у агентства Гавас было главное ведомство, препятствовавшее возникновению самостоятельной бельгийской прессы. Помимо информирования иностранной прессы, французская пропаганда стремилась проникнуть в нее и другими способами, прежде всего с помощью статей, брошюр и даже карикатур, которые различные пропагандистские агентства направляли в редакции для бесплатной печати. Успех франко-английского сотрудничества заключался в том, что никаких других новостей о войне за границей получить не удавалось, и поэтому многие издания зависели от Гавас и Рейтер, которые зашли настолько далеко, что пресса немецких колоний, так как она была полностью отрезана от метрополии, печатала новости, распространяемые этими агентствами³⁴⁶.

Кроме того, Франция по-прежнему стремилась получить прямое влияние на иностранную прессу путем финансовой поддержки изданий и делала их зависимыми от себя. Где пресса была неподкупна, старались

³⁴⁵ Fuchs F. *Telegraphische Nachrichten Büros*. Berlin, 1919. S. 26, 199.

³⁴⁶ Huber G. *Op. cit.* S. 13.

оказывать влияние на сотрудников и редакторов. Только в очень редких случаях французская пропаганда решалась на создание новых газет, так как это требовало огромных затрат. Типичным примером нового продукта пропаганды являлась газета *Freie Zeitung*, основанная 4 апреля 1917 г. Её тираж составлял приблизительно 20 000 экземпляров. Газета выходила в свет в среду и субботу. Однако её нельзя назвать газетой в прямом смысле этого слова, так как в ней отсутствовал раздел новостей. Выпуски состояли из направленных против Германии злобных политических статей, фельетонов, часто в сатирической форме, а также нескольких рекламных материалов. Утверждалось, что издание было под непосредственным контролем Дома печати: «Они (редакторы газеты) находились под руководством Дома печати и делали все возможное в сферах преднамеренного искажения фактов, интерпретации документов и изобретения мифов о кровавых преступлениях немцев. Швейцарское правительство было бессильно противостоять этому»³⁴⁷.

Следует также отметить эффективное, на наш взгляд, пропагандистское издание *Die Feldpost*, которое выпускалось Службой воздушной пропаганды. Оно было создано по образцу английской окопной газеты. Главной целью *Die Feldpost* было усилить усталость немецких солдат от войны. В ее статьях особое внимание уделялось мирной жизни, и те радости, которые немцы любят больше всего, красочно изображались в словесной и изобразительной форме³⁴⁸.

Менее важную роль, чем газеты, для французской военной пропаганды играли журналы. Особенно стоит отметить довоенные издания, большинство из которых почти в каждом номере содержали пропагандистские статьи. На наш взгляд, *La Revue hebdomadaire* являлся наиболее значимым. Он опубликовал серию брошюр на нескольких языках под коллективным названием «За французскую пропаганду в нейтральных государствах во

³⁴⁷ За кулисами французской печати. Указ. соч. С. 168.

³⁴⁸ Hansi, Tonnelat E. Op. cit. P. 18.

время войны». Кроме того, следует упомянуть ряд журналов, в которых особо прослеживался пропагандистский элемент: *La Revue de Paris*, *La Revue deux Mondes*, *La Revue*, *La Nouvelle Revue*, *La Revue bleue*, *La grande Revue*, *Le Correspondant* и *Le Mercure de France*. Мнения, выраженные в журнальных обзорах, были схожи с мнениями в газетных статьях, за исключением того, что в них отдельные вопросы обычно рассматривались более подробно и обстоятельно. Журналы были широко распространены за рубежом. В силу своей литературной или культурной ценности они коллекционировались и хранились в библиотеках, поэтому каждый читатель мог с ними ознакомиться. Это было на руку французской пропаганде. Несмотря на всю враждебность к Германии, тон ревью, как правило, был гораздо спокойнее. Их читатели встречались, главным образом, в образованных, серьезных кругах с политическими и культурными интересами.

Следует отметить специализированные журналы, в которых изредка, но печатались пропагандистские статьи. Так, к примеру, в юридических журналах неоднократно указывалось на нарушения Германией законов ведения войны и международного права. В этом направлении преуспел журнал *Le Journal du Droit international*, издаваемый в Париже.

Также нельзя недооценивать важность иллюстрированных журналов для пропаганды. С начала конфликта они публиковали большое количество статей о войне в сопровождении иллюстраций, а тон таких изданий зачастую отличался ненавистническим отношением к Германии. Одним из популярных иллюстрированных журналов был *Annales politiques et littéraires*, редакторы которого Анси и Э. Веттерле стремились придать ему явно антинемецкий характер.

Военные журналы не были особенно многочисленны. К наиболее распространенным можно отнести: *La Guerre de 1914 – 18 documentée*, *En plein feu*, *La grande Guerre racontée par l'image*. Два журнала *La Guerre des nations* и *Les Cahiers de la guerre* уже в 1915 г. были вынуждены прекратить публикации.

В информационном противостоянии иллюстрированные и военные журналы в основном двигались в том же направлении, что и газеты, за исключением того, что рисунки и фотографии играли более важную роль для пропаганды, чем статьи и репортажи. Кроме того, в период войны было создано большое количество журналов, которые использовались только в пропагандистских целях. Большинство из них издавалось официальными органами, в частности Домом печати или пропагандистскими ассоциациями, такими, как Alliance Française.

Несмотря на то, что книга в целом как средство пропаганды не имеет такого значения, как, например, газета и плакат, все же нельзя недооценивать ее влияние. В большинстве случаев тиражи книг были невелики, и, следовательно, воздействие на противника было сравнительно небольшим. Но важность книги обусловлена тем, что во многих случаях прослеживалась определенная интеллектуальная зависимость от нее остальных средств пропаганды, прежде всего газет и брошюр. Стоит отметить, что газеты и брошюры предоставляли лишь сокращенное и популярное изложение мыслей, содержащихся в книгах. Наиболее ярким примером этого служит книжная публикация «Отчетов и протоколов расследований комиссии, созданной для установления действий, совершенных противником в нарушение права наций»³⁴⁹. Многие газеты брали из этого источника материал для своих репортажей, а отдельные художники иллюстрировали сцены зверств немцев, о которых сообщалось в отчете. Пропагандистские книги в основном были написаны или известными французами (учеными, профессорами, писателями, государственными деятелями), или иностранцами. Иногда к их изданию подключались комиссии, специально созданные для изучения или прояснения какого-либо вопроса. Например, Комитетом по расследованию немецких зверств была подготовлена и издана

³⁴⁹ Rapports et procès-verbaux d'enquête de la commission instituée... Op. cit.

книга «Эльзас-Лотарингия и северо-восточная граница»³⁵⁰, над которой трудились известные французские деятели.

Пропагандистские брошюры лишь незначительно отличались от книг. Зачастую трудно провести грань между книгой и брошюрой, так как французские книги, особенно военные издания, не были переплетены. Брошюры, как правило, не являлись продуктом официальной пропаганды, но в большинстве случаев издавались частными организациями, издательствами или официальными структурами под каким-либо вымышленным названием. Следует отметить крупные серии, такие как Pages actuelles, Pages d'Histoire. Некоторые брошюры состояли из сборников газетных статей, речей государственных деятелей и ученых, текстов лекций, прочитанных в различных пропагандистских объединениях. Другие брошюры представляли собой хорошо проработанные издания официальных военных отчетов, сообщений о злодеяниях или описаний отношений Франции с зарубежными государствами. Довольно большое количество книг и брошюр переводилось на иностранные языки. К примеру, «Исследования и документы о войне» были переведены почти на все языки. В ряду прочих переводов английское и испанское издания были самыми распространенными.

Для пропаганды среди врагов книга играла незначительную роль, поскольку ее доставка в Германию вызывала слишком много проблем. Брошюры, напротив, имели маленький формат, печатались на тонкой бумаге и лишь в очень редких случаях превышали толщину в пятьдесят-семьдесят страниц.

Более важное значение, чем книги, в информационной борьбе имели листовки. Их было легко производить и сбрасывать в больших количествах в тыл противника. Во внутренней пропаганде листовкам отводилась второстепенная роль. В основном они использовались в виде дополнительных листов в газетах и для распространения военных облигаций в целях помощи фронту. Католический комитет и Протестантский комитет,

³⁵⁰ L'Alsace-Lorraine et la frontière du Nord-Est // Travaux du Comité d'études. Paris, 1918.

прежде всего, в своей деятельности опирались на использование листовочной продукции. Наиболее известными и распространенными во Франции стали «Письма ко всем французам», изданные в виде листовок «Издательским комитетом» под руководством Э. Лависса.

Способы распространения листовок были разнообразными. Самый простой – бросать их в окопы противника. Однако данный способ был неэффективен, так как окопы должны были находиться в непосредственной близости друг к другу. В 1918 г. французы разработали план массового распространения листовок на небольшом расстоянии. Были созданы «пропагандистские снаряды» из жести, похожие на гранаты, которыми можно было стрелять на расстояние до 200 метров. Снаряды взрывались в воздухе, и можно было рассчитывать, что они пролетят еще 100 метров, прежде чем достигнут земли. Каждый из них нес около 150 листовок или от пяти до десяти газет³⁵¹. Впервые они были использованы в битве при Шампани в ночь с 12 на 13 мая 1918 г. Было подсчитано, что за четверть часа немцам было передано от одного до двух миллионов листовок. О том, что многие из них попали в руки врагов, говорит тот факт, что солдатами только первой армии Германии было сдано более 14 000 листовок³⁵². Единственным недостатком этого пропагандистского снаряда было короткое расстояние стрельбы. Поэтому к марту 1918 г. французы усовершенствовали пропагандистский снаряд для использования в 75-мм полевых орудиях. Дальность стрельбы составляла от 4 до 5 километров. Можно было регулировать их разрыв и забрасывать вражеские позиции листовками с большой точностью³⁵³.

³⁵¹ Hansi, Tonnelat E. Op. cit. P. 155.

³⁵² Thimme H. Op. cit. S. 47.

³⁵³ Николаи В. Указ. соч. (Вальтер Николаи дает дополнительную информацию о предполагаемой тактике союзников в целом. Он рассказывает об обнаружении бесчисленных секретных типографий, которые «были скрыты самыми изощренными способами». «Эти предприятия, – утверждает он, – занимались также изготовлением фальшивых пропусков и отпускных документов для немецких солдат. С их помощью предпринимались попытки убедить их дезертировать и сделать дезертирство легким»).

Для более масштабных действий использовались самолеты. До 1916 г. сбрасывание газет и листовок производилось исключительно летчиками³⁵⁴. Несмотря на то, что в 1914 году французы и немцы неоднократно сбрасывали листовки с воздуха, только в начале 1915 г. аэропланы стали широко использоваться в пропагандистских целях³⁵⁵.

Степень эффективности Службы воздушной пропаганды можно подтвердить заявлением Анси о том, что только в октябре 1915 г. было распространено 50 000 экземпляров «Писем немецкого военнопленного к своим товарищам»³⁵⁶.

Французы считали вопрос доставки листовок настолько важным, что, после того, как Генштаб создал свое Бюро по изучению психологии противника, для этой цели была использована летная эскадрилья «Лафайет». Дж. Н. Холл дает наглядное представление об этой работе: «Затем они начали заваливать нас умными идеями. Начали поступать брошюры, пачки за пачкой; бумажные боеприпасы, предназначенные для того, чтобы обрушиваться на головы заблудших бошей, пока они не сломаются под их тяжестью, и они тоже были весомыми. Я немного читал по-немецки и оценил их привлекательность больше, чем мои французские товарищи. Например, был фальшивый новостной листок, якобы исходивший из Берна. В нем сообщались все последние новости о победах союзников в сочетании с самыми пессимистическими заявлениями некоторых немецких социалистов»³⁵⁷.

«Армейская эскадрилья» был еще одним известным летным подразделением, которое участвовало в переправке материалов пропаганды. Дважды в неделю этот корпус доставлял врагу фальшивые немецкие газеты. Они были изготовлены, по большей части, «Друзьями немецкой

³⁵⁴ Там же. С. 56.

³⁵⁵ Hansi, Tonnelat E. Op. cit. P. 10. В августе 1914 года французы сбросили в Эльзас-Лотарингии листовки, в которых говорилось, что Франция борется за освобождение этих «потерянных провинций» от немецкого ига. Немцы в сентябре того же года использовали самолеты для сброса листовок над Нанси.

³⁵⁶ Ibid.

³⁵⁷ Hall J. N., Nordhoff C. V. Op. cit. P. 138.

демократии». Об этой работе Б. А. Мольтер говорил следующее: «Буквально, французские летчики – это разносчики газет. ... Каждый самолет берет на борт около 1 000 «трактатов» и отправляется выполнять свое миссионерское поручение. Целью каждого из них является любая казарма, где, как известно, расквартировано значительное количество солдат. ...О странах, разорвавших дипломатические отношения с Германией, о целях союзников, вступлении Америки в войну на стороне Антанты с обещанием активной поддержки, новости о больших военных приготовлениях в этой стране – все это было рассказано в трактатах, которыми мы осыпали гуннов»³⁵⁸.

Французские летчики также занимались доставкой посланий американского президента В. Вильсона. Так, его послание Конгрессу от 8 февраля 1918 г. считалось особенно важным, и доставка его немцам рассматривалась как «специальное задание». 11 февраля 1918 г. два американских летчика на французской службе У. А. Веллман и «Томми» Хичкок получили от своего капитана приказ передать немцам эту речь. «Это действительно было послание, адресованное немецкому народу, – сказал капитан, – и сегодня американцы из различных эскадрилий будут иметь уникальную возможность пролететь над вражеской страной и сбросить копии этой речи, напечатанные на немецком языке»³⁵⁹. «Мой маршрут доставки предусматривал прохождение двадцати пяти миль по территории Германии над городами Саарбург и Миттерсхайм. Это казалось пустяком. Однако, когда дело дошло до доставки послания, я очень скоро обнаружил, что доставить их в целости и сохранности – довольно сложная задача. Просто выброшенные за борт на скорости 130 миль в час, они могли бы запутаться в крыльях или застрять в фюзеляже. Но, в конце концов, я нашел решение этой проблемы. Я делал вертикальный вираж, подбрасывая связки послания, когда летел перпендикулярно, и в то же мгновение резко разворачивал свой

³⁵⁸ Molter B. A. *Knights of the Air*. London, 1918. P. 190.

³⁵⁹ Wellman W. A. *Op. cit.* 1918. P. 135.

аппарат, чтобы хвост не задел их»³⁶⁰. И затем, возможно, немного слишком восторженно мистер Уэллман завершает свою картину словами: «Забавно было оглядываться назад и видеть, как люди внизу бросали свои винтовки и хватались за наши послания, которые падали в окопы»³⁶¹.

Но распространение пропагандистских газет, листовок, брошюр самолетами имело свои сложности, так как, с одной стороны, не хватало машин для выполнения этих задач, а с другой – некоторые авиаторы считали эту работу бесславленным делом и иногда не выполняли приказов. Поэтому приходилось прибегать к другим средствам, менее надежным и точным, но более простым и без риска, а именно: воздушным шарам и снарядам, «заряженным» пропагандистскими материалами. Каждый шар нес до 400 газет. Сбрасывание происходило автоматически небольшими пачками при помощи тлеющего зажигательного шнура, пережигавшего поддерживавшую нить. Для населения Бельгии и Франции сбрасывали, главным образом, новые французские газеты, подложные номера *La Gazette des Ardennes*, а также специально составлявшиеся летучки вроде *La voix du pays*, *Courrier de l'air*. Летучки, предназначавшиеся для германских войск, содержали призывы к переходу на сторону французов, забастовке и революции. Поддельные номера немецких газет изображали положение дел на родине в негативном свете. Подложные письма германских военнопленных во Франции и в Англии, а также описания хорошего отношения к ним в плену имели целью побудить солдат к добровольной сдаче. Чем дольше отдельным германским дивизиям приходилось находиться в бою, тем больше подвергались они воздействию сбрасываемых летательными аппаратами летучек. В июле 1918 г. одна из армий противника сдала 300 000 французских листовок³⁶².

Вначале сбрасывали главным образом материалы, в которых призывали к переходу на другую сторону и которые создавали настроение, снижавшее боевой энтузиазм и уверенность в победе. С 1917 г. стали

³⁶⁰ Ibid. P. 135.

³⁶¹ Wellman W. A. Op. cit. P. 135.

³⁶² Николай В. Указ. соч. С. 160.

сбрасывать также политические книги и брошюры, которые должны были доказать виновность Германии в войне и способствовать революции. Среди них находились произведения кн. Лихновского, Мюлона, Греллинга, Бальдера и др.

В пропагандистских целях французы также использовали письма и заявления немецких заключенных, описывавшие условия содержания во французских лагерях. Много примеров такой пропаганды можно найти среди материалов, разосланных Службой воздушной пропаганды. Наиболее интересным из этих примеров является группа материалов под названием «Привет Родине. Письма немецких военнопленных»³⁶³. Это были восьмистраничные газеты, обильно иллюстрированные и содержащие факсимиле писем пленных, в которых они рассказывали о прекрасном питании и замечательном обращении с ними французов. Фотографии обычно показывали заключенных за игрой, за работой в саду, в социальном зале, открывающих посылки из дома или за обедом с большим количеством еды на столах.

Французская пропаганда не ограничилась только сбросом листовок над немецкими окопами. Она стремилась проникнуть внутрь страны противника, что можно было сделать только через нейтральные страны. Швейцария и Голландия стали той самой необходимой базой для проведения такого рода пропаганды. В то время как английская пропаганда пыталась проникнуть в Германию через Голландию, французская пропаганда действовала из соседних со Швейцарией городов – Лиона, Анмаса, Тонона и Эвьяна. С этой целью в Швейцарии была создана обширная французская пропагандистская сеть. Однако, поскольку германо-швейцарская граница строго контролировалась, для контрабанды пропагандистской литературы в Германию пришлось применять всевозможные уловки: например, листовки упаковывали в жестяные банки или складывали в портфели учеников, которые ходили в школу, пересекая границу; иногда в Рейн бросали кожаные

³⁶³ Grüße an die Heimat, Briefe deutscher Kriegsgefangenen, 1917.

мешки, наполненные пропагандистскими материалами, и таким образом течением их приносило в Германию. Время от времени через Боденское озеро проплывали парусные яхты, к шверту которых прикрепляли свертки листовок, чтобы во время таможенного досмотра в лодке не было обнаружено ничего подозрительного.

Кроме того, в Швейцарии была развита мощная немецкая республиканская пропаганда, которая была направлена не столько на Швейцарию, сколько на саму Германию. Эта пропаганда исходила в основном от немецких дезертиров и беглецов, собравшихся в Швейцарии для распространения идеи Германской республики.

Среди наиболее видных немецких демократов в Швейцарии были Р. Грейлинг, Г. Фернау-Латт, Г. Роземайер, Г. Хубер и доктор Г. Шлибен³⁶⁴. Эти люди были готовы сотрудничать с союзниками для осуществления демократизации Германии. Некоторые из них писали пропагандистские материалы, которые покупались французским бюро пропаганды. З. Бальдер написал много стихов и ряд брошюр, которые распространялись французами среди немецких войск на фронте. Один из его вкладов в дело пропаганды – описание ситуации с продовольствием в Германии и беспокойства, которое, как предполагается, испытывал по этому поводу кайзер³⁶⁵.

Еще одним немецким эмигрантом на службе Франции был Г. Роземайер. До войны он являлся редактором берлинской газеты *Morgenpost*. После начала войны Г. Роземайер отправился в Швейцарию, будучи убежденным в вине Германии в развязывании мировой войны. Этот пропагандист написал в 1916 г. две брошюры: «Вина за войну» и «Немецкий народ, проснись», – которые тиражом более 100 000 экземпляров напечатали французские издатели *Rayot & Co*. Г. Роземайер считался настолько ценным

³⁶⁴ Huber G. Op. cit. P. 69.

³⁶⁵ Bruntz G. G. Op. cit. P. 42.

пропагандистом для французов, что его пригласили в Париж. Вернувшись в Швейцарию в апреле 1917 г., он стал сотрудничать с газетой *Freie Zeitung*³⁶⁶.

Следует также отметить пропагандистскую деятельность Р. Греллинга. До войны он работал юристом в Берлине, затем переехал в Швейцарию, и там началась его информационная кампания против Германии. Его работы «Я обвиняю»³⁶⁷ и «Преступление»³⁶⁸ стали основой для пропагандистских материалов, которые активно использовала Служба военной пропаганды³⁶⁹.

Также важный вклад в становление французской пропаганды внесли С. Грумбах (его работы «Вопрос вины»³⁷⁰ и «Недоверие»³⁷¹ вышли в *Freie Zeitung*) и Г. Фернау (автор книг «Через демократию»³⁷² и «Именно потому, что я немец»³⁷³). Книги и эссе, написанные этими немцами, были распространены довольно большими тиражами, а некоторые из них были также выпущены французскими издательствами в многоязычных переводах.

Немцы осознали эффективность пропаганды, созданной эмигрантами в Швейцарии. В. Николаи, начальник немецкой секретной службы, отмечал: «Одной из самых печальных страниц этой неприятельской пропаганды является то обстоятельство, что в ней принимали участие или, по крайней мере, орудием ее служили немцы, ибо влияние пропаганды, опиравшейся на немецкие источники, на немецких представителей, было гораздо сильнее»³⁷⁴.

Также французская пропаганда использовала для достижения своих целей крупномасштабные репродукции рисунков, карикатур и фотографии. С августа 1914 г. визуальная пропаганда стала играть важную роль. Во время войны в этом направлении произошел небывалый сдвиг. Производство и распространение визуальных материалов достигло масштабов массового

³⁶⁶ Ernst W. Die antideutsche propaganda durch das Schweizer gebiet im weltkrieg, speziell die propaganda in Bayern. Munich, 1933. S. 5.

³⁶⁷ Grelling R. J'accuse. London, 1916.

³⁶⁸ Grelling R. Le crime. Paris, 1918.

³⁶⁹ Bruns A. Die Grundsätze und Beweisgründe der Entente-Propaganda, dargestellt an der Schweizerischen «Freien Zeitung» von Amerikas Eintritt in den Weltkrieg bis zur deutschen Revolution (1917–18). Münster, 1923. S. 6.

³⁷⁰ Grumbach S. Die Schuldfrage. Lausanne, 1918.

³⁷¹ Grumbach S. Das Misstrauen. Lausanne, 1918.

³⁷² Fernau H. Durch! Zur Demokratie. Bern, 1917.

³⁷³ Fernau H. Gerade weil ich Deutscher bin. Zurich, 1916.

³⁷⁴ Николаи В. Указ. соч. С. 163.

явления, так как население стремилось узнать о военных событиях и увидеть, что происходит на фронте. Правительство постепенно осознало социальное влияние визуальной пропаганды и попыталось использовать ее для формирования общественного мнения. Фотография и кинематограф впервые на тот момент стали частью современных средств информационной войны³⁷⁵.

Несомненно, фотография производила более сильное воздействие на зрителя, чем самый лучший очерк или газетная статья. Учитывая этот факт, многие газеты во время войны стали размещать в своих номерах больше фотографий. Однако следует провести различие между визуализацией события, отображаемого с помощью фотографии, рисунка или карикатуры. Для пропаганды важнее была карикатура. В фоторепортажах особое пропагандистское значение имели изображения разрушений, причиненных немцами, фотографии войск и боевой техники союзников, показывающие мощь Антанты, кадры с изображением захваченных пушек, немецких военнопленных и др. Чтобы придать достоверность идее «варварской войны», вызванной врагом, газеты часто размещали в новостных колонках фотографии, которые должны были свидетельствовать о реальности происходящего. Различные кадры использовались для осуждения грабежей, мародерства и разрушений. Например, в феврале 1915 г. в одном из номеров газеты *Le Miroir* на одной странице было размещено четыре снимка разграбленных домов и взломанных сейфов под ироничным заголовком «Они остаются хорошими грабителями с 1870 года» (См.: приложение 11).

В этой области пропаганды особенно активно действовали фотографический и кинематографический отделы Дома печати. Следует также отметить, что французская пропаганда часто использовала фальсификации путём ретуширования отдельных деталей, монтажа нескольких кадров в один, съёмки постановочных фото и т.д.

В карикатуре французская пропаганда, на наш взгляд, достигла наибольшего успеха. Ведущим журналом в этой области был *La Vaïonnette*, в

³⁷⁵ Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Op. cit. P. 702.

редакцию которого входили самые известные карикатуристы Франции, такие как Баррер, Делу, Фабиано, Февр, Флор, Гийом, Жербо, Леандр, Метитив, Штейнлен, Виллет³⁷⁶. Кроме того, должны быть упомянуты карикатуры из таких журналов, как *Le Rire*, *Le Sourire*, *Fantasio* и др. Одним из лучших пропагандистов, работавших в жанре карикатуры, был Анси. Он выпускал карикатуры в виде отдельных листовок или вставлял в свои пропагандистские газеты *Die Feldpost* или *Kriegsblätter*³⁷⁷.

Когда началась война, карикатуристы столкнулись с дилеммой: должны ли они продолжать будоражить общество критикой или должны поддерживать правительство? Во Франции в августе 1914 г. карикатурные журналы прекратили публикации. *La Vie Parisienne* объяснял своим читателям, что его соратники находятся на фронте, а немцы – у дверей Парижа³⁷⁸. Когда журналы снова стали выходить (с ноября 1914 г.³⁷⁹), некоторые из них, такие как *Le Rire*, оправдали свое решение: «В эти ужасные и трагические, но в высшей степени славные времена... «смех» отнюдь не неуместен, а, напротив, необходим... Сколько подвигов должно быть воспето мастерами сатиры и рисунка? И разве не стоит отметить презрительного и мерзкого Вильгельма II раскаленным железом карикатуры?»³⁸⁰.

Во Франции, в которой среди воюющих стран была самая жесткая цензура, был запрещен только 1% карикатур в газетах. В 1916 г. президент Р. Пуанкаре поблагодарил карикатуристов «за их профранцузскую пропаганду, проводимую с начала войны»³⁸¹.

Поскольку война истощала и солдат, и простое население, неудивительно, что юмор превратился в огромную индустрию, особенно в

³⁷⁶ Schulz-Besser E. *Die Karikatur im Weltkriege*. Leipzig, 1915. S. 82.

³⁷⁷ Demm E. *Caricatures*. [Электронный ресурс]. URL <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/caricatures> (дата обращения: 19.12.2021).

³⁷⁸ Schulte S. L. *Das Bild als Waffe. Die französische Bildpropaganda im Weltkrieg*. Würzburg, 1938. S. 49.

³⁷⁹ Naour J.-Y. *Laughter and tears in the Great War: the need for Laughter/the guilt of humour* // *Journal of European Studies*. 2001. Vol. 21. P. 266.

³⁸⁰ *Le Rire*. 1914, 21 novembre. P. 34.

³⁸¹ Navet F. *Des journaux sanctionnés pour des dessins non échoppés (1914-1919)* // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1994. Vol. 173. P. 35-51.

первые два года войны. Например, процент карикатур во французской ежедневной газете *Le Journal* вырос с 0,3% в 1913 г. до 18,6% в 1914 г. и 22,6% в 1916–1917 гг., а ее тираж увеличился с 700 000 экземпляров в 1913 г. до 1,4 миллиона в 1915 г.³⁸². В связи с общим бумом в 1914–15 гг. были основаны новые карикатурные журналы: *L'Europe Anti-Prussienne*, *L'Anti-Boche*, *La Vaïonnette* и единственный антивоенный карикатурный журнал *Le canard enchaîné*³⁸³. В это время во Франции появились специализированные альбомы с работами конкретного художника, например, альбом *Zislin*. Также карикатуры размещались на открытках и листовках.

Пресса, особенно парижская, довольно активно использовала карикатурную пропаганду. Например, газета *Le Matin* в каждом номере помещала как минимум одну карикатуру. *Le Journal* в последние годы войны часто заполнял ими две-три колонки. Напротив, *Le Temps* и *Le Journal des Débats* всегда появлялись без иллюстраций. Некоторые газеты и журналы публиковали иностранные карикатуры, например, *Le Journal* и *Le Matin*, принадлежавшие к группе «Нортклифф». В журнале *Le Rire* регулярно печаталась страница иностранных карикатур. Также очень часто во французской прессе появлялись немецкие довоенные карикатуры, высмеивавшие немецкий характер и милитаризм³⁸⁴.

Большинство французских карикатур было направлено против немецкой сущности, милитаризма и военных злодеяний. Одним из важнейших пропагандистских дискурсов в этом направлении стали так называемые «зверские» истории, распространяемые военными сводками и подкрепляемые правительственными заявлениями. Например, пропагандистское сообщение о том, что немецкие солдаты отрубили руки маленьким детям и разорвали на части тело французского офицера, было изложено в коммюнике бельгийской армии; о сожжении деревни Триаукур и

³⁸² Hiley N. A new and vital moral factor: cartoon book publishing in Britain during the First World War // *Publishing in the First World War: essays in book history*. Basingstoke, 2007. P. 148.

³⁸³ Topitsch K. Die Greuelpropaganda in der Karikatur // *Bildpropaganda im Ersten Weltkrieg*. Hamburg, 2000. P. 72.

³⁸⁴ Hewitson M. Black humour: caricature in wartime // *Oxford German Studies*. London, 2012. Vol. 41. P. 218.

массовом убийстве всех ее жителей было объявлено в коммюнике французской армии; о распятии канадского солдата было сообщено в коммюнике британской армии³⁸⁵.

С другой стороны, многие карикатуры в журналах были в основном развлекательного характера и не имели ярко выраженной пропагандистской цели. Французские юмористические журналы были широко распространены в армии и читались на фронте, что помогало поднять настроение солдат.

Но наиболее широкое распространение карикатура получила благодаря открытке. В начале XX в. почтовые открытки были не только коллекционным предметом, но и средством массовой коммуникации. Их производством занимались не только официальные государственные предприятия. Во Франции, как и во многих странах Европы, существовали мелкие частные фирмы, специализировавшиеся на их выпуске. Оккупация Германией ряда регионов с крупными центрами производства открыток привела к тому, что производители стали объединяться в крупные предприятия. На рынке почтовой открытки стали появляться торговые дома со специфичными для войны названиями (брендами): *La Revanche*, *Patriotic* и др. Динамику их работы можно отследить по рекламным объявлениям в прессе. К примеру, крупная парижская полиграфическая фирма *Le Deley* выпускала по двадцать пять новых образцов в неделю и к 1918 г. могла предложить покупателю 1 800 открыток из своего каталога³⁸⁶. Ежегодно во Франции выпускалось более 800 миллионов карточек. За период с 1914 по 1918 гг. было произведено более 80 тыс. образцов, а тираж составил 5 млрд. экземпляров. По приблизительным подсчетам, за всю войну во всех странах было выпущено несколько десятков миллиардов открыток³⁸⁷.

³⁸⁵ Les Atrocités allemandes en France, rapport présenté à M. le Président du Conseil par la commission instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation du droit des gens. Paris, 1915.; *Le livre rouge...* Op. cit.

³⁸⁶ Doizy G. Les cartes postales «de guerre», reflet des imaginaires collectifs? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caricaturesetcaricature.com/2014/03/les-cartes-postales-de-guerre-reflet-des-imaginaires-collectifs.html> (дата обращения: 16.05.2021).

³⁸⁷ Самбур М. В. Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестник МГУКИ. № 4(54). 2013. С. 66.

2 августа 1914 г. во Франции началась всеобщая мобилизация. Сотни тысяч молодых людей были оторваны от дома, семей, привычного уклада жизни. Перед правительством стояла задача – обеспечить военных возможностью непрерывного общения с домом. Для солдат стали издаваться специальные корреспондентские открытки, которые предоставлялись им абсолютно бесплатно. Уже к концу 1914 г. более полутора миллиона почтовых карточек направлялись к адресатам во все уголки страны³⁸⁸.

Приведенная выше статистика свидетельствует о том, что открытки являлись средством коммуникации первой степени важности. Общение через почтовые карточки было более доступным, быстрым и распространенным способом. Война не стала препятствием для их производства, напротив, вызвала повышенный спрос. Таким образом, открытки стали информационным оружием государства в войне. Тематика изображений была разнообразной и охватывала все области деятельности человека. Большую роль в пропаганде играли так называемые юмористические или сатирические открытки с карикатурами.

Основной мишенью для карикатуристов стал кайзер Германии Вильгельм II, на которого была возложена вина за начавшийся конфликт. Пропаганда сделала его главным «злодеем», «службой зла». Фокусировка на Вильгельме II не случайна. У врага должно быть одно лицо. Невозможно ненавидеть целый народ, поэтому лучше сосредоточить всю ненависть на одном человеке. В странах Антанты кайзера считали «бешеным псом Европы» и даже «богом войны»³⁸⁹. На многих почтовых открытках стали появляться карикатуры, где кайзер был представлен деспотом и тираном, врагом человечества и конституционных ценностей западных обществ. Фигура кайзера демонизировалась, его воспринимали как дьявола во плоти, поэтому некоторые французские пропагандисты изображали его Антихристом, Аттилой или главарем бандитов.

³⁸⁸ Doizy G. Op. cit.

³⁸⁹ Цыкалов Д. Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского гос. ун-та. № 1(21). 2012. С. 86.

По карикатурам на почтовых открытках можно проследить эволюцию образа немецкого солдата. Пропаганда выставляла врага на посмешище. Французы, русские, англичане всячески старались показать противника глупцом, бояться которого не стоило. С этой целью и создавались сатирические эпизоды. Во французских архивах Первой мировой войны можно найти открытки с карикатурами, где немецкий солдат показан трусом, готовым сдаться, если противник превышает его числом; он идет в бой только под принуждением своих офицеров, позорно прячется за спинами женщин на поле боя. Немецкие солдаты часто были изображены с бородой – неотъемлемым атрибутом варварства³⁹⁰.

Безжалостно высмеивались карикатуристами и высшие чины. Немецкого офицера рисовали непременно в военной униформе, с моноклем. Французская пресса описывала его как «высокомерного аристократа, выражающего явное презрение, под внешней оболочкой которого скрыто полное отсутствие сомнений. Он мечтает только о насилии, грабежах и разрушениях»³⁹¹.

Упоминания о «зверствах» или «варварах» также прослеживаются в открытках. На них стали размещать фотографии сгоревших улиц, разрушенных зданий, пронизанных дырами от снарядов. В ходе всего конфликта появлялись сюжеты открыток с видами разрушенных исторических зданий, уничтоженных деревень и городов, таких как Реймс, Аррас, Нойон, Суассон, Сенлис, Верден. Французская пропаганда использовала эти «визуальные доказательства» варварства немцев на протяжении всей войны. Изображения на открытках давали четкое представление о разрушениях, что позволяло подпитывать веру в «запрограммированную волю» немцев уничтожить художественное, промышленное и культурное наследие французов. Ряд фотокарточек

³⁹⁰ Наур Ж.-И. Изображение немцев во французской карикатуре времен Первой мировой войны // Идеи и идеалы. № 4(26). 2015. С.11.

³⁹¹ Там же. С.11.

сопровождался заголовками, чей тон становился более жестким по ходу затягивания войны.

С 1915 г. тема «уничтоженных городов» заняла особое место во французской пропаганде. В средствах печати ей посвящены отдельные статьи, в которых враг показан как «орда варваров», уничтожающая все на своем пути. Увеличение тиража открыток с изображенными руинами достигло желаемого эффекта – показать виновного в этих преступлениях³⁹².

При анализе открыток с изображением руин стоит обратить внимание на тот факт, что зачастую преобладали снимки разрушенных церквей. И это неслучайно. Франция 1914 г. по-прежнему являлась глубоко верующей католической страной. Посягательства на религиозные святыни не оставляли никого равнодушным. Серия открыток с изображением разрушенных соборов демонстрировала французам неуважение немцев к религии и их стремление уничтожить все, что с ней связано. Артиллерийский обстрел Реймского собора и разрушение Лувена стали сильными козырями в рукаве французской пропаганды, подтверждающими варварство врага, который ничего не уважает (См.: приложение 12).

Следует также упомянуть о кинематографе как новом средстве массовой информации. За время войны французы выпустили более 600 кинохроник различной продолжительности. Изначально являясь городским средством массовой информации, кино оказалось очень мобильным, причем не только в деревнях Франции, но и на самом фронте. Мощные образы, большое количество зрителей и создание эффективного пропагандистского образа в совокупности произвели прорыв в практике формирования общественного мнения в военное время.

Идея кинохроники зародилась во Франции в начале 1908 г., когда компания Pathé объединила несколько короткометражных фильмов, посвященных недавним событиям, в развлекательный обзор. Зрители были

³⁹² Danchin E. Destruction du patrimoine et figure du soldat allemand dans les cartes postales de la Grande Guerre. [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/amnis/1371> (дата обращения: 08.09.2021).

очарованы такими событиями, как землетрясение в Мессине, перелет Луи Блерио через Ла-Манш, коронация Георга V и т.д. Кинохроника быстро стала неотъемлемой частью кинопрограммы, выходила дважды в неделю и производилась такими компаниями, как Gaumont, Éclair и Eclipse, а также Pathé³⁹³.

Начало войны в 1914 г. возродило страхи и клише о «наследственном» враге. Что касается кино, то, согласно «строго конфиденциальной записке» Министерства внутренних дел Франции от 3 мая 1913 г., было запрещено показывать немецких солдат во избежание каких-либо инцидентов во время сеансов. Многие протестовали против данного запрета, но эта ограничительная мера объясняет странное отсутствие немецких солдат в фильмах, снятых в 1914 и 1915 гг. В лучшем случае, как в фильме «Невесты 1914 года» (1915), их можно увидеть издалека, но невозможно четко идентифицировать. В этом же ключе можно отметить, что в двух фильмах Л. Перре – «Страница славы» (1915) и «Мечь паулю» (1916) – французы все еще сражаются против странного невидимого противника. Поэтому создатели кинолент попытались обойти этот запрет, используя различные технологии. Только в начале 1916 г. вражеским солдатам наконец-то разрешили появляться на экране. Фильм А. Пукталя «Эльзас» стал первым, получившим разрешение цензоров. В нем показана группа немецких солдат, избивающих молодого эльзасца, который остался верен Франции. С тех пор многие фильмы рассказывали о немецком варварстве. Так, в кинокартине «Трагическая мельница» (1916) немецкий офицер, взяв чужое имя, замышляет втянуть свою страну в войну. Фильм рисует ужасающую картину жестокости врага: демонизируя и криминализируя «другого», он пытается доказать необходимость борьбы с ним любыми средствами³⁹⁴. В киноленте «Французская территория, освобожденная в результате немецкого отступления в марте 1917 года» череда кадров, изображающих опустевшие

³⁹³ Paris M. Film/Cinema (France) [Электронный ресурс]. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/filmcinema_france (дата обращения: 12.06.2022).

³⁹⁴ Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Op. cit. P. 703.

окрестности, подтверждает дикость врага. Присутствие на экранах такого количества разрушений на протяжении всей войны являлось одной из главных тем пропаганды и оставалось, как говорил редактор журнала *Hebdo-Film*, «очень уместным, чтобы поддерживать в нас святую ненависть к варвару и убийце»³⁹⁵.

Однако начало войны сильно повлияло на отрасль. Мобилизация привела к тому, что многие кинематографисты отправились на фронт, ресурсов для съемок не хватало, а закрытие правительством кинотеатров и мест развлечений привело к тому, что производство фильмов практически прекратилось. Хотя кинотеатры впоследствии были вновь открыты, индустрия так и не смогла вернуть себе довоенное положение. Почти та же участь постигла и кинохронику, только благодаря повышенному общественному спросу на военные новости она смогла сохранить свои позиции. До введения цензуры кинохроника показывала прибытие британских экспедиционных сил, отступление бельгийской армии, потоки беженцев, бегущих из зоны боевых действий и т.д. В конце концов, правительство решило, что эти кадры мало способствуют поддержанию морального духа гражданского населения, поэтому была введена жесткая цензурная политика, которая сильно ограничивала то, что можно было показывать на экране. Однако в 1915 г. сотрудник компании *Pathé* убедил военные власти в том, что кино может поднять боевой дух и обеспечить важную запись событий, и в результате в большинстве дивизий были созданы официальные подразделения киносъемки, фотографическая и кинематографическая службы армии. Снятые ими кадры, хотя и проходили армейскую цензуру, поставлялись коммерческим организациям для показа во Франции и за рубежом. Военные также издавали собственный еженедельный

³⁹⁵ Ibid. P. 704.

киножурнал *Annales de la Guerre* и выпустили около шестидесяти документальных фильмов³⁹⁶.

Большинство кадров было снято в сравнительной безопасности – на расстоянии от линии фронта; так, кинохроника показывала орудия, подкрепления и припасы, которые направлялись в зону военных действий.

На наш взгляд, значительный интерес представляет визуализация врага во французской кинохронике. Изображения пленных встречаются часто, поскольку они являются живым доказательством эффективности наступательных операций союзников. Операторы снимали бесконечные колонны пленных, идущих вперед, или группы заключенных в тюрьмах в длинных кадрах с хорошей глубиной резкости. В последнем случае часто можно увидеть, как пленные едят или за ними ухаживают, потому что это должно было доказать, что, вопреки утверждениям немецкой пропаганды, французская армия обращалась с ними хорошо³⁹⁷.

Все это создавало у зрителя ощущение, что военные действия идут для французов успешно, а сцены с беженцами и съемка разрушенных деревень вызывали чувство ненависти к врагу. Сражения под Верденом и наступление союзников на Сомме освещались слабо, хотя в конце лета 1916 г. был выпущен документальный фильм «Французское наступление на Сомме». Камеры находились далеко позади атакующих войск, поэтому на экране зритель мог лишь увидеть крошечные фигурки вдалеке. Кинохроника не останавливалась на потерях французов по очевидным причинам, и, учитывая, что это была позиционная война, в ней присутствовало мало сцен с солдатами в окопах. Возможно, власти считали, что данные кадры повлияют на моральное состояние тыла.

В кинохронике было мало упоминаний о союзниках Франции, кроме британцев. Зрителям демонстрировалось прибытие британских экспедиционных сил и некоторые кадры совместных наступлений, но в

³⁹⁶ Sorlin P. French Newsreels of the First World War // *Historical Journal of Film, Radio and Television*. 2004. Vol. 24. P. 507-515.

³⁹⁷ Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Op. cit. P. 705.

основном война была показана как франко-германская борьба. События на других фронтах освещались очень слабо, несмотря на то, что съемочные группы были и в других странах. Неудивительно, что не было никаких упоминаний о русской революции 1917 г. и о заключенном мирном договоре между большевиками и немцами, а также о мятеже во французской армии. Генерал Ф. Петэн стал чаще появляться в кинохронике после весны 1917 г., и в ней было несколько больше внимания уделено жизни солдат на фронте и в тылу. Вероятно, это была попытка приуменьшить слухи об ужасах окопов. Прибытие первых американских войск во Францию было встречено с энтузиазмом, но примерно с 1916 г. все меньше сюжетов кинохроники касалось войны. Вместо этого она часто фокусировалась на гламурных, сенсационных или драматических аспектах гражданской жизни, поскольку население становилось все более подавленным из-за кажущейся бесконечной борьбы³⁹⁸.

К 1915 г. французская киноиндустрия смогла восстановить своё производство. Кинокомпании выпустили ряд патриотических фильмов: например, «Границы сердца» (1915) компании First National, основанный на одноименном романе В. Маргерита, и «Дом у парома» (1916). Хотя эти фильмы были популярны, зрители не нуждались в напоминаниях о великой борьбе и обращались к кино, чтобы отвлечься от реалий повседневной жизни: дефицита, постоянного беспокойства о близких и т. д.³⁹⁹.

Когда война вступила в свою завершающую фазу, когда стали известны реальные потери, появился первый антивоенный фильм «Я обвиняю», снятый бывшим военным кинематографистом А. Гансом. На него сильно повлиял роман А. Барбюса «Огонь» (1916), в котором рассказывалось об ужасающих страданиях рядового солдата на Западном фронте. А. Ганс заручился поддержкой компании Pathé для создания фильма, и, что довольно удивительно, армия оказала значительную помощь. Первоначально

³⁹⁸ Sorlin P. Op. cit. P. 508-509.

³⁹⁹ Paris M. Op. cit.

кинолента длилась более трех часов, но Гансу пришлось сократить почти половину отснятого материала, что неизбежно сделало фильм непонятным для зрителей. Реакция критиков была неоднозначной, и если одни считали Ганса гением, то другие полагали, что «Я обвиняю» было в лучшем случае неудачной попыткой передать истинную природу войны в новой форме⁴⁰⁰.

И все же, какими бы мрачными или тревожными ни были кадры военного времени, кинематограф являлся одним из эффективных средств пропаганды, ведь на экране война была показана как героическая попытка дать отпор захватчику, вернуть утраченные территории и сохранить национальную честь. Какой бы ни была человеческая или материальная цена, а она была явно велика, не было ни тени сомнения в том, что участие Франции в войне было оправданным и необходимым. Таким образом, кинохроника и документальные фильмы побуждали мужчин идти на войну и поддерживали солдат на фронте даже в самые мрачные дни.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что к 1914 г. во Франции уже существовал большой арсенал средств, с помощью которых пропаганда могла решить поставленные перед ней задачи, достичь желаемого воздействия на население своей страны и зарубежных государств, на солдат и, конечно, на противника. Французская пропаганда использовала в своем арсенале весь спектр средств массовой информации. Война позволила по-новому взглянуть на кинематограф как новое средство пропаганды. Но бумага по-прежнему оставалась основным носителем пропагандистских дискурсов: печатная пресса, книги, открытки, плакаты и иллюстрированные журналы – сделали войну своей излюбленной темой как по патриотическим, так и по коммерческим причинам. Иллюстрированные почтовые открытки, журналы, фотографии, карикатуры Великой войны стали свидетельством разрушения немецкой армией культурного, религиозного наследия Франции. Ее пропагандисты часто обращались к данным сюжетам как доказательству

⁴⁰⁰ Ibid.

варварства Германии и таким образом способствовали формированию негативного образа противника.

3.2. Визуализация образов в материалах пропаганды

Первостепенной задачей всех пропагандистских организаций и структур – государственных и частных – в начальный период военных действий было объяснение причин участия Франции в конфликте, оправдание необходимости жертв и лишений со стороны гражданского населения. Эта задача отвечала потребности в самоидентификации, в данном случае – через создание образа «другого», образа «врага». Для того чтобы образ «врага», созданный средствами массовой информации, нашел путь к сердцу читателя или зрителя, необходимо было, чтобы он опирался на некие стереотипы, глубоко укорененные образы и представления.

Французская пропаганда изображала немцев властными, жестокими, гордыми, невоспитанными, грубыми в общении, не ценящими искусство, любителями выпить и поесть и т.д. Они представлялись как люди, которые предпочитали во всем монументальное, массивное и поэтому неуклюжее. Стереотипное французское слово для выражения этой неуклюжести – «grossierete». И эта «грубость, жестокость» являлась для французской пропаганды ядром немецкой сущности.

На наш взгляд, литература и ряд сатирических журналов способствовали формированию во французском общественном мнении негативного отношения к немцам. Их материалы послужили логической предпосылкой для визуализации образа немца как врага, который был использован французской пропагандой против Германии. Французская литература содержала специфические описания типов немцев. Во многих случаях эти описания были даже не оригинальными творениями французов, а, скорее, заимствованиями из немецких юмористических журналов, таких как *Fliegenden Blättern*, *Meggendorfer Blättern*, *Lustigen Blättern*, *Jugend* и, в первую очередь, из *Simplizissimus*.

Наиболее распространенными немецкими образами во французской пропаганде являлись представители милитаризма (офицеры, солдаты), интеллигенции (профессора и студенты), туристы и немецкая женщина. Также отдельные известные личности становились целью для пропагандистов.

Одним из ярких образов, созданных французской пропагандой, был саркастический образ немецкого офицера: «Офицеры очень гордятся собой. Хилые же или в образе Геракла, все как на подбор имеют один и тот же надменный, презрительный взгляд, который подчеркивает монокль; их шаг лишен элегантности, движения резки. Большинство злоупотребляют алкогольными напитками, становясь злыми и бесцеремонными по отношению к окружающим. Их манере общения присущ оттенок командного тона, который сохраняет всю военную строгость. Жестокие, осознающие свое «превосходство», эти гордые офицеры сеют ужас на своем пути. Не они ли являются хозяевами времени? Ими правит одно лишь самомнение; они не принимают никакой критики и не считают гражданских достойными внимания. Они отвергают всякую сентиментальность, веря, что должны вселять страх и уважение»⁴⁰¹. Монокль, высокий воротник, строгий взгляд являлись характерными атрибутами немецкого офицера (См.: приложение 13). Стоит отметить, что карикатуры на офицеров в материалах французской пропаганды не отличались частотностью. В начале войны таких изображений было мало, так как предпосылкой для эффективной пропаганды являлась определенная популярность офицера, более характерная для Германии, нежели для Франции: «Задумайтесь, например, только о Гинденбурге! В Германии битва при Танненберге одним махом сделала его одной из самых известных личностей, но во Франции, где поражение русских всячески скрывалось от общественности, прошло гораздо больше времени, прежде чем Гинденбург стал общеизвестным и превратился в эффективную мишень для

⁴⁰¹ Fouad G. L'Allemagne historique, intellectuelle, morale. Paris, 1916. P. 77.

карикатуристов»⁴⁰². В поздние годы войны объектом карикатуры часто становились генералы Гинденбург и Людендорф, их образы стали воплощением жестокости как основной черты характера лидеров немецкой армии (см., например, карикатуры в L'Album Zislin).

Французские пропагандисты высмеивали и немецкого солдата. В большинстве случаев его изображали с большим шлемом «пикельхаубе» и особенно неуклюжими, громоздкими сапогами. Доходящая до лодыжек шинель, вздернутый к небу нос, глуповатое выражение лица придавали ему поистине комичный вид, о чем свидетельствует, например, рисунок, взятый из газеты *Le Matin* «Кровавый Тартюф. Тот, кто железом, огнем и бомбардировкой Лувена хочет навязать миру то, что он называет немецкой “Культурой”» (См.: приложение 14)⁴⁰³.

Следует отметить, что французская пропаганда уделяла внимание и полицейским. Например, в книге Анси, предназначенной для детей и изданной за несколько месяцев до начала войны, был изображен жандарм, шагавший по ярмарочной площади с высоко поднятой головой. Мальчик незаметно для полицейского прикрепил к кончику его сабли воздушный шарик, что придало жандарму неуклюжий, комичный вид (См.: приложение 15)⁴⁰⁴.

Более важным, с точки зрения пропаганды, являлся образ «профессора» как представителя науки и немецкого образования в целом. Почти в каждой книге, посвященной немецкому характеру и немецким обычаям, упоминался немецкий профессор. «Ученые, профессора, доктора, как правило, староманерны, близоруки, носят черные очки. Своей альпийской одеждой, с конической шляпой и перьями на ней, они отдаленно похожи на обезьян, которых водят по улицам Каира. Самоуверенность, за которой на самом деле нет ничего особенного, часто ставится в укор немецким ученым»⁴⁰⁵. «Его

⁴⁰² Spanner A. Hass- und greuelbilder, eine waffe unserer feinde. 1918. S. 8.

⁴⁰³ *Le Matin*. 1914, 10 septembre. P. 1.

⁴⁰⁴ Hansi. *Mon village...* Op. cit. P. 23.

⁴⁰⁵ Fouad G. Op. cit. P. 71.

размеренный шаг, задумчивость, самоуверенная медлительность, с которой он произносит самые простые банальности, выделяют из толпы, над которой он высоко парит. Не ставьте под сомнение его авторитет: его олимпийский взгляд пригвоздит вас к земле. Это идол. На публике его встречают с любезностью. Быть принятым в его общество – высшая честь. И все же разговор с ним ужасно неприятен, ведь почти всегда он говорит о собственных заслугах, о своих последних работах, об открытиях, которые якобы сделал, в то время как чаще всего он просто присвоил труды иностранных ученых» (См.: приложение 16)⁴⁰⁶.

В журнале *La Baïonnette*⁴⁰⁷ в выпуске от 2 марта 1916 г., посвященном высмеиванию немецкой интеллигенции, есть красочный рисунок, на котором на переднем плане изображен немецкий солдат с типичной каской на голове, железным крестом на рваном плаще, из кармана которого торчит бутылка. Перед ним чемодан с украденными предметами: часами, браслетами, золотым оборудованием и т.п. Позади него – чучело обезьяны, чьи жесты и мимика напоминают его самого. Напротив – небольшая группа профессоров, один из которых протягивает руку солдату. Практически у всех очки, крайне неухоженные бороды, старомодная и безвкусная одежда. Только у двоих из них ухоженные стрижки, современная одежда, но они не чувствуют себя в ней комфортно, о чем свидетельствует их осанка (См.: приложение 17).

Объектом высмеивания для французской пропаганды становилось и студенчество как особая социальная группа. В первую очередь саркастическому изображению подвергались братства немецких студентов, которые были чужды французскому народу. По мнению французов, главной целью этих студенческих объединений являлась организация вечеринок с употреблением большого количества алкоголя. «Моих товарищей из клуба вряд ли интересовала история, фонетика или грамматика старонемецкого, староанглийского или старофранцузского языков. Если меня и интересовали

⁴⁰⁶ Wetterlé E. *L'Allemagne qu'on voyait et celle qu'on ne voyait pas*. Paris, 1915. P. 140.

⁴⁰⁷ *La Baïonnette*. 1916, 02 mars. P. 136.

наши встречи, то только потому, что в них было что-то детское, непристойное, в особенности избыток алкоголя. «Как ты можешь пить столько пива? – однажды я спросил соседа. – Я и одной капли проглотить больше не могу. Ведь твой желудок не больше моего». – «Смотри, – сказал он, – я тебе покажу», – он взял меня с собой, отвел немного в сторону, засунул два пальца в горло и опустошил себя, а затем вернулся и продолжил выпивать».⁴⁰⁸

Студенческие дуэли по типу мензурного фехтования были популярны среди немецкой молодежи, особенно в студенческой среде. Мастера мензура очень гордились своими шрамами. Врачи зашивали раны не очень аккуратно, поэтому на лице оставались видимые шрамы, которые считались неким знаком отличия студента. Следствием этих традиций являлось то, что студенты вообще не приходили на занятия, а приступали к подготовке к экзамену только за три месяца до него, поэтому у них был такой незначительный запас знаний. Французская пропаганда подчеркивала не смелость, а интеллектуальную неразвитость, определенное единообразие поведения немецких студентов, делавших одни и те же скованные движения, говоривших одинаковые скудные комплименты, употреблявших в разговоре одинаковые обороты речи и т.д. (См.: приложение 18)⁴⁰⁹. Также можно найти карикатуры, на которых немецкий студент изображен с фуражкой или в полном облачении мензура.

Еще одной мишенью для пропаганды служили немецкие туристы, путешественники и немцы, проживавшие во Франции. Для того чтобы детально разобраться, как французы представляли себе немецкого туриста, следует изучить труды Анси «Моя деревня» и «История Эльзаса». Непременными атрибутами немецкого туриста являлись зеленая фетровая шляпа с украшением, пенсне или очки, рюкзак, бриджи, шипованная обувь,

⁴⁰⁸ Verrier P. La Haine allemande (contre les Français) Impressions d'Allemagne. Paris, 1915. P. 7.

⁴⁰⁹ Wetterlé E. Op. cit. P. 149-155.

трость или горная палка (альпеншток) (См.: приложение 19)⁴¹⁰. «Когда они приходят в гостиницу, они всегда достают из рюкзака колбасу и бутерброд с маслом. Валяющаяся повсюду бумага обычно указывает на то, что здесь сидели немцы. Время от времени появлялись слухи о немцах, распевających в парке Версаля «Германия, Германия превыше всего»⁴¹¹.

Что касается отношения французов к немцам, проживавшим во Франции, то наглядный пример насмешек демонстрирует рисунок в журнале *La Vaïonnette*⁴¹², изображающий немца, собирающегося зайти в магазин одежды, на двери которого висит табличка «*Maison interdite aux Austro-Boches*» (Вход в дом запрещен австро-бошам). Дама, стоящая рядом, указывает ему на данное предупреждение (См.: приложение 20). По закону военного времени одна часть немцев во Франции находилась в лагерях для заключенных, другая вернулась в Германию при обмене военнопленными. Различные карикатуры и шутки, выпущенные пропагандой, позволяют проследить повторяющуюся сюжетную линию: изображение немцев, негодующих из-за лишения гражданства Франции. Пример этого также приведен в журнале *La Vaïonnette* (См.: приложение 21).⁴¹³

Одним из известных и распространенных образов во Франции являлась немецкая «Гретхен». Французы писали слово «*Grätchen*» через «ä». В различных характеристиках пропаганда выделяла три черты немецкой женщины, в частности: отсутствие элегантности, стремление к материализму, обманчивую добродетель. Ж. Фуад в своем труде давал описание немецкой женщины: «Что касается женщин, то довольно трудно определить, к какому классу они принадлежат. Их наряды, внешний вид и манеры способствуют путанице. Многие баронессы и графини, обвешанные драгоценностями и кружевами, напоминают нам крестьянок в воскресном наряде. Они носят неброские, но пышные платья, причудливые шляпки, украшенные перьями.

⁴¹⁰ Hansi. *L'histoire d'Alsace...* Op. cit. P. 97.

⁴¹¹ Brunel G. *Les Incidents Franco-Allemands de 1871 à 1914*. Paris, 1917. P. 54.

⁴¹² *La Vaïonnette*. 1915, 09 septembre. P. 151.

⁴¹³ *Ibid.* P.155.

Немки стремятся, прежде всего, привлечь к себе внимание, не заботясь об эстетике. Однако в различных классах женского общества встречаются представительницы с правильными чертами лица и красивым цветом кожи. Но в любом случае они всегда неэлегантны. Однако немецкая женщина – хорошая домохозяйка. Она довольствуется заботой о домашнем хозяйстве, из чего следует, что не всегда можно провести точное различие между служанкой и ее хозяйкой. И все же немка считает себя выше всех остальных женщин: англичанку она считает ничтожной, с отсутствием эстетического вкуса, умеющей говорить только о спорте; русская для неё – восточная, которая заботится только о своем внутреннем «я», стремящаяся позаимствовать у американок большую степень свободы во внешности, которые те позволяют себе. Немецкие женщины не скрывают своего восхищения вкусом и элегантностью француженок, духовные и внутренние качества которых отрицают. Они считают их легкомысленными и развратными, проводящими часы досуга в распутстве и пороке»⁴¹⁴.

Французская пропаганда также указывала и на низкие моральные качества немецкой женщины. «Я не советую стыдливим людям гулять по площадям и улицам Гейдельберга ночью и даже вечером, а тем более по окрестным лесам. Гретхен, увы, не всегда скромны. У них ярко выраженный вкус к студентам в цветных фуражках и к военным. Солдаты, бедняги, слишком сильно нуждаются в утешении»⁴¹⁵. Фуад даже приводит статистику, показывающую, что в «целомудренной и священной Германии» происходит больше всего измен в процентном соотношении, а именно: семь измен на каждые 100 браков, в то время как во Франции измены составляют всего лишь 1%»⁴¹⁶.

Пропагандистами особенно подчеркивалось отсутствие у немецких женщин вкуса в моде. *La Vaïonnette* выпустил даже специальный номер, посвященный исключительно «элегантным берлинкам». На обложке журнала

⁴¹⁴ Fouad G. Op. cit. P. 68.

⁴¹⁵ Verrier P. Op. cit. P. 9.

⁴¹⁶ Fouad G. Op. cit. P. 72.

изображена гуляющая женщина, за которой наблюдают стоящие рядом джентльмены. Особый акцент художника сделан на ее одежде: травянисто-зеленый костюм, состоящий из жакета, походящего более на мужской фрак, который украшен двумя рядами пуговиц, и длинной юбки, доходящей до лодыжек. Из-под жакета виден черно-бело-красный жилет в полоску. Все это придает женщине нелепый вид (См.: приложение 22)⁴¹⁷.

На других рисунках немецкая мода адаптирована под немецкую униформу или униформу союзников Германии. Так, на одном из рисунков Морина немецкие женщины в качестве головного убора надевают пикельхауб (остроконечный кожаный шлем, носившийся в XIX и XX вв. военнослужащими русских, германских и английских вооружённых сил, пожарными и полицейскими), солдатские и матросские фуражки (См.: приложение 23)⁴¹⁸. На других пропагандистских изображениях ткань платья расписывалась в качестве узора мелкими шлемами и даже человеческими черепами (См.: приложение 24)⁴¹⁹.

В 1914 г. в Париже вышел комикс под названием «Мода в Германии: Лига против дурного англо-французского вкуса». Немки были изображены в ней вульгарно одетыми, печатающими шаг, как солдаты на марше, а их увешанные медалями мужья – все как один с поджатыми губами и с моноклями. «Коренастые немки попросту делают себя посмешищем, тщетно пытаюсь копировать врожденное изящество стройных француженок. Этим пухлым Гретхен никогда не быть по-настоящему элегантными»⁴²⁰. Это была насмешка над немцами, над их телосложением и отсутствием вкуса и в то же время заявление о превосходстве французов во всем, что касается моды. По мнению авторов комикса, чувство стиля было внутренне присуще французам, и только им.

⁴¹⁷ La Baïonnette. 1915, 12 août.

⁴¹⁸ Ibid. P. 91.

⁴¹⁹ Ibid. P. 90.

⁴²⁰ Radiguet M., Arnac M. Mode in Germany: ligue contre le mauvais goût anglo-français. Paris, 1914. P. 74.

Объектом самой язвительной и беспощадной критики пропагандистов во Франции, а также в странах Антанты стал кайзер Вильгельм II. На наш взгляд, сосредоточение значительной части пропаганды конкретно на фигуре кайзера преследовало вполне определенные цели. В отличие от обвинений абстрактных «немцев» в совершении разного рода преступлений в отношении мирного населения, превращение немецкого императора в один из главных объектов ненависти позволяло привязать картины немецких зверств к конкретному образу, визуализировать его. Возникла устойчивая ассоциативная связь, что в дальнейшем позволяло значительно облегчить труд пропагандистов⁴²¹.

В целом, если анализировать описания характера Вильгельма II, то можно заметить, что в книгах и памфлетах, изданных во время войны, они более фактологичны, чем в газетах. Среди недостатков его характера отмечали самолюбие, гордость и самоуверенность, которые легко приводили к нелепому дилетантизму, а также вере в то, что его императорство было предначертано Богом. Барон Э. Бейенс писал о кайзере: «Его самоуверенность всегда делала для него невыносимым общение с любым человеком, превосходящим его умом или собственным мнением в управлении империей. После двух лет правления он избавился от несомненно неудобной, но все же необходимой опеки человека, которому он был обязан императорской короной»⁴²². Подчеркивалась и вера императора в свой гений: «Он себе льстит, что он художник, архитектор, музыкант. Либо он думает, что его индивидуальность гораздо лучше проявляется в его рисунках, чем в речах и поступках»⁴²³.

В других работах натура последнего Гогенцоллерна изображалась как болезненная и извращенная. Проводились сравнения между Фридрихом Великим и Вильгельмом II в их отношении к власти. В материалах *Le Rire* указывалось на нездоровое состояние последнего: «Вильгельм II – это

⁴²¹ Юдин Н. В. Создание образа врага в пропаганде стран Антанты... Указ. соч. С. 55.

⁴²² Beyens E. L'Empereur Guillaume // *Revue de deux Mondes*. Paris, 1915. Vol. 26. P. 7.

⁴²³ Vac F. Le Dilettantisme de Guillaume II // *La Revue de Paris*. Paris, 1916. Vol. 6. P. 190.

перевозбужденный волюнтарист, диагноз которого, по всей вероятности, следующий: сифилитик третьей степени, начинающий паралитик с депрессивным помешательством и неистовым безумием» (См.: приложение 25)⁴²⁴.

Согласно пропагандистской презентации, хуже характеристики особенностей и причуд кайзера было то, что Вильгельм II представлялся самым главным виновником развязывания мировой войны. Особенно в первые месяцы войны во французской литературе прослеживалась ярко выраженная тенденция возлагать вину за ее начало исключительно на императора и его окружение. Поскольку для ненависти народа необходимы были имя и объект, эта ненависть была сосредоточена на кайзере Вильгельме II и – на втором месте – на его сыне кронпринце или «сообщнике» Франце Иосифе. Отсюда объяснение чрезвычайного количества сатирической продукции и довольно большого числа «биографий», в которых исследуются только физические или моральные недостатки правителей. Тот факт, что в пропаганде вина возлагается на отдельные личности, очень важен, поскольку народу легче ненавидеть конкретного человека, чем неопределенное множество врагов. Вина кайзера Вильгельма II и его советников особенно ярко подчеркивалась в пропагандистских материалах, предназначенных для немецкой армии и простых немцев. Идея, служившая лейтмотивом, заключалась в том, чтобы переложить вину на правящие круги, чтобы немецкий народ представал как невинный, которого ввели в заблуждение хитрость и порочность его правителей. Именно поэтому гнев мира направлен был не против всего немецкого народа, а только против виновных или против главного преступника. Таким образом, немецкий солдат изображался как глупец, сражавшийся только за интересы элиты.

Среди продукции французской фронтовой пропаганды особенно выделяется брошюра «Вильгельм II, император Германии, мы обвиняем

⁴²⁴ Le Rire. 1915, 9 janvier.

тебя!», отличавшаяся резкими высказываниями в адрес кайзера⁴²⁵. Хотя 80-страничный том имел пометку «Союз немецких демократов», тем не менее он являлся продуктом Службы воздушной пропаганды. С точки зрения содержания вся книга представляла собой один большой обвинительный акт в адрес императора. Уже начальные слова содержали обвинение: «Летом 1914 года без всякой причины вы начали ее (войну) гнусным образом; вы бросили все предупреждения на ветер»⁴²⁶. Далее по ходу письма было рассмотрено окружение императора, подготовка плана, объявление войны, цель войны и вина. В конце появлялось обращение автора к немецким солдатам: «Немцы, товарищи и братья! Ваши «враги» не могут и не будут уничтожать Германию, как лжет вам правительство. Но вы сами разрушаете Германию, вы истекаете кровью и умираете от голода, вы растопчете в пыль честь Германии и ее мировое положение, если будете продолжать унижаться до положения рабов кайзера. Проснитесь и действуйте, но быстро, пока не стало слишком поздно!»⁴²⁷.

Существовало и множество карикатур на императора, а сатирические журналы время от времени посвящали ему специальные выпуски. В них он предстал в образе детоубийцы, злой собаки, стервятника, мясника или убийцы с окровавленным оружием. Иногда он изображался вместе с Францем Иосифом, как на рисунке под названием «Убийцы». На нем оба правителя держат в руках по длинному кинжалу, а на заднем плане нарисован герб с германским орлом.

Довольно часто императора изображали в компании со смертью, или же сама смерть принимала черты Вильгельма, особенно его усы, что, в принципе, характерно было для всей карикатуры на императора. Например, в специальном выпуске журнала *La Vaïonnette* под названием «Пляска смерти» император был представлен на нескольких карикатурах. На одной из картин смерть, лежащая на земле, обращалась к залитому кровью императору:

⁴²⁵ Balder S. Wilhelm II. annoch deutscher Kaiser, wir klagen Dich an! 1916.

⁴²⁶ Ibid S.3.

⁴²⁷ Ibid. S. 80.

«Замени меня, я устала» (См.: приложение 26)⁴²⁸. На другом рисунке была изображена убитая женщина – Бельгия, лежавшая на земле, а император обращался к смерти: «Она сопротивлялась мне, я убил ее» (См.: приложение 27)⁴²⁹.

Императора часто клеймили не только как виновника начала войны, но и как личного автора военных злодеяний, таких как убийство сестры милосердия Эдит Кэвелл, поджог в Реймсе и т.п. Так, *Le Matin* пишет: «Сегодня Аттила II, император Германии и более чем когда-либо бич Божий, несет огонь и разрушение городам, промышленности, науке, библиотекам и святыням. Он бомбит Лувен, Мехелен, Реймс. Он превзошел царя гуннов на сто локтей, и, прежде чем подвергнуться гневу народов, он стал объектом всеобщего проклятия. Как и его одиозный собрат, он подошел к воротам Парижа, но кара постигнет и его»⁴³⁰.

Параллельно и в тесной взаимосвязи с созданием образа «врага» в пропаганде стран Антанты формировался и специфический образ войны. В первые месяцы конфликта тон в создании образа войны задавал мотив ее оборонительного, справедливого характера для стран Антанты. Средства массовой информации описывали коварство Германии, вынашивавшей агрессивные замыслы в течение долгих десятилетий, и благородство и миролюбие стран Антанты, которые сделали всё возможное для предотвращения мирового пожара; подробно освещались события Июльского кризиса, особенно мирные инициативы союзников⁴³¹.

Несмотря на утверждения, распространенные в современной западной историографии, об отсутствии во Франции в канун Первой мировой войны сильных реваншистских настроений⁴³², для поколения 1914 г. было

⁴²⁸ La Baïonnette. 1916, 13 avril. P. 226.

⁴²⁹ Ibid. P. 228.

⁴³⁰ Le Matin. 1914, 21 septembre. P. 1.

⁴³¹ Dubois E. *Considérations sur la guerre de 1914-1915*. Paris, 1915. P. 7-9; Hanotaux G. *L'Aisne pendant la grande guerre*. Paris, 1916. P. 5-6; Gauvain A. *Les origines de la guerre européenne*. Paris, 1915. P. 31-79.; *Le Temps*. 1914, 11 août. P. 1; *Ibid.* 1914, 12 août. P. 1; *Le Petit Parisien*. 1914, 04 août. P. 1-2.

⁴³² Becker J.-J. 1914... *Op. cit.* P. 576-578.; Winter J. M., Baggett B. 14-18: *Le grand bouleversement*. Paris, 1997. P. 56.; Mulligan W. *Op. cit.* P. 145-149.

характерно устойчивое представление о существовании сильного и опасного врага на востоке в лице Германской империи. Острое обсуждение в печати и обществе закона о возвращении к трехлетней службе в армии в 1913 г. показало, что именно Германия представлялась современникам наиболее вероятным противником в следующей войне, и эта перспектива не являлась секретом ни для кого во Франции⁴³³. Подтверждением этому служит и та готовность, с которой население Третьей республики встретило начало Первой мировой войны и которая выразилась в установлении широкого национального консенсуса и социального мира уже во время Июльского кризиса. Иными словами, французы не нуждались в дополнительных объяснениях, почему в новой войне их врагами оказались именно немцы, наоборот, для них это был совершенно предсказуемый поворот событий.

Основному вопросу о виновности в войне французскими пропагандистами было уделено достаточно внимания, и это, пожалуй, был самый важный и фундаментальный пункт пропаганды, цель которого заключалась в том, чтобы показать собственному народу, что Франция стояла на стороне справедливости, торжество которой символически было связано с неременной победой Франции в войне.

Вопрос о вине в развязывании конфликта был главной темой фронтовой пропаганды, особенно в первой половине войны, что признавал и один из видных французских пропагандистов Анси; в этом плане показателен и тот факт, что Служба воздушной пропаганды издавала собственный журнал с показательным названием «Кто зажег факел войны?». При этом главной целью пропаганды было стремление показать вражескому солдату, насколько мало было оправдано слепое доверие, которого требовало от него правительство⁴³⁴.

Этот вопрос занимал значимое место и в литературе. Пресса не являлась главным местом его обсуждения, так как трудно было рассмотреть

⁴³³ Юдин Н. В. Полемика во французской печати... Указ. соч. С. 155-167.

⁴³⁴ Hansi, Tonnelat E. Op. cit. P. 44.

такую обширную тему в одной или двух колонках газеты. Поэтому для рассмотрения этого аспекта с пропагандистской точки зрения наибольшее значение имели брошюры. К тому же, по заверениям французских книготорговцев, они пользовались наибольшим спросом у публики. Ведь именно первые появившиеся военные брошюры рассказывали о начале войны и дипломатических переговорах июля и августа 1914 г.

О том, что французское правительство изо всех стремилось переложить вину за развязывание войны на Германию, лучше всего свидетельствует «Желтая книга» – одно из первых крупных пропагандистских произведений французского правительства, созданное во время войны. Обсуждение этого вопроса началось уже в первые недели конфликта и во французской прессе. Конечно, в то время речь не могла идти о длинных заметках, это были очень краткие упоминания, поскольку при дефиците бумаги, царившем во Франции в начале конфликта, военные репортажи занимали почти всё пространство газет. Уже 28 июля 1914 г. *Le Matin* упрекала Австрию: «Разрыв дипломатических отношений Австрией не был мотивирован сербским ответом. Это было заранее обдуманно». И в том же номере газеты говорилось: «Германия не препятствовала австрийскому наступлению. Ибо она не хотела подавлять его. Так она отделилась от остальной Европы». И далее в статье утверждалось: «Если бы завтра австро-сербская война превратилась в европейскую войну, Германия несла бы за нее полную ответственность»⁴³⁵. Насколько далеко зашел антиавстрийский настрой *Le Matin*, показывает карикатура следующего номера с заголовком «*Casus belli*». На ней изображен сербский солдат, сраженный австрийцем: «Но я принял все!» Австриец отвечает: «Да, но ты не смирился с этим» (См.: приложение 28)⁴³⁶.

На наш взгляд, особенно благоприятное поле деятельности для французской пропаганды было обусловлено тем, что именно Германия

⁴³⁵ *Le Matin*. 1914, 28 juillet. P. 1.

⁴³⁶ *Le Matin*. 1914, 30 juillet. P. 1.

объявила войну России и Франции. В первые дни августа французская пресса почти ничего не говорила о причине, которая заставила Германию объявить войну, а именно о русской мобилизации. Поэтому очевидно, что объявление войны Германией должно было выглядеть как выражение ее стремления к нападению и завоеванию.

Письма иностранцев также внесли существенный вклад в убеждение французского народа в том, что именно Германия развязала мировой конфликт. Естественно, французские цензоры разрешали только те произведения, которые были направлены против Германии и Австрии. Прежде всего, это были материалы Р. Греллинга «Я обвиняю» и «Преступление», а также труды бывшего немецкого посланника в Англии К. М. Лихновского. Книга «Я обвиняю», в частности, имела огромное значение для французской, да и для всей союзнической пропаганды. Вскоре после публикации данный труд был переведен на многие языки мира. Анси посчитал ее настолько важной, что приказал выпустить немецкое издание в уменьшенном формате и сбросить самолетами над немецкими линиями.

В контексте объяснения причин войны французская пропаганда иногда ссылалась на немецкую трактовку о начале войны и с самых первых дней делала попытки выставить ее в свете преднамеренного обмана. Французы стремились, прежде всего, бросить тень подозрения на немецкую «Белую книгу», целью которой было очистить Германию от подозрений: «С поспешностью, которая, по-видимому, объясняется только собственным желанием всех преступников опередить очень страшные обвинения, немецкое правительство с начала августа 1914 г. предприняло попытку оправдать себя (подразумевается, Белая книга)»⁴³⁷.

Более того, «врага», «другого», всегда обвиняют в отсутствии уважения к договорам. Так, в 1914 г. французы заявили, что немцы нарушили соглашение 1839 г., которое предусматривало нейтралитет Бельгии. С точки зрения французов, договоры всегда были для немцев лишь «клочком

⁴³⁷ Guirand F. Les livres diplomatiques des Nations belligérantes. Paris, 1915. P. 51.

бумаги»⁴³⁸. Париж испытал «облегчение», когда Германия вступила в Бельгию в августе 1914 г. Это позволило французскому правительству легко оправдать вступление в войну перед своим населением, так как, в конце концов, именно Германия спровоцировала эту войну⁴³⁹.

Немецкий ультиматум Бельгии от 2 августа 1914 г. был немедленно поднят французской прессой, которая подвергла критике, в частности, фразу о том, что Германия получила известие о предполагаемом французском вторжении в Бельгию: «Оборонительные меры, предпринимаемые немецкой армией на территории соседних государств, вызывали бы смех, если бы дни не были столь трагичными»⁴⁴⁰.

Следует отметить, что ни один дипломатический документ не появлялся в таком количестве фотографических репродукций, как протокол 1839 г. с подписями глав отдельных государств. Во всей Франции едва ли найдется журнал, газета, ревью или военный альбом, который не содержал бы репродукции «Клочка бумаги». Постоянно упоминалось о том, как варвары, подобно штормовому приливу, прокатились через нейтральную Бельгию к Парижу. К примеру, в L'Humanité от 26 декабря 1914 г. на первой странице приведено воспроизведение печатей и подписей под договором. В прилагаемой статье слова «Бельгия... является независимым и вечно нейтральным государством» особенно выделены⁴⁴¹. Выражение «Клочок бумаги» стало крылатым во французской пропаганде (См.: приложение 29). Оно восходит к разговору, который вел английский посол в Берлине Э. Гошен с рейхсканцлером Бетман-Гольвегом 4 августа 1914 г. Из доклада Гошена к Грею стало известно, что у него состоялся примерно двадцатиминутный разговор с рейхсканцлером, который был очень взволнован. Канцлер сказал, что для Англии недопустимо вступать в войну из-за клочка бумаги, цепляясь за слово «нейтралитет»⁴⁴².

⁴³⁸ Morelli A. Op. cit. P. 18.

⁴³⁹ Ibid. P. 19.

⁴⁴⁰ Le Matin. 1914, 04 août. P. 1.

⁴⁴¹ L'Humanité. 1914, 26 décembre. P. 1.

⁴⁴² Huber G. Op. cit. P. 167.

В Версальском договоре, навязанном Германии в 1919 г. после ее капитуляции, в статье 231 прямо говорится, что Германия принимает на себя единоличную вину за войну: «Союзные и Объединившиеся Правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися Правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников»⁴⁴³.

Одними из важнейших сюжетов французской пропаганды являлись очернение немецких солдат и клевета в отношении них. Пропаганда сделала все возможное, чтобы представить в негативном свете немецкий способ ведения боя, действия немцев на оккупированной территории, особенно в Бельгии и Северной Франции, их поведение по отношению к гражданскому населению, обращение с пленными, чтобы обвинить их в нарушении международного права и гуманности и т.д. Журналисты, ученые, государственные деятели и художники – все участвовали в формировании негативного отношения к немцам, и именно благодаря их усилиям пропаганда зверств немецких военных стала чрезвычайно эффективным оружием в руках союзников и активно использовалась с разными целями: призвать к сопротивлению или к ненависти к Германии, вызвать жалость других стран к Франции как к пострадавшей стороне военного конфликта, создать Германии репутацию страны-изгоя и др.

Важность пропаганды немецких преступлений была правильно осознана французской стороной еще в самые первые дни войны. Так, уже в начале августа газеты регулярно сообщали о зверствах, совершаемых немцами, и вряд ли можно считать, что это было лишь случайностью. Следует сделать вывод, что уже с начала войны существовала определенная пропагандистская система. В доказательство этому приведем краткое перечисление зверств, для которых крупная парижская газета *Le Journal* все

⁴⁴³ Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. Версальский мирный договор / Полн. пер. с франц. под ред. Ю.В.Ключникова и А.Сабанина. М., 1925. С. 84.

же нашла необходимое место, несмотря на большой дефицит бумаги в первые дни войны. Le Journal от 3 августа 1914 г.: «Нарушение границы Германии без предварительного объявления войны»⁴⁴⁴; от 4 августа: «Они расстреляли г-на Самена, бывшего президента организации «Французская память»! (сообщение французского Военного министерства)»; от 6 августа: «Факты войны: немецкие патрули приступили к всеобщим казням...»; от 7 августа: «На границе: немцы убивают детей в возрасте 15 лет»; от 8 августа: «Организованное воровство в стране варваров»; от 9 августа: «Их претензии к нашему послу»; от 10 августа: «Проклятое свидетельство. Как немецкие офицеры убивают безоружных людей»; от 11 августа: «Армия убийц».

О том, насколько французское правительство стремилось поддерживать и укреплять веру в немецкие преступления, лучше всего свидетельствуют официальные расследования, которые порой имели театральную подачу. Следует отметить, что не все изображения зверств были придуманы. Но их подача и способ представления, например, когда опускались такие важные причины расстрела мирных жителей, как участие в сражении, показывают их пропагандистскую цель.

Первый официальный шаг на пути к публичной огласке материалов о немецких зверствах и их пропагандистскому использованию сделало французское правительство, которое создало Комиссию по расследованию действий, совершенных противником по нарушению международного права. Довольно подробный отчет объемом около 40 печатных страниц был представлен Председателю правительства 17 декабря 1914 г. Доклад был опубликован 8 января 1915 г. в «Официальном вестнике Французской Республики»⁴⁴⁵. С тех пор появилась целая серия различных публикаций, среди которых официальный отчет являлся наиболее важным. Он также был известен как «Красная книга немецких зверств»⁴⁴⁶. К официальному изданию

⁴⁴⁴ Le Journal. 1914, 03 août. P. 1; ibid, 1914, 04 août. P. 1; ibid, 1914, 06 août. P. 1; ibid, 1914, 07 août. P. 1; ibid, 1914, 08 août. P. 2; ibid, 1914, 09 août. P. 1; ibid, 1914, 10 août. P. 1; ibid, 1914, 11 août. P. 2.

⁴⁴⁵ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit.

⁴⁴⁶ Le livre rouge. Op. cit.

прилагался 471 протокол расследования, а также фотодокументы (в основном виды разрушенных деревень и домов), большая часть которых исключена в других изданиях. Еще один отчет был представлен 8 марта 1915 г.; он состоял из 112 протоколов без фотографий. Второй отчет, как и последующие, не получил такого широкого распространения, как первый. Третий и четвертый отчеты были представлены правительству 1 и 6 мая 1915 г. соответственно. Они сопровождались многочисленными фотодокументами. 8 декабря 1915 г. был представлен пятый доклад с 274 протоколами и множеством фотографий. Четыре последующих отчета были сокращены, чтобы их можно было опубликовать в одном томе. Они были представлены 8 октября 1916 г., 6 февраля 1917 г., 12 апреля 1917 г. и 24 мая 1917 г.

У других союзных стран – Бельгии и Англии – также имелись свои комиссии по расследованию. Материалы, подготовленные английской стороной, выходили на французском языке⁴⁴⁷. Но для пропаганды во Франции важнее были официальные бельгийские отчеты, поскольку они были напечатаны издательством Berger-Levrault в Париже после оккупации Бельгии немецкими войсками и часто цитировались в других французских пропагандистских работах. Официальная комиссия правительства Бельгии подготовила 22 доклада, которые вышли в двух томах⁴⁴⁸.

Описанием злодеяний немцев, помимо официальной пропаганды, занималась и пресса. При этом акцент делался не на газетах, а на небольших брошюрах, иллюстрированных и юмористических журналах, рисунках, фотографиях и открытках. Поскольку основная функция газеты заключалась в том, чтобы сообщать о злодеяниях, то она не могла постоянно публиковать длинные репортажи. В этом плане брошюра давала более подробные и яркие описания, в силу чего была намного эффективнее как средство пропаганды. Периодика описывала немецкие преступления в целом и в отдельных странах

⁴⁴⁷ Rapport de la Commission d'enquête sur les atrocités Allemandes. Op. cit.

⁴⁴⁸ Rapports sur la violation du droit des gens en Belgique. Op. cit.

(в первую очередь и по большей части – в Бельгии, во Франции) и регионах (в Эльзас-Лотарингии, на море и в колониях).

Формы подачи пропагандистского материала в периодике были различными:

1. Документальная форма – информация основывалась на фактическом подтверждении зверств посредством фотокопий листов из дневников, якобы написанных немецкими солдатами, фотографий расстрелянных гражданских лиц, незаконного оружия или разрушенных домов и городов. Эта форма подачи информации в большей степени была характерна для официальной пропаганды.

2. Репортаж – информация о немецких злодеяниях подавалась оперативно, с необходимыми подробностями, в яркой форме, при этом рассказчик утверждал, что был очевидцем событий. Степень эффективности такой формы подачи материала была меньше, чем у документальной формы, в силу отсутствия доказательной базы.

3. Третья форма рассматривала немецкие преступления более абстрактно, не беря за основу конкретный случай. Здесь воображению предоставлялось свобода действий. То, что перо автора не в состоянии было воспроизвести словесно, перо карикатурищика и художника переносило на бумагу.

Достижения Франции в области изображения злодеяний немцев, безусловно, превосходят всё, что было создано в странах Антанты. Такие выдающиеся художники, как А. Виллетт, Ф. Пульбо, Ш. Леандр, Т.-А. Стейнлен и Анси, поставили свое искусство на службу делу пропаганды. Для этой цели в основном использовались юмористические журналы, особенно следует отметить *Le Rire*. Однако к концу 1915 г. пропаганда в этом направлении пошла на спад, а в 1916 г. почти полностью исчезла. В 1917–18 гг. она снова стала более заметной. Причина спада, во-первых, заключалась в том, что материалы, описывавшие немецкие зверства, постепенно утратили доверие. Пропаганда, которая работает только с использованием сильных

средств и является слишком сенсационной, со временем теряет свою силу воздействия на читателей. Во-вторых, все возможности обвинить немцев в новых преступлениях были исчерпаны, и поэтому пропагандистам приходилось снова повторяться в обрисовке сюжетов. Помимо этого, французская пропаганда немецких зверств не могла считаться оригинальной. Большинство из упомянутых злодеяний в определенной степени встречались и ранее. Сюжет об отрубании рук детям, например, уже играл важную роль в описании преступлений в Конго, что подтверждает пресса того времени (особенно английская).

Среди первых проступков, в которых французы обвинили немецкие войска, были многочисленные нарушения границы, о которых упоминалось во французской прессе в августовские дни. Так, *Le Journal* сообщал: «Германия только что вероломно напала на нас с четырех направлений, не находясь в состоянии войны с нами, поскольку она воздержалась от ее объявления»⁴⁴⁹. В этом же номере газета приводит несколько таких аргументов нарушений границы.

Еще одним из популярных сюжетов, который использовала французская пропаганда, стало поведение немцев в бою, которое отличалось трусостью, стремлением спасти свои жизни. Например, на рисунке в журнале *La Baïonnette* показан безоружный немецкий солдат с поднятыми руками, в то время как другой, прикрываясь им, держит винтовку наготове (См.: приложение 30)⁴⁵⁰.

Однако это были относительно безобидные изображения, учитывая, что немцев также обвиняли в использовании женщин, стариков и детей в качестве живого щита. В газете *Le Matin* есть очень типичный рисунок А. Виллетта, на котором изображены несколько вражеских солдат с белым

⁴⁴⁹ *Le Journal*. 1914, 03 août. P. 1.

⁴⁵⁰ *La Baïonnette*. 1915, 04 octobre. P. 275.

флагом, прикрывающиеся стариком и полураздетой женщиной, в полном отчаянии обнимающей руками своего ребенка (См.: приложение 31)⁴⁵¹.

Важным в пропаганде зверств являлось описание использования запрещенного оружия. Так, в *Le Matin* есть небольшая статья: «Вы видели толстый силуэт этого померанского верзилы, который хочет навязать миру «немецкую культуру» (*imposer la «culture allemande»* – выражение, часто использовалось пропагандой). Посмотрим же, каким оружием он хочет одержать победу над своими врагами... эта штыковая сабля снабжена зазубринами. И это не жестокая фантазия какого-то одного варварского солдата, который сам создал это оружие, достойное малайского или индийского тоба. Нет, ведь множество других подобных сабель было разбросано по земле. Кроме того, вы легко можете убедиться в том, что они механически обработаны и что эта жестокость исходит от официальных властей» (См.: приложение 32)⁴⁵².

Новости о том, что немцы использовали пули «дум-дум», стали чаще появляться во французской прессе и в военной литературе. В третьем томе официального отчета запрещенным снарядам был посвящен целый раздел⁴⁵³. «Немцы используют запрещенные пули как для винтовок, так и для револьверов. Патроны для винтовки часто перевернуты в гильзе. Часто кончик пули также срезается, сплющивается или снабжается полым наконечником, как в патронах для самозарядного пистолета «Парабеллум». Другие пули имеют четырехстороннюю продольную прорезь, так что пуля, проникающая в тело, наносит серьезные увечья. Для доказательства того, что немцы действительно использовали такие снаряды в бою, приводятся различные свидетельства и фотографии, на которых видны раны, нанесенные запрещенными снарядами» (См.: приложение 33)⁴⁵⁴. На фотографии, приложенной к третьему тому официального отчета, изображено несколько

⁴⁵¹ *Le Matin*. 1914, 28 septembre. P. 1.

⁴⁵² *Le Matin*. 1914, 12 septembre. P. 1.

⁴⁵³ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 3. P. 9.

⁴⁵⁴ *Le Matin*. 1914, 05 octobre. P. 1.

ранений рук и кистей, предположительно полученных от этих пуль (См.: приложение 34).

Французская пропаганда также обвиняла немцев в использовании отравляющих газов. Четвертый том официального отчета был посвящен исключительно данному аспекту⁴⁵⁵. Согласно материалам пропаганды, немцы впервые применили смертельные газы 22 апреля 1915 г. Многие французы погибли, а те, кто успел вовремя скрыться, спаслись. Это нарушение закона со стороны Германии не получило широкой огласки, как можно было бы ожидать. В газетах писали об этом мало. Следует предположить, что причина этого вполне могла заключаться в том, чтобы не сеять панику среди французского населения, так как было известно, что применение отравляющих веществ способно унести большое количество жизней. Также французы сами использовали газ как средство массового поражения живой силы противника, так что пропагандистская оценка факту применения газа немцами была значительно ослаблена по своей значимости и эффекту.

Способы ведения войны на море и в воздухе также являлся важным сюжетом для французской пропаганды, выставившей немцев жестокими и нарушающими международное право, тем более что союзники не могли противостоять их подводным лодкам и цеппелинам. Правда, в английской пропаганде данному сюжету было уделено большее внимание, поскольку торговая война была направлена в первую очередь против Великобритании. Тем не менее французская пропаганда не бездействовала в этой области. Французы даже опубликовали собственный отчет о «нарушениях противником международных конвенций на море»⁴⁵⁶. Этот отчет, датированный 6 февраля 1917 г., был посвящен только французским торговым судам, потопленным подводными лодками.

⁴⁵⁵ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 4.

⁴⁵⁶ Ibid. Vol. 7. P. 9-14.

В первые дни войны пресса высмеивала немецкие субмарины. Под заголовком «Германия блефует со своими подводными лодками» газета *Le Petit Parisien*, перечисляя совершенные незаконные действия немцев на море, отмечала, что они не смогли сделать ничего эффективного из-за своей малочисленности. Как утверждалось, количество оставшихся подводных лодок составляло всего пятнадцать-двадцать единиц. «Их едва ли хватит, чтобы постоянно держать одну подводную лодку в Ла-Манше, а другую – в Ирландском море»⁴⁵⁷.

Как только становились заметны первые последствия подводной войны, вновь и вновь подчеркивалась противоречащая международному праву позиция Германии. Тот факт, что экипаж и пассажиры судов зачастую полностью погибали, представлялся как особенно отвратительный и противоречащий законам человечности момент: «Особую ненависть к таким мерам вызывает то, что немцы, за двумя-тремя исключениями, пренебрегая самыми элементарными обязанностями человечества и самыми неоспоримыми нормами международного права, никогда не заботились о том, чтобы обеспечить спасение экипажа и пассажиров»⁴⁵⁸. Случаем, на который чаще всего ссылались пропагандисты союзников, стало потопление лайнера «Лузитания» в результате торпедирования. Наиболее эффективным с точки зрения информационной войны являлся тот факт, что в результате потопления судна погибли многие граждане нейтральных стран, особенно американцы. 8 мая 1915 г. эта новость появилась во французской прессе. Особенно подробно описывалось возмущение, которое царило в Соединенных Штатах. Потопление «Лузитании» немецкой подводной лодкой, которое обернулось гибелью 1 198 человек, в том числе женщин и детей, вызвало шквал гневных статей⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ *Le Petit Parisien*. 1915, 08 février. P. 1-4.

⁴⁵⁸ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 6-9. P. 9.

⁴⁵⁹ *Le Temps*. 1915, 09 mai. P. 1; *Le Figaro*. 1915, 08 mai P. 1; *Ibid.* 1915, 09 mai. P. 1; *Ibid.* 1915, 10 mai. P. 1; *Ibid.* 1915, 11 mai. P. 1; *Ibid.* 1915. 13 mai. P. 1; *Le Petit Parisien*. 1915, 09 mai. P. 1.

Французская пропаганда часто подчеркивала нечестный, трусливый и коварный характер этой подводной войны, как выразилось правительство в связи с торпедированием корабля «Адмирал Гото» 15 января 1915 г. Подводная лодка потопила корабль: «1. Не осмелившись показать свой флаг. 2. Потопила торговое судно, на котором находились женщины, дети и старики. 3. Без какой-либо военной, стратегической необходимости»⁴⁶⁰.

Подводную войну часто сравнивали с разбоем пиратов. 22 июня 1916 г. *La Baïonnette* посвятил специальный номер немецким подводным лодкам под названием «Пираты»⁴⁶¹. На рисунке была изображена подводная лодка, с которой столкнулась акула. Подводная лодка говорит ей: «Добрый день, дорогой брат!», в то время как акула сердито отвечает: «Наглец!» (См.: приложение 35).

Другие изображения одновременно взывали к жалости и чувству справедливости у зрителя, как, например, «Морские могильщики». Мать, судорожно держащая своего ребенка, прилагает все усилия, чтобы удержаться на плаву и спастись от смерти. На мостике соседней подводной лодки стоит капитан с холодным выражением лица, который даже не предпринимает попыток их спасти (См.: Приложение 36)⁴⁶². На другом рисунке изображена маленькая девочка, которая плывет к подводной лодке с помощью спасательного круга «Лузитания». Немецкий моряк стреляет в неё из револьвера, говоря: «Ах! Как будут гордиться моя жена и дочь, когда узнают о моем новом подвиге!» (См.: приложение 37)⁴⁶³. На другом рисунке изображен французский крейсер, стреляющий по подлодке. Немецкий капитан говорит: «Французский крейсер? О, тысяча извинений! Мы приняли вас за нейтральный транспортный корабль!» (См.: приложение 38)⁴⁶⁴.

Способы ведения воздушной войны немцами тоже находились под пристальным вниманием французской пропаганды, особенно в первые дни

⁴⁶⁰ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 6-9. P. 11.

⁴⁶¹ *La Baïonnette*. 1916, 22 juin.

⁴⁶² Ibid. P. 392-393.

⁴⁶³ Ibid. P. 397.

⁴⁶⁴ Ibid. P. 396.

конфликта, когда союзники в отличие от Германии были неспособны бомбить вражеские города. В начале военных действий значение цеппелинов принижалось, и пресса даже сомневалась в возможности их полета до Парижа. Газета *Le Journal* считала, что дирижабль может преодолеть без остановок только 550 км. Кроме того, он мог подняться только на высоту 1 200 метров⁴⁶⁵. После бомбардировок Парижа и Лондона пропаганда заняла иную позицию. Ее новым методом стало не умаление возможностей дирижаблей, так как это стало неактуальным, а очернение и указание на то, что использование этого оружия было позорным и бесчестным. Особое внимание было уделено бомбардировке городов и убийствам мирных жителей. *La Vaïonnette* в одном из номеров поместил изображение, на котором только что приземлившийся немецкий летчик докладывал о выполнении задания своему полковнику. Полковник спрашивал: «Сколько детей сегодня?» – «Семь, полковник!» – «И только?» (См.: приложение 39)⁴⁶⁶. Подобные изображения, «шутки» и репортажи довольно часто можно было встретить в газетах и развлекательных журналах. Однако стоит отметить, что с того момента, как союзникам удалось долететь до Рейна и разбомбить немецкие города, такого рода пропаганда становилась все более скудной и почти прекратилась в конце войны.

Также французская пропаганда обвиняла немецких солдат в противоправном отношении к врачам и медсестрам, раненым и убитым. Уже в первые дни войны в прессе появились сообщения о том, что немецкие солдаты добивали раненых. *Le Journal* воспроизвел отчет начальника гарнизона города Мезьер, в котором сообщалось, что он «посетил раненых в городской больнице и один из солдат рассказал ему, что был оставлен раненым на поле боя при отступлении. Ему пришлось наблюдать, как

⁴⁶⁵ *Le Journal*. 1914, 03 août. P. 1.

⁴⁶⁶ *La Vaïonnette*. 1915, 23 janvier.

немецкий кавалерист убил раненого солдата, выстрелив в него несколько раз из револьвера»⁴⁶⁷.

Во многих газетных публикациях утверждалось, что немецкие офицеры отдавали прямой приказ добивать раненых, что эти зверства были частью метода немецкой войны. Французский журналист Г. Тери писал: «Раненый солдат сказал мне: “Застигнутая врасплох немецкими уланами рота была разделена ими на три-четыре части. Моя, состоящая примерно из сорока человек, была атакована несколькими эскадрами. Мы все были тяжело ранены. Затем немцы сделали разворот, и я отчетливо слышал, как офицеры отдали приказ полностью уничтожить нас. Признаюсь вам, что в тот момент я предпочел бы не понимать их язык... Я ждал выстрела. Но меня ударили прикладом карабина, и я потерял сознание, что спасло мне жизнь”»⁴⁶⁸.

В своей брошюре Ж. Бедье даже воспроизвел формулировку предполагаемого немецкого приказа: «С сегодняшнего дня пленных не брать. Всех раненых и живых военнопленных убить. Пусть ни один враг не останется в живых позади нас»⁴⁶⁹.

Когда речь заходила о лечении французских раненых в немецких военных госпиталях, то пропаганда призывала весь цивилизационный мир встать против Германии. Против немецкой медицины были направлены многие рисунки и карикатуры: «Когда несчастного бойца подобрали наши и отвели в военный госпиталь, у него был сильнейший ожог и ему необходима была срочная ампутация ноги. Французский хирург готовился начать операцию, когда во двор вошел вражеский взвод, в котором находился немецкий медик. Он оттолкнул медсестер от подушки раненого, а заодно и самого хирурга, которому доходчиво объяснил, что расстреляет его. Немец

⁴⁶⁷ Le Journal. 1914, 13 août. P. 1.

⁴⁶⁸ Le Journal. 1914, 20 octobre. P. 1.

⁴⁶⁹ Bédier J. Les Crimes allemands d'après des témoignages allemands. Paris, 1915. P. 29.

не подпускал его к постели раненого до тех пор, пока тот не умер из-за отсутствия необходимого ухода. Это и был желаемый результат»⁴⁷⁰.

Кроме того, существует множество фотографий, изображавших немецкого санитаря или медсестру, с садистским выражением выливающих воду из стакана перед французским раненым, умирающим от жажды. Есть также обвинение в том, что немцы намеренно оставляли павших французов на произвол судьбы и не хоронили трупы. Однако стоит отметить, что данное обвинение встречается нечасто, так что вряд ли здесь можно говорить о системной пропаганде.

Также французы подчеркивали неблагодарность немецких солдат по отношению к вражескому медперсоналу. La Baïonnette разместил рисунок, на котором был изображен раненый немецкий солдат, стрелявший из револьвера во французского медика, который отвернулся от него к другому раненому⁴⁷¹. Наиболее известным случаем, распространенным пропагандой, являлась казнь английской медсестры Эдит Кэвелл 12 октября 1915 г., сюжет о ней был растиражирован в ряде брошюр, например, в издании «Эдит Кэвелл» П. Гселла⁴⁷². Со временем имя медсестры стало символом противоправного поведения немцев по отношению к Красному Кресту.

В официальном отчете Комиссии по расследованию немцев также упрекают в стрельбе по персоналу, зданиям и т.п., находившихся под защитой Красного Креста. «Когда 10 ноября мы отправились в Понт-а-Муссон, за несколько часов до этого туда попало семь снарядов от немецких батарей. Это был 24-й день бомбардировок с 11 августа. За день до этого 19-летняя девушка и 4-летний ребенок были убиты в своей постели осколками снарядов. В частности, 14 августа немцы выбрали своей мишенью госпиталь, на башнях которого развевались флаги Красного Креста, видные издалека. В

⁴⁷⁰ Le Journal. 1914, 24 août. P. 1.

⁴⁷¹ La Baïonnette. 1915, 13 février. P. 55.

⁴⁷² Gsell P. Edith Cavell. Paris, 1916.

это здание попало не менее семидесяти снарядов. Мы зафиксировали ущерб, который они нанесли»⁴⁷³.

Большое внимание французская пропаганда уделяла положению военнопленных. Для того чтобы подчеркнуть плохое обращение немцев с заключенными, в противопоставление предлагалась информация о содержании людей во французском плену. Против врага выдвигались обвинения в том, что они убивают заключенных, не щадя их жизни на поле боя либо расстреливая уже сдавшихся солдат после сражения, что противоречит международному праву. В официальном отчете содержится ряд таких примеров: «21 августа сержант Гоннет из 334-го пехотного полка оказался в окружении со своим взводом и после довольно ожесточенного боя был вынужден сдаться. Его солдаты и он подняли белые флаги и сложили винтовки, затем без оружия выдвинулись к немцам, наблюдавшим за их приближением. Когда они подошли на расстояние примерно 50 метров до линии противника, по ним открыли огонь, который уничтожил большую часть солдат. Сам сержант был ранен пятью пулями»⁴⁷⁴. И еще один пример, доказывающий, что немцы продолжали убивать врагов, попавших в плен: «20 сентября в районе Суасона был взят в плен рядовой Фужеруз и несколько его товарищей. Их обезоружили, провели досмотр и поставили с поднятыми руками в двух метрах перед траншеей, а затем начали расстреливать. Пятеро было убито. Что касается Фужеруза, который сообщил об этом инциденте, он получил две пули, одну – в правую руку, а другую – в левое запястье»⁴⁷⁵.

Пропаганда часто отмечала ненадлежащий уход за заключенными в лагерях для военнопленных, отсутствие гигиены, а также плохое питание и дефицит одежды. Так, в сборнике писем военнопленных приводится предполагаемое письмо из Баварии, в котором в буквальном смысле говорится: «За время нашего пребывания тут мы остались без еды на пять дней. Здесь они дают нам в качестве пищи только то, что необходимо нам,

⁴⁷³ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 1. P. 21.

⁴⁷⁴ Ibid. Vol. 3. P. 20.

⁴⁷⁵ Ibid. P. 21.

чтобы не умереть от голода. Утром мы получаем немного почерневшей воды, похожей на кофе, в полдень немного горячей похлебки, около 20 граммов старого мяса и немного плохо приготовленных овощей, вечером еще немного похлебки и маленький кусочек хлеба из ржаной муки и картофеля, смешанных вместе»⁴⁷⁶.

Немцев упрекали в том, что они создавали различные виды лагерей. Выделяли «парадные лагеря», которые показывались представителям различных комиссий и нейтралам. Содержание в них было намного лучше, чем в других учреждениях подобного типа; затем – «репрессивные лагеря», в которых условия существования заключенных были весьма суровыми; третий тип – «трудовые лагеря», где пленных заставляли работать в шахтах или на военных заводах⁴⁷⁷.

Безусловно, большую часть при описании зверств врага во французской пропаганде занимало отношение немецких солдат к гражданскому населению. Немцев обвиняли в беспричинном убийстве женщин, стариков, детей и священнослужителей. Стоит отметить, что в газетах часто появлялись сообщения о расстрелах мирных жителей, указывались их имена, дата смерти, но причины этих действий почти всегда были скрыты, так что с самого начала складывалась очень искаженная картина, если только эти сообщения не являлись полностью вымышленными. «Самый трагический случай этих ужасных сцен произошел в доме г-на Воссе в пригороде Нанси, который прятал в подвале своего дома несколько человек. Примерно в 4 часа около 50 солдат вошли в дом, выломали дверь и окна и тут же подожгли помещение. Люди были вынуждены спасаться бегством, но на выходе их сбивали с ног одного за другим. Месье Менте был убит первым. Все, кроме двух девушек, включая женщин и детей, были убиты. Двух девушек спасло неожиданное появление офицера».⁴⁷⁸

⁴⁷⁶ Lettres et récits de soldats français, belges et anglais, prisonniers en Allemagne. Paris. 1915. P. 86.

⁴⁷⁷ Christmas J. Le traitement des prisonniers français en Allemagne d'après l'interrogatoire des prisonniers ramenés d'Allemagne en Suisse pour raisons de santé. Paris, 1917. P. 146-157.

⁴⁷⁸ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 1. P. 22.

Очень часто встречались рисунки, изображавшие расстрел мирных жителей, преклонивших колени и моливших о пощаде, грубыми и угрюмыми немецкими офицерами и солдатами. Например, рисунок в газете *Le Mot* от 9 января 1915 г., изображавший немца (возможно, кайзера, судя по усам), который только что убил ребенка, с надписью: «Этот безжалостный век» (См.: приложение 40)⁴⁷⁹.

Особое внимание было уделено многочисленным преступлениям, которые, как утверждалось, совершались в отношении стариков. В официальном французском отчете сообщалось, что «75-летняя женщина, миссис Мопуа, получила такие сильные удары, что через несколько дней скончалась. Пока солдаты издевались над ней, другие обчищали ее дом»⁴⁸⁰.

Особое внимание французская пропаганда уделяла издевательствам немецкой армии над детьми. Одним из наиболее ярких образов, созданных французской пропагандой, стал образ невинного страдающего ребенка. Наибольшую популярность в пропаганде зверств получили изображения детей, пронзенных штыком немецкого солдата или получивших страшные увечья, среди которых – потеря рук. Так, рисунок А. Виллетта изображает мать и ребенка, а рядом с ними немецкого солдата со штыком в одной руке и отрезанными руками в другой, который после совершенного преступления был застигнут своим офицером. Ниже приведены слова: «Разве вы не можете засунуть руки в карман, чтобы отдать честь своему офицеру?». На заднем плане видны дымящиеся руины (См.: приложение 41)⁴⁸¹. На другом рисунке изображена полураздетая женщина, у ребенка которой отрезаны руки. Перед ней стоит немецкий офицер, приносящий свои извинения: «Мадам, я первый, кто сожалеет о бесчинствах, совершенных в вашем доме, но вы солдатская жена и должны понимать тяготы войны» (См.: приложение 42)⁴⁸².

⁴⁷⁹ *Le Mot* 1915, 09 janvier.

⁴⁸⁰ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 1. P. 9.

⁴⁸¹ *Le Rire*. 1915, 30 janvier.

⁴⁸² *La Baïonnette*. 1915, 04 novembre. P. 283.

Упоминалось французской пропагандой и насилие в отношении лиц женского пола. В отчетах приводились примеры насилия в отношении девяти- и десятилетних девочек, а также женщин в возрасте шестидесяти и семидесяти лет. Французская карикатура не стеснялась изображать такие сцены. Среди самых ужасных образов, когда-либо созданных пропагандой, есть изображение колыбели, сделанной из веток, с надписью: «Колыбель из дерева, окрашенная французской кровью и подаренная армией наследного принца внучке кайзера» (См.: приложение 43)⁴⁸³.

Также часто осуждались незаконные захваты заложников и депортация гражданского населения. Шестой официальный отчет, к примеру, касался исключительно депортации гражданских лиц из Лилля в апреле 1916 г., когда немцы обратились к жителям города с призывом добровольно принять участие в уборке урожая, но в связи с их отказом часть населения была депортирована⁴⁸⁴.

Грабежи и мародерство – еще один из сюжетов, подтверждавший преступное поведение немцев. Имеется большое количество материалов на эту тему, созданных французской пропагандой. Немец, обычно довольно варварского и некультурного вида, нагруженный украденными предметами, – это часто встречающийся образ. К наиболее часто похищаемым предметам, согласно проанализированным в ходе данного исследования рисункам, относятся карманные часы, картины, серебряные и золотые изделия, столовые приборы, церковная утварь, белье, шампанское, вино. «Один гусар рассказал нам, что он сломал ногу при падении с лошади и попал под животное. Затем на него напали уланы, которые украли у него часы и цепочку, а один из них взял его карабин и выстрелил ему в глаз»⁴⁸⁵. *Le Rire* в мартовском номере 1915 г. разместила рисунок, на котором был изображен немец с вязанкой колбасы, свисающей изо рта. Одной рукой он тащит

⁴⁸³ *La Revue hebdomadaire*. 1916, 08 avril.

⁴⁸⁴ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 6.

⁴⁸⁵ Marion A. *Guerre européenne de 1914-15-16-17: histoire officielle et illustrée des crimes allemands en France et en Belgique*. Paris, 1917. P. 46.

мальчика подростка, другой – за волосы полуголую женщину. В рюкзаке у него алкоголь, часы, кружева и домашняя утварь. Фон рисунка – пламенное зарево и руины. К этому изображению добавлена подпись без дальнейшей ссылки на источник: «В действительности, война доказывает, что ни одна армия в мире не обладает таким идеальным боевым духом... и что законы войны, запрещающие грабеж, непредумышленное убийство и изнасилование, нигде не соблюдаются так строго, как в немецкой армии» (См.: приложение 44)⁴⁸⁶.

Помимо мародерства отдельных солдат, пропаганда также приводила примеры участия в этом высших чинов немецкой армии. Так, в официальном отчете сообщалось: «Что касается воровства, то мы без колебаний заявляем, что, где бы ни проходили силы противника, они методично приступали к организованному разграблению, даже в присутствии своих офицеров, а зачастую и при их участии. Погребки были опустошены до последней бутылки, ящики взломаны, значительные суммы были украдены или вымогались, большое количество серебряных изделий и драгоценностей, а также картин, мебели, предметов искусства, велосипедов, дамских халатов, швейных машин и даже детских игрушек помещены в вагоны и вывезены в Германию»⁴⁸⁷.

Критика французской пропаганды была направлена также на огромные контрибуции, которые собирала Германия с завоеванных городов. В официальных отчетах иногда воспроизводились немецкие распоряжения на эту тему, например, о том, что французский Люневиль должен был заплатить 650 тысяч франков за нападение на немецкие войска и на Красный Крест⁴⁸⁸.

Поведение немецких солдат по отношению к населению, варварство, несдержанность в потреблении алкоголя и цинизм подвергались особенно жесткой критике. Так, в официальном отчете о зверствах в Трианкуре говорилось: «В течение следующей ночи немцы играли на пианино возле

⁴⁸⁶ Le Rire. 1915, 20 mars.

⁴⁸⁷ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 1. P. 9.

⁴⁸⁸ Ibid. P. 26.

трупов»⁴⁸⁹. На многих иллюстрациях было изображено пьянство немецких солдат. La Vaïonnette разместил в одном из своих номеров рисунок, на котором были изображены несколько немецких солдат, пьющих в винном погребе. Их неожиданно обнаружили французы, но немцы даже не догадались об этом. Подпись под рисунком: «Они все пьяны!» (См.: приложение 45)⁴⁹⁰.

Другим важным сюжетом французской пропаганды являлись разрушения немцами городов, деревень на севере Франции и в Бельгии. В этом плане нельзя недооценивать важность почтовой открытки как средства распространения подобных сюжетов. Начало открыточной пропаганды относится к 1914 г., когда несколько серий, изображавших разрушения в Бельгии, были опубликованы парижским издательством Le Deley⁴⁹¹. Кроме того, в том же году и тем же издательством была опубликована серия, посвященная Реймсу и его собору. Заслуживают упоминания и другие серии, изображавшие разрушения, такие как «Немецкое отступление. Война 1914 – 15 – 16 – 17» издательства Le Deley, серия «Европейская война» и «Война 1914 – 16» издательства Lévy Fils et Cie. На открытках последнего можно заметить штамп «Армейская фотографическая секция», что, безусловно, свидетельствует о том, что это продукт официальной пропаганды. По содержанию пропаганда в данном направлении касалась разрушений немцами интерьеров внутри церквей, частных домов, замков, а также уничтожения самих зданий. Среди общих видов разрушений предпочтение отдается тем городам, которые особенно сильно пострадали, например, Лувен, Реймс и Аррас. Лувен и Реймс неоднократно выделялись пропагандой, потому что, по мнению французов, они были разрушены без всякой на то причины⁴⁹². Лувен «был подожжен по приказу, это неоспоримо. Несколько человек, с которыми я смог поговорить позже, заявили, что это

⁴⁸⁹ Ibid. P. 19.

⁴⁹⁰ La Vaïonnette. 1915, 30 janvier. P. 32.

⁴⁹¹ Семья Делей была хорошо известна во всей Франции своей издательской деятельностью. Делей достал замечательную подборку черно-белых открыток, запечатлевших Западный фронт Первой мировой войны.

⁴⁹² Fuglister A. Louvain, ville martyre. Paris, 1916.

было спланировано заранее. Сигнал – и поджигатели начали. Видимо, даже центр города должен быть разрушен. Эта цель, кстати, была достигнута, и руины при их печальном виде сегодня являются самым ярким тому доказательством»⁴⁹³. Таким образом, обвинение немцев в полном уничтожении городов сыграло большую роль в усилении ненависти и желания сопротивляться Германии.

Особый акцент французская пропаганда делала на немецком терроре и запугивании, что особенно подчеркивалось, когда речь шла о разрушениях городов и церквей. Так, *Le Journal* описывал обстрел Реймса, согласно рассказу очевидца: «Город был оставлен нашими войсками. Вечером 3 сентября, в четверг, пришли немцы. Их первой задачей были переговоры об условиях сдачи города». Далее подробно раскрывались указанные условия, и очевидец продолжал: «После тяжелых переговоров, на следующее утро, чуть позже 9 часов, в тот момент, когда население ожидало прибытия войск, началась бомбардировка. Лавина снарядов обрушилась на город. Двадцать четыре человека получили серьезные ранения. Пять снарядов упали вблизи собора, разбив стекла и повредив некоторые скульптуры, но не задев здания в целом...». Далее описывалось вступление немцев в Реймс и их уход; согласно представленной информации город вернулся под власть французов 13 сентября. «Раздраженная атаками наших войск их тяжелая артиллерия, прочно закрепившаяся на расстоянии десяти километров, снова открыла огонь по Реймсу. Со вторника 15-го по 19-е сентября обстрел продолжался без перерыва... И, когда наши войска с трудом оттеснили немцев и заставили оставить свои позиции, от города остались одни руины»⁴⁹⁴.

Французская пропаганда стремилась подкрепить обвинения в систематическом уничтожении территории, утверждая, что немцы использовали для поджогов специальные, легко воспламеняющиеся химические средства и имели при себе специально экипированных солдат

⁴⁹³ Chambry R. *La vérité sur Louvain*. Paris, 1915. P. 18.

⁴⁹⁴ *Le Matin*. 1914, 28 septembre. P. 1-4.

(См.: приложение 46)⁴⁹⁵. В официальном отчете кратко упоминалось о разрушениях: «Поджоги постоянно используются ими либо как элемент систематических разрушений, либо как средство запугивания. Немецкая армия располагает прекрасным оборудованием для этой цели, включая факелы, гранаты, огнеметы, специальные мешочки, содержащие легковоспламеняющийся порох. Их поджоги в основном направлены против церквей и памятников, имеющих культурную и историческую ценность»⁴⁹⁶.

Остановимся еще на некоторых сюжетах, которые, присутствуя в той или иной степени во французских информационных материалах, служили составными элементами пропагандистской деятельности, направленной на создание образа врага.

Одной из задач французской пропаганды являлась характеристика сущности каждого отдельного немца. Не менее важным было показать, что немецкий народ в целом – это народ-завоеватель. Другими словами, французская пропаганда стремилась представить Германию как страну с империалистическими амбициями. Однако она не ограничивалась описанием германского империализма в теории и стремилась показать, как Германия пыталась оправдать свои претензии на мировое господство. Далее будут рассмотрены особенности немецкого народа, которые, по мнению Германии, давали Рейху право на мировое господство. Здесь следует выделить три основных обоснования, которые занимают важное место во французской пропагандистской литературе.

Наиболее распространенным обоснованием претензий на верховенство в мире является то, что немецкий народ считал себя самой благородной расой. Далее в качестве обоснования притязаний Германии на превосходство приводится «немецкий Бог» и научно-технический прогресс.

⁴⁹⁵ Marre F. La Chimie meurtrière des Allemands // Pages actuelles. Paris, 1915.

⁴⁹⁶ Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Op. cit. Vol. 1. P. 9.

Свидетельства о превосходстве немецкой расы взяты, главным образом, из немецких трудов, таких авторов как Ф. А. Ланге⁴⁹⁷, Л. Вольтмана⁴⁹⁸ и Й. Л. Реймера⁴⁹⁹.

Особенно популярными были работы французского графа Ж. А. де Гобино «Опыт о неравенстве человеческих рас»⁵⁰⁰ и англичанина Х. С. Чемберлена «Основы XIX столетия»⁵⁰¹. На наш взгляд, труды этих двух писателей внесли большой вклад в убеждение немцев в превосходстве своей расы.

С точки зрения французской пропаганды мнение о германском превосходстве не только отразилось в произведениях отдельных писателей, но и являлось общим убеждением немецкого народа, проникшем в самые низшие слои. П. Готье пишет: «Германизм – это нечто большее, чем доктрина, это вера в превосходство германской расы с точки зрения философии, истории и естествознания. Нет такого немца, который в наши дни не был бы убежден, что между ним и остальными представителями рода человеческого лежит такая же пропасть, как и между сверхчеловеком Ницше и обычным человеком»⁵⁰². Таким образом, эта доктрина превосходства одной расы над другой не только усиливала у немцев чувство господства, но и объясняла их отношение к войне, к добру и злу.

По мнению французской пропаганды, немцы презирали все остальные народы, и прежде всего романскую расу, которую считали отжившей и упадочной, то есть созревшей для гибели. И именно эти мысли французская пропаганда использовала для укрепления единства в латинских странах, прежде всего в Испании, Италии и Южной Америке, для того чтобы сплотить романские народы, дать им понять, что дело Франции – это их общее дело и ее поражение – это угроза для выживания всех. Один из крупнейших

⁴⁹⁷ Lange F. Reines Deutschtum: Grundzüge einer nationalen Weltanschauung. Berlin, 1904.

⁴⁹⁸ Вольтман Л. Политическая антропология. М., 2000.; idem. Die Germanen und die renaissance in Italien. Leipzig, 1905.; idem. Germanen in Frankreich. Jena, 1907.

⁴⁹⁹ Reimer J. Ein Pangermanisches Deutschland. Leipzig, 1905.

⁵⁰⁰ Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2000.

⁵⁰¹ Чемберлен Х. С. Основы XIX столетия. СПб., 2012.

⁵⁰² Gaultier P. La mentalité allemande et la guerre. Paris, 1916. P. 45.

испанских писателей XX века Висенте Бласко Ибаньес разделял это мнение: «В настоящий момент все мы, называющие себя латиноамериканцами, должны осознать нашу общую с Францией судьбу. По своему географическому положению Франция является оплотом латинизма. Будучи самой сильной среди братских народов, она с мечом в руке защищает нас от северян, которые на протяжении веков упорно стремились достичь берегов Средиземного моря»⁵⁰³.

Более значительное место, чем все эти довольно сложные объяснения превосходства немецкой расы в публицистике, занимали фотографии, рисунки и описания к ним. Их целью было показать, что германская раса, считающая себя столь высокоразвитой, в действительности ничтожна. В доказательство этому часто приводились фото немецких пленных, которые в результате военных тягот выглядели беспомощными и неопрятными. По сравнению с такими наглядными свидетельствами «научные объяснения» неполноценности немецкой расы были очень редкими. Существует лишь несколько трудов на эту тему, среди них – брошюра доктора Э. Берильона «Психология германской расы в соответствии с ее объективными и специфическими характеристиками»⁵⁰⁴.

Изображение немецкой неполноценности дало карикатуристам широкое поле действий. Так, на рисунках, где изображались зверства немецких солдат, часто подчеркивались их грубые животные черты: большой лоб, широкое лицо, расплющенный нос, сильно выдвинутый вперед подбородок, объемный живот и ноги. На некоторых рисунках немцы выглядели почти как обезьяны, например, на карикатуре Т. А. Стейнлена, подписанной «Немецкая культура», изображена обезьяна с пикельхаубом, очками и дубинкой (См.: приложение 47)⁵⁰⁵.

Еще одной из глубинных причин империализма Германии назывались религиозные воззрения немцев. Ключевая фраза «немецкий Бог» или

⁵⁰³ Ibanez V. Le Monde espagnol et la France. Paris, 1915. P. 52.

⁵⁰⁴ Bérillon E. La psychologie de la race allemande d'après ses caractères objectifs et spécifiques. Paris, 1917.

⁵⁰⁵ Rostand E. Les livres de la guerre, août 1914, août 1916. Paris, 1916. P. 92.

«старый немецкий Бог» часто встречалась в пропагандистских материалах, и следует предположить, что во время войны она была знакома каждому французу. Были написаны труды, посвященные исследованию происхождения термина «немецкий Бог». Зачастую это крылатое выражение подхватывалось пропагандой религиозных комитетов. В прессе появление выражения о «немецком Боге» можно проследить уже с первых месяцев войны. Объяснения этой броской фразы варьируются, и, вероятно, ни одно другое выражение французской пропаганды не было столь двусмысленным. В представлении французских пропагандистов «немецкий Бог» слился с древнегерманскими божествами. Так, на обложке своей книги Ф. Бренье изображает его с длинной бородой, в окружении ворон и волков, с огненным факелом в правой руке, на фоне горящего собора Реймса (См.: приложение 48)⁵⁰⁶.

Э. Веттерле описывает бога немцев похожим образом: «В Германии место христианства занял «старый немецкий Бог». Он больше не властелин всех народов. Он принадлежит именно им. Они национализировали его. Поэтому он также несет недостатки, ошибки и предрассудки своих последователей. «Старый немецкий Бог» – это, вероятно, имя Христа. Однако, на самом деле, он сливается с божествами Валгаллы, и верующие «избранного народа» думают, что особенно угождают ему, когда удовлетворяя свои хищнические инстинкты, повсюду сеют хаос и резню»⁵⁰⁷.

Однако основополагающая идея, на которую опирался тезис о богоизбранности немцев, в первую очередь базировалась на другой концепции: с политическим и экономическим подъемом в Германии также окрепли материализм и империализм, в то время как религиозность народа ослабла в предвоенные годы. И поэтому «немецкий Бог» в определенной степени стал символическим выражением этих течений в новом Рейхе.

⁵⁰⁶ Flavien B. *L'Allemagne occulte le vieux Dieu allemande*. Paris, 1916.

⁵⁰⁷ Wetterlé E. *L'Anticatholicisme allemande // La Revue hebdomadaire*. 1918. 27 avril. P. 450.

Другими словами, «немецкий Бог» – это, прежде всего, олицетворение империализма, которому немецкий народ отдавал дань уважения.

Укреплялась эта мысль и через церковь, созданную Реформацией. Кроме того, эта идея была основана на императорском служении по милости Божьей, как это часто подчеркивал император Вильгельм II. Таким образом, император представал в качестве наместника Бога на Земле. Из-за подобных заявлений о том, что у немцев есть свой Бог, французская пропаганда пришла к выводу, что Германия в действительности больше не являлась христианской страной, поэтому враждебно относилась к католицизму. Эти мысли в дальнейшем были использованы в пропаганде Католического и Протестантского комитетов и распространялись, прежде всего, в глубоко религиозной Испании. Литература о враждебности Германии к религии довольно обширна. Но, на наш взгляд, основополагающим произведением является «Германская война и католицизм»⁵⁰⁸. Другие публикации либо повторяют основные выводы, заключенные в данной работе, либо более детально объясняют отдельные моменты.

Для доказательства того, что Германия больше не следовала христианству, французская пропаганда, ссылаясь на высказывания и труды немецких философов и писателей, пыталась показать, что их учения противоречат христианскому взгляду на мир. Свидетельством отречения от постулатов христианства, по мнению пропагандистов, служили и поступки немцев, которые невозможно было соотнести с религиозным мировоззрением. Прежде всего, порицалось отношение Германии к войне, которая ставила силу выше права. Утверждалось, что допустима только оборонительная война, в то время как мировая война – это война Германии за завоевание, а потому она недопустима⁵⁰⁹. Немецкий принцип «форс прим лё друа» (доктрина Бисмарка) также осуждался с морально-христианской точки зрения. Кроме того, утверждалось, что Германия не признавала никаких

⁵⁰⁸ Baudrillart A. La guerre allemande et le catholicisme. Paris, 1915.

⁵⁰⁹ Ibid P. 10.

общепринятых законов и правил ни в религиозной сфере со времен Лютера, ни в философии со времен Канта и Гегеля, ни в политической сфере со времен Фихте и Бисмарка⁵¹⁰. В качестве доказательства описывалось поведение немцев во время войны, особенно по отношению к духовенству и церквям. Утверждалось, что ярость врага направлена главным образом против культовых зданий. Это приводило к выводу, что «реальная опасность для церкви исходит из Германии, потому что настоящий очаг интеллектуального атеизма находится в этой стране»⁵¹¹.

И последним объяснением империализма являлось научное и техническое превосходство Германии, которое давало ей право на мировое господство. Французская пропаганда стремилась показать, что это обман, что в действительности это не соответствует истине, заявляя, что немецкие ученые забыли о том, что наука существовала задолго до них и ее домом являлась Франция⁵¹². Пропаганда утверждала, что немцы, хотя и считали французов гениальной нацией, постоянно указывали на то, что они живут лишь иллюзиями и фантазиями и не обладают даром изобретательности, который свойственен народу Германии.

Со стороны французской пропаганды самый серьезный упрек немецкой науке состоял в том, что она работала не ради науки в целом, а подчинялась интересам страны⁵¹³. Так, например, историческая наука уже не служила объективной истине, а находилась на службе у государственной власти. Известный немецкий историк К. Лампрехт писал свои работы, особенно по немецкой истории, «во славу династии Гогенцоллернов»⁵¹⁴.

Объектом внимания французской пропаганды стала и немецкая система образования. Подчеркивалось, что с начальных классов учеников воспитывали в духе национализма: отмечались все патриотические праздники (например, День Седана), гимнастика проводилась по военным

⁵¹⁰ Ibid. P. 25.

⁵¹¹ Ibid. P. 28.

⁵¹² Lefort J. La Science et les Savants allemands. Paris, 1918. P. 1-10.

⁵¹³ Petit G., Leudet M. Les Allemands et la science. Paris, 1916. P. 6.

⁵¹⁴ Lefort J. Op. cit. P. 126.

стандартам, обращение к детям было в приказном тоне и т.д. Говоря об университетах, пропаганда называла их «очагами германизма»: «...Профессора университета – величайшие учителя самого слепого шовинизма. Именно от них впервые появилось слово «пангерманизм», которое с тех пор циркулирует в прессе и в общественности»⁵¹⁵; «В своей профессии или в своих работах профессора показывают себя, прежде всего, немцами и, к какой бы отрасли науки они ни принадлежали, служат своей предполагаемой наукой исключительно Германии, а не человечеству»⁵¹⁶.

Также французская пропаганда пыталась показать, что разница между современным конфликтом и войнами прошлого состояла только в том, что немецкая наука, система и достижения в области вооружений сделали сражения более смертоносными. В этом плане П. Готье писал: «Я думаю, что нужно обратиться к Тамерлану и Чингиз-хану, чтобы найти в истории такое организованное варварство, какое немецкая армия демонстрирует нам с первых дней августа 1914 г. в мученических провинциях Бельгии и северо-восточной Франции. И, конечно, дикарь древности, еще не имевший в своем распоряжении грозных машин уничтожения, которые наука вложила в руки современного человека, был все же гораздо менее страшен, чем «культурный человек» современности. Действительно, что особенно ненавистно в дикости современных немцев, так это их научный характер. Не только в том смысле, что они используют последние достижения промышленности и военной техники, но особенно в том, что это все соответствует их доктрине»⁵¹⁷.

Именно этой связкой между немецкой наукой и варварством, созданной французской пропагандой, объясняются подписи «Культура» или «Немецкая культура», которые встречались под многими изображениями немецких зверств.

В дополнение к исследованию развития и оправдания германского империализма следует обратиться к вопросу его соотношения с правовыми

⁵¹⁵ Wetterlé E. L'Allemagne qu'on voyait et celle qu'on ne voyait pas. Op. cit. P. 43.

⁵¹⁶ Fouad G. Op. cit. P. 71.

⁵¹⁷ Gaultier P. Les origines de la barbarie allemande // Revue des deux mondes. 1915, 01 juillet. P. 113.

нормами. Пропагандой утверждалось, что Германия как в теории, так и на практике вступала в противоречие с законом, поскольку сформировала такую концепцию, которая рассматривала войну как нечто естественное. Французская литература по этому вопросу была обширной. В большинстве случаев французская пропаганда ссылалась на двух военных историков – К. фон Клаузевица и Ф. А. Ю. фон Бернгарди. Их работы рассматривались как официальная военная доктрина Германии, более того, они считались неким «кодексом»⁵¹⁸.

Согласно пропаганде, определяющим фактором отношения немцев к войне в целом вновь стал вопрос расового превосходства и религии. Германия противопоставляет правовой взгляд, который является руководящим принципом для Франции и других цивилизованных народов, взгляду, заимствованному из естественных наук о борьбе за существование. Согласно этой точке зрения, высшая раса имеет право уничтожить низшую. «Для современных немцев, которые в большей или меньшей степени являются последователями Геккеля, война – это биологический факт: самая жестокая форма борьбы за жизнь. По их мнению, война между народами занимает то же место, что и борьба за жизнь среди животных»⁵¹⁹.

Немцы находили оправдание войне и через концепцию Бога. Согласно французской пропаганде, для немцев война – это элемент порядка, установленного Богом. Этому мнению придерживались, прежде всего, военные чины Германии. Они считали, что война разжигает благородные добродетели, показывает моральные ценности народа, который в противном случае погружается в материализм и повседневные заботы. «Война – это не просто необходимый акт национального эгоизма. Когда воины Германии берут в руки оружие, они изначально следуют божественному закону, который обрекает человечество на войну. Они твердо убеждены в

⁵¹⁸ Aegerter E. La Pensée allemande et la Guerre. Hegel // La Revue Hebdomadaire. 1916, 09 septembre. P. 252.

⁵¹⁹ Gaultier P. La Mentalité Allemande et la Guerre. Op. cit. 1916. P. 86.

правильности божественного провидения, которое победой Германии хочет спасти мир. Воины Германии – это солдаты Бога»⁵²⁰.

Таким образом, в качестве девиза, обозначающего отношение Германии к войне, часто повторялся «La Force cree le Droit». Французская пропаганда пыталась показать, что глубинная причина начала мировой войны скрывалась в сущности самой Германии, в мировоззрении немцев.

В заключение следует отметить, что французская пропаганда стремилась высмеять образ жителей Германии, стереотипизировать его на физическом уровне, придать животные черты. Немцам приписывался ряд негативных черт. Они представлялись жестокими, варварами, пьяницами, неряхами и ворами. Кроме того, пропаганда использовала истории бельгийских или французских беженцев, драматизировала разрушения, произведенные Германией. Детализация зверств (например, через образы детей «с отрезанными руками» и др.) позволила использовать присущее военным действиям насилие в качестве пропагандистской темы и распространять информационную кампанию о «немецких военных злодеяниях». Франция придавала своей пропагандистской деятельности во время Первой мировой войны ряд характерных особенностей. Французы основывали свою пропаганду в основном на общечеловеческих идеалах. Они поставили идеи права и свободы во главу угла своей информационной политики и определяли их в качестве ключевой цели войны. Победа права над насилием, свобода народов и каждого человека подразумевали под собой уничтожение якобы немецкого империализма и победу «цивилизации» над «немецкой культурой». Французские власти старались сделать все возможное, чтобы настроить свой народ против Германии. Если речь шла о злодеяниях, совершенных немцами, то пропаганда не ограничивалась лишь одним их перечислением. Делался вывод о том, что немцы по своей природе отличаются грубостью, жестокостью, не признают никаких законов, и, следовательно, массовый характер их злодеяний имеет социокультурные

⁵²⁰ Andler C., Lavisse E. *Pratique et doctrine allemandes de la guerre*. Paris, 1915. P. 45.

основы. Таким образом, благодаря тщательно выстроенной системе, где все факты и события были тесно идеологически взаимосвязаны, пропаганде удалось убедить французскую общественность не только в том, что Германия начала мировую войну, но и, прежде всего, в том, что война являлась следствием империализма, свойственного самой природе немецкого характера и немецкой ментальности.

Заключение

Антигерманская пропаганда во Франции начала осуществляться задолго до Первой мировой войны. Франко-прусская война 1870-1871 гг. изменила традиционное французское мнение о немецком обществе. Французы, деморализованные поражением, были вынуждены переоценить свое представление о немецком народе. К началу 1914 г. во Франции сложилось противоречивое восприятие всего, что было связано с Германией. В течение нескольких десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, каждая из этих двух стран формировала определенные взгляды, стереотипы о национальном характере соперника, создавая определенный образ «врага» в своем обществе. Представления о Германии во французском общественном мнении создавались и укреплялись на самых разных культурных уровнях. Широко распространенные стереотипы о враге, несомненно, определяли как принятие официальных решений, так и реакцию широкой общественности. Враждебные мифологемы в сочетании с растущей международной напряженностью усиливали ощущение неизбежности будущего конфликта, что способствовало повышению накала страстей и последующему распространению ненавистных образов, и этот цикл значительно усугубился с началом Первой мировой войны. Пропаганда военного времени лишала врага любых остатков человечности и, казалось, подтверждала худшие подозрения и страхи довоенной эпохи.

Стереотипы о немецком народе, которые существовали во Франции, отличались многообразием. Французские художники в довоенное время создали большое количество карикатур и рисунков, которые имели не только художественную, но, прежде всего, пропагандистскую ценность. Во многих случаях эти образы не относились к оригинальному творению французов, а были взяты из немецких журналов. Французская литература, особенно юмористические и иллюстрированные журналы, содержала весьма специфические описания немцев, которые были также хорошо известны во Франции и высмеивались её народом.

Будучи промышленным и технологическим конфликтом, Первая мировая война была также войной слов и лозунгов. Для того чтобы сплотить свой народ и деморализовать противника, Франция приложила значительные усилия к созданию собственной системы пропаганды, характеризующейся двумя основными моделями: 1) вертикальной государственной пропагандой, сыгравшей решающую роль благодаря участию видных государственных деятелей, таких как Аристид Бриан и Жорж Клемансо, а также благодаря созданию официальных органов пропаганды, таких, например, как Дом печати; 2) горизонтальной пропагандой, реализованной за счет участия самого общества в процессе пропагандистской мобилизации.

Особенность французской пропаганды заключалась в большом количестве пропагандистских учреждений. Но, несмотря на то, что Франции к 1916 г. удалось организовать централизованное управление деятельностью своих многочисленных пропагандистских комитетов, создав центральный офис – Дом печати, основная функция данного учреждения заключалась не в организации жесткого централизованного контроля, а, скорее, в предоставлении общих указаний при сохранении относительной свободы отдельных структур и их независимости в осуществлении пропагандистской деятельности. Данная специфика отличает французскую пропаганду от английской, носившей более централизованный характер, и имеет некоторое преимущество в плане охвата более значительного количества адресатов за счет работы многочисленных частных организаций.

Государство, будучи главным актором пропагандистских усилий, тем не менее опиралось на очень распространенную динамику социальной мобилизации. Совершенно независимо от каких-либо правительственных запретов, спонтанное сотрудничество со всех сторон демонстрировало, что «Священный союз» не был пустым лозунгом. В первую очередь, представители прессы сочли своим долгом мобилизовать умы французских граждан для защиты своей страны. Патриотизм в многообразии его проявлений был латентной редакционной линией подавляющего

большинства французских газет от L'Humanité до L'Echo de Paris. Показательно, что Г. Эрве переименовал свою газету La Guerre Sociale в La Victoire в январе 1916 г.

Активное участие в пропагандистской работе принимали и представители французской интеллектуальной среды. Будучи убежденными в том, что интеллектual не может не реагировать на вызовы важнейших исторических событий и что война разворачивается не только на фронте, но в социокультурной сфере, многие профессора во французских университетах участвовали в идеологической мобилизации. Так появились лиги и ассоциации, реализовывавшие контрпропаганду, которая оказалась вполне эффективной. Но отсутствие единого управления подобными организациями обуславливало бессистемный характер их деятельности. Именно в связи с возникшей необходимостью координации действий подобных организаций в начале 1917 г. был основан «Союз великих французских ассоциаций против вражеской пропаганды», который публиковал статьи, выпускал плакаты и работал в тесном сотрудничестве со службами Дома печати. Участие интеллектуальной элиты Франции в пропаганде было обусловлено несколькими причинами: во-первых, интеллектуалы, как и большая часть французского общества, на самом деле проявляли истинный патриотизм, прилагая все усилия для борьбы с врагом; во-вторых, многие из них испытывали чувство вины в связи с невозможностью участвовать в непосредственных военных действиях в силу возраста и осознавали необходимость участия в политической мобилизации на поле интеллектуальных битв – на поле символической борьбы идей, слов и образов.

Французское правительство было заинтересовано в оптимизации пропагандистских усилий. Председатель Совета и министр иностранных дел А. Бриан в ноябре 1915 г. объединил пропагандистские службы в пятое управление Генерального штаба – «Информация и пропаганда», а уже в январе 1916 г. создал Дом печати в Париже.

Для контроля за информацией 2 августа 1914 г. во Франции была введена цензура, которая давала военным властям право запрещать все публикации, способные нарушить общественный порядок. Закон, принятый 5 августа 1914 г., предусматривал санкции (штрафы, тюремное заключение) в случаях неосмотрительности прессы. Этот закон был направлен на защиту информации военного характера (например, о численности и расположении частей противника и др.), которая могла бы дать тактическое или стратегическое преимущество противнику. Однако целостная структура цензуры фактически появилась 3 августа 1914 г. с созданием Бюро печати при Военном министерстве. В его функции входило: разрабатывать цензурные инструкции на основе распоряжений Генерального штаба и различных министерств (военного, иностранных дел и т.д.) и в то же время контролировать их применение прессой и информационными агентствами, в частности Гавасом. Бюро печати было разделено на четыре отдела: ежедневных газет, периодических изданий, телеграмм и местной прессы. Эти отделы работали круглосуточно в составе групп, которые тщательно проверяли газеты перед окончательной печатью. Эта система была централизована в Париже и подкреплена сетью комиссий по надзору за местной прессой, созданных в двадцати одном военном регионе Франции. После возобновления художественной деятельности в столице в декабре 1914 г. еще один парижский орган осуществлял цензуру. Префектуре полиции было поручено выдавать визовые разрешения на театральные постановки и песни, исполняемые в кафе-концертах. В армейских зонах контроль над информацией был еще более строгим. Он находился в исключительном ведении Генерального штаба французской армии, который запрещал доступ на фронт любому гражданскому лицу, парламентарии или журналисту без специального разрешения. За проникновением газет из-за линии фронта внимательно следили в зоне боевых действий. Пропаганда пыталась укрепить патриотическое и моральное единство страны. Многие цензурные инструкции, разработанные Бюро печати, исходили из желания поднять

моральный дух в тылу, что также выражалось в конфискации некоторых солдатских писем. Театральные пьесы и песни, которые могли иметь ярко выраженный клеветнический или непристойный характер, не получали визы от префектуры полиции Парижа. Та же участь постигла сообщения, в которых, как считалось, содержались намеки на жестокость войны или на ужасающие условия жизни на фронте.

Французская пропаганда использовала в своей деятельности большое количество старых и новых средств массовой информации. Бумага по-прежнему оставалась основным носителем пропагандистских дискурсов: печатная пресса, иллюстрированные журналы, открытки и плакаты – все эти ресурсы были направлены на раскрытие темы войны. Пропаганда распространилась и на сферу материальной продукции (сувениры, детские игры), на карикатуры, выставочную деятельность и киноиндустрию. Не следует забывать и о тысячах песен, которые звучали на фронте и в тылу и являлись сильнейшим средством подъема боевого духа.

Методы, использовавшиеся французской пропагандой, были строго классическими: преувеличение и искажение фактов, умолчание и ложь, ирония и грубый юмор. Негативную окраску получали все образы – от простого солдата до наследного принца Германии или Вильгельма II, императора Германии. Пропаганда высмеивала немца, стереотипизировала его на физическом уровне, придавая животные черты. Немец представлялся варваром, вором, жестоким, пьяным, грязным и т.д. Эти образы становились всё более яркими в ходе развития конфликта. Французская пропаганда также использовала истории бельгийских или французских беженцев и драматизировала разрушения, произошедшие по вине Германии (дома в руинах и разбомбленный Реймский собор). Образы детей «с отрезанными руками» и изувеченных женщин позволили использовать насилие войны в качестве пропагандистской темы – «немецкие военные злодеяния». Скорость, с которой была создана эта система представлений, во многом объясняется коллективной исторической памятью о 1870 г. и германофобскими

настроениями, поддерживаемыми Третьей республикой. Например, использование слова «боше» во Франции относится не к 1914-1918 годам, а к концу 1890-х годов. Это была не просто мобилизация, а ремобилизация старого идеологического антагонизма.

Враг не был приоритетной целью французского пропагандистского дискурса. Работа по деморализации войск противника на фронте посредством информационных ресурсов не стала приоритетным направлением деятельности пропагандистов; их основное внимание было сосредоточено на организации пропагандистских кампаний в нейтральных державах. Так, Министерство иностранных дел организовывало различные пропагандистские миссии; французские пропагандистские брошюры из сборника «Исследования и документы о войне» систематически переводились и распространялись за рубежом. Приоритет политической пропаганды, направленной на нейтральные страны и имеющей целью спровоцировать их переход в лагерь союзников или обеспечить сохранение нейтралитета, является одной из отличительных черт французской пропаганды.

Пропаганда была направлена и на самих французов, как гражданских лиц, так и солдат. Прежде всего, это был вопрос идеологического оправдания боевых действий, превращения войны в защиту цивилизации от варварства, а также придания людям уверенности. Французов необходимо было убедить вложить свои сбережения в военные облигации, соблюдать рацион питания, проявлять осмотрительность в письмах и разговорах. Чаще всего пропаганда, направленная на граждан, носила позитивный (конструктивный) характер и предлагала положительные образы («пуалю», медсестра, жена, ждущая мужа), но в ряде случаев пропагандисты использовали негативные образы с целью вызывать у общественности неприятие каких-либо явлений: так, образ «уклониста» должен был объединить всех французов в единодушном порицании тех, кто хотел остаться вне конфликта.

Таким образом, благодаря тщательно выстроенной системе, где все факты и события были тесно взаимосвязаны, французская пропаганда смогла сыграть важную роль в достижении победы в информационном противостоянии с противником.

Библиография

Документы

1. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. Версальский мирный договор / Полн. пер. с франц. под ред. Ю. В. Ключникова и А.Сабанина. М., 1925. – 166 с.
2. Documents relatifs à la guerre 1914-1915-1916-1917. Rapports et procès-verbaux d'enquête de la commission instituée en vue de constater les actes commis par l'ennemi en violation de Droit des gens. Paris, 1914-1919.
3. Le livre rouge des atrocités allemandes d'après les rapports officiels des gouvernements français, anglais et belge par image. Paris, 1916. – 40 p.
4. Les violations des lois de la guerre par l'Allemagne. Paris, 1915. – 208 p.
5. Letter from the Minister of War Adolphe Messimy // Bulletin des Armées de la République. 1914. Vol. 1.
6. Lettres et récits de soldats français, belges et anglais, prisonniers en Allemagne. Paris. 1915. – 164 p.
7. Rapport de la Commission d'enquête sur les atrocités Allemandes nommée par le Gouvernement de Sa Majesté Britannique et présidée par le Très Honorable Vicomte Bryce. London, 1915. – 285 p.
8. Rapports sur la violation du droit des gens en Belgique. Paris, 1915. – 174 p.

Мемуары, письма и дневники

1. Алье Р. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.museeprotestant.org/en/notice/raoul-allier-1862-1939/> (дата обращения: 24.01.2021).
2. Берти Ф. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. М., 1927. – 230 с.
3. Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. М., 1955. – 448 с.
4. Лихновский К. М. Моя миссия в Лондоне 1912–1914. Лондон. 1918. – 40 с.

5. Николаи В. Тайные силы: Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время. М., 2021. – 592 с.
6. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. – 336 с.
7. Пуанкаре Р. На службе Франции, 1914–1915. М., 2002. – 784 с.
8. Стюарт К. Тайны дома Крю: Английская пропаганда в мировую войну 1914–1918 гг. М., 1928. – 124 с.
9. Arren J. Wilhelm II. Was er sagt, was er denkt. Leipzig, 1911. – 216 p.
10. Barnard C. I. Paris War Days. Boston, 1914. – 294 p.
11. Barthas L. Les carnets de guerre de Louis Barthas, tonnelier. 1914-1918. Paris, 1981. – 600 p.
12. Baudrillart A. Notre Propagande. Paris, 1916. – 40 p.
13. Baudrillart A. Une Campagne française. Paris, 1918. – 286 p.
14. Berger M., Allard P. Les secrets de la censure pendant la guerre. Paris, 1932. – 382 p.
15. Bloch M. Memoirs of War. 1914–1915. London, 1980. – 184 p.
16. Célarié H. Au pair: une française en Allemagne. Paris, 1911. – 268 p.
17. Creel G. How we advertised America. New-York, 1920. – 466 p.
18. Daudet L. L'avant-guerre: études et documents sur l'espionnage juif-allemand en France depuis l'affaire Dreyfus. Paris, 1913. – 312 p.
19. Déroulède P. 1870: Feuilles de route. Paris, 1907. – 319 p.
20. Désiré L. Souvenirs d'un prisonnier de guerre en Allemagne 1870–1871. Paris, 1899. – 236 p.
21. Gibbs P. L'âme de la guerre. Paris, 1916. – 310 p.
22. Gibbs P. Ten Years After: A Reminder. London, 1924. – 190 p.
23. Grüße an die Heimat, Briefe deutscher Kriegsgefangenen, 1917.
24. Hall J. N., Nordhoff C. B. The Lafayette flying corps. Boston, 1920. – 361 p.
25. Hallays A. A travers l'Alsace. Paris, 1911. – 342 p.
26. Hansi, Tonnelat E. À travers les lignes ennemies. Paris, 1922. – 191 p.
27. Hoche J. L'empereur Guillaume II intime. Paris, 1906. – 287 p.

28. Huret J. En Allemagne: De Hambourg aux marches de Pologne. Paris, 1908. – 497 p.
29. Huret J. En Allemagne: La Bavière et la Saxe. Paris, 1911. – 458 p.
30. Huret J. En Allemagne: Rhin et Westphalie. Paris, 1907. – 530 p.
31. Klotz L.-L. De la Guerre à la paix: souvenirs et documents. Paris, 1924. – 253 p.
32. Laglains J. Mémoires d'un censeur. Paris, 1924. – 208 p.
33. Malleray H. C. J. M. Impressions d'un soldat: A travers l'Allemagne. Paris, 1914. – 307 p.
34. Masterman L. C. F. G. Masterman. London, 1939. – 400 p.
35. Méténier O. Les Berlinois chez eux: Vertus et Vices allemands. Paris, 1905. – 281 p.
36. Noussanne H. Le véritable Guillaume II. Paris, 1904. – 404 p.
37. Valéry P. Une conquête méthodique. Paris, 1925. – 66 p.
38. Wellman W. A. Go Get 'Em. Boston, 1918. – 284 p.
39. Zweig S. The World of Yesterday. New York, 1943. – 448 p.

Периодические издания

1. Bulletin de la Ligue Antiallemande, 1914.
2. L'Humanité, 1914.
3. L'Intransigeant, 1914.
4. La Baïonnette, 1915-1916.
5. La Revue de Paris, 1916.
6. La Revue Franco-Suisse, 1916.
7. Le Figaro, 1913-1915.
8. Le Journal, 1914.
9. Le Matin, 1913-1915.
10. Le Mot, 1915.
11. Le Petit Parisien, 1914-1915.
12. Le Rire rouge, 1914.

13. Le Temps, 1913-1915.
14. L'Illustration, 1899-1914.
15. Revue de deux Mondes, 1915.

Публицистика

1. Барбюс А. Огонь. М., 1982. – 318 с.
2. Верн Ж. Пятьсот миллионов бегумы. М., 2019. – 544 с.
3. Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. М., 2020. – 256 с.
4. Albin P. Tous les journaux du front. Paris, 1915. – 111 p.
5. Ardant G. M., Desgranges J. M, Poncheville C. L'éveil de l'âme française devant l'appel aux armes. Paris, 1916. – 224 p.
6. Balder S. Wilhelm II. annoch deutscher Kaiser, wir klagen Dich an! 1916. – 80 s.
7. Baudrillart A. La guerre allemande et le catholicisme. Paris, 1915. – 298 p.
8. Bédier J. Les Crimes allemands d'après des témoignages allemands. Paris, 1915. – 39 p.
9. Begouën H. Les Catholiques allemands jadis et aujourd'hui: quelques précédents au cas du cardinal Mercier. Paris, 1915. – 47 p.
10. Bloy L. Sueur de sang. Paris, 1893. – 358 p.
11. Bourcier E. Les soldats et la presse // La Revue de Paris. 1916, 15 juin. P. 855-867.
12. Bourgin H. Pourquoi nous détestons et pourquoi nous voulons détruire le militarisme allemande. Paris, 1916. – 14 p.
13. Brunel G. Les Incidents Franco-Allemands de 1871 à 1914. Paris, 1917. – 122 p.
14. Bruno G. Le tour de la France par deux enfants. Paris, 1877. – 322 p.
15. Cahu T., Forest L. L'oubli? // L'Illustration. 1899, 29 juillet – 04 décembre.
16. Capus A. La Presse pendant la Guerre // La Revue Hebdomadaire. 1915, 13 mars. P. 109-127.
17. Chambry R. La vérité sur Louvain. Paris, 1915. – 60 p.

- 18.Chenu C. La Ligue des patriotes: son programme, son passé, son avenir. Paris, 1916. – 136 p.
- 19.Déroulède P. Chants du soldat: marches et sonneries. Paris, 1884. – 118 p.
- 20.D'Ivoi P., le colonel Royet. La patrie en danger: histoire de la guerre future. Paris, 1905. – 1340 p.
- 21.Doumergue E. L'Allemagne religieuse. Paris, 1915. – 64 p.
- 22.Espé de Metz G. 70 cinq tableaux de la guerre. Paris, 1911. – 270 p.
- 23.Fernau H. Durch! Zur Demokratie. Bern, 1917. – 269 s.
- 24.Fernau H. Gerade weil ich Deutscher bin. Zurich, 1916. – 88 s.
- 25.Fouad G. L'Allemagne historique, intellectuelle, morale. Paris, 1916. – 107 p.
- 26.Fuglistier A. Louvain, ville martyre. Paris, 1916. – 211 p.
- 27.Gaultier P. La mentalité allemande et la guerre. Paris, 1916. – 119 p.
- 28.Genevoix M. Sous Verdun. Paris, 1916. – 271 p.
- 29.Grelling R. J'accuse. London, 1916. – 456 p.
- 30.Grelling R. Le crime. Paris, 1918. – 303 p.
- 31.Griselle E. Le Martyre du Clergé français // Pages actuelles. Paris, 1915. Vol. 51. – 74 p.
- 32.Grumbach S. Das Misstrauen. Lausanne, 1918. – 85 s.
- 33.Grumbach S. Die Schuldfrage. Lausanne, 1918. – 139 s.
- 34.Gsell P. Edith Cavell. Paris, 1916. – 64 p.
- 35.Hansi. L'Histoire d'Alsace: racontée aux petits enfants d'Alsace et de France. Paris, 1913. – 104 p.
- 36.Hansi. Mon village. Ceux qui n'oublient pas. Images et commentaires par l'oncle Hansi. Paris, 1913. – 32 p.
- 37.Ibanez V. Le Monde espagnol et la France. Paris, 1915. – 161 p.
- 38.Jorgensen J. La cloche Roland. Paris, 1919. – 235 p.
- 39.L'Alsace-Lorraine et la frontière du Nord-Est // Travaux du Comité d'études. Paris, 1918. – 453 p.

40. Latzarus L. Les Journaux pendant la Guerre. Notes d'un journaliste // La Revue de Paris. 1915, 15 avril. P. 753-777.
41. Marion A. Guerre européenne de 1914-15-16-17: histoire officielle et illustrée des crimes allemands en France et en Belgique. Paris, 1917. – 80 p.
42. Marre F. La Chimie meurtrière des Allemands // Pages actuelles. Paris, 1915. – 64 p.
43. Mélot A. Le martyr du clergé belge. Paris, 1915. – 63 p.
44. Monnier H. Le Dieu allemand et la Réforme. Paris, 1915. – 16 p.
45. Narsy R. Le supplice de Louvain: faits et documents. Paris, 1915. – 206 p.
46. Paquier J. Le protestantisme allemand: Luther - Kant - Nietzsche. Paris. 1915. – 141 p.
47. Radiguet M., Arnac M. Mode in Germany: ligue contre le mauvais goût anglo-français. Paris, 1914. – 16 p.
48. Régamey J. Jeune Alsace. Paris, 1909. – 176 p.
49. Régamey J., Régamey F. L'Allemagne ennemie. Paris. 1913. – 300 p.
50. Spanner A. Hass- und greuelbilder, eine waffe unserer feinde. 1918. – 171 s.
51. Verrier P. La Haine allemande (contre les Français) Impressions d'Allemagne. Paris, 1915. – 62 p.
52. Wampach G. Le dossier de la guerre, Paris. 1915. Vol 1-3.
53. Wetterlé E. L'Allemagne qu'on voyait et celle qu'on ne voyait pas. Paris, 1915. – 316 p.
54. Zola E. Les Soirées de Médan. Paris, 1955. – 290 p.

Исследовательская литература.

1. Аникеев В. Е. История французской прессы. М., 1999. – 55 с.
2. Ашин Г. К. Элитология. М., 2005. – 600 с.
3. Беккер Ж.-Ж. Первая мировая война. М., 2006. – 158 с.
4. Бережной А. Ф. Углубляясь в историю печати. СПб., 1996. – 126 с.
5. Бернейс Э. Пропаганда. М., 2010. – 208 с.
6. Блажнов Е. А. Пропаганда и журналистика. М., 1982. – 128 с.

7. Блументаль Ф.Л. Буржуазная политработа в мировую войну, 1914-1918. М., 1928. – 168 с.
8. Виноградов В. Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 62-74.
9. Волкогонов Д. А. Психологическая война. М., 1984. – 320 с.
10. Вольтман Л. Политическая антропология. М., 2000. – 448 с.
11. Вороненкова Г. Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие средств массовой информации Германии (исторические предпосылки, особенности становления и эволюция, типологические характеристики, структура, состояние на рубеже тысячелетий). М., 2011. – 643 с.
12. Галкина Ю. М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. исторических наук. Екатеринбург, 2019. – 211 с.
13. Галкина Ю.М. Коммеморативные практики пятидесятилетия Первой мировой войны во Франции (1964-1968) // Клио. 2019. №8. С. 66-75.
14. Галкина Ю.М. Организация и деятельность службы разведки Франции в Мурманске в апреле – августе 1918 года // Вестник САФУ. 2019. №5. С. 15-26.
15. Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М., 2000. – 768 с.
16. Горбачевский Б. С. Оружие мысли. М., 1991. – 192 с.
17. Гриняев С. Н. Интеллектуальное противодействие информационному оружию. М., 1999. – 232 с.
18. Евдокимова Н. П., Виватенко С. В. Раймон Пуанкаре – президент Франции. СПб., 2006. – 171 с.
19. За кулисами французской печати. М.-Л., 1926. – 193 с.
20. Забелина Н. Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. исторических наук. М., 2011. – 265 с.
21. Лайнбарджер П. Психологическая война. М., 1962. – 352 с.

- 22.Ланник Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и «русский след» в ее развитии. Саратов, 2012. – 535 с.
- 23.Ланник Л. В. Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016. – 523 с.
- 24.Ланник Л. В. Русский фронт, 1914–1917 годы. СПб., 2018. – 287 с.
- 25.Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.-Л., 1929. – 199 с.
- 26.Лебон Г. Психология масс. СПб., 2017. – 239 с.
- 27.Наур Ж.-И. Изображение немцев во французской карикатуре времен Первой мировой войны // Идеи и идеалы. 2015. № 4(26). С. 9-17.
- 28.Николаев В. Д. Генераторы дезинформации. М., 1984. – 96 с.
- 29.Писарев Ю. А. Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 46-57.
- 30.Почепцов Г. Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М., 2000. – 573 с.
- 31.Ревякин А. В. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 232-264.
- 32.Самбур М. В. Почтовая открытка как источник информации по истории и культуре // Вестник МГУКИ. 2013. № 4(54). С. 65-69.
- 33.Селиверстов Д. М. Антигерманская пропаганда в Великобритании накануне и в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. исторических наук. Брянск, 2017. – 262 с.
- 34.Сенявская Е. С. Образ врага в сознании участников Первой мировой войны // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 140-156.
- 35.Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. – 382 с.
- 36.Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. №2. С. 54-72.

- 37.Тарасова К. А. Культуры патриотизма в период Первой мировой войны. СПб., 2020. – 317 с.
- 38.Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871 –1919. М., 1928. – 483 с.
- 39.Туполев Б. М. Происхождение Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 4-5. С. 19-62.
- 40.Фергюсон Н. Горечь войны. М., 2019. – 400 с.
- 41.Цыкалов Д. Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2012. № 1(21). С. 85-89.
- 42.Чемберлен Х. С. Основы XIX столетия. СПб., 2012. – 478 с.
- 43.Юдин Н. В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2017. – 286 с.
- 44.Юдин Н. В. Полемика во французской печати вокруг закона о трехлетней воинской службе 1913 г.: к вопросу об общественных настроениях во Франции накануне Первой мировой войны // *Per Aspera....* 2011. №3. С. 155-167.
- 45.Юдин Н. В. Создание образа врага в пропаганде стран Антанты в начале Первой мировой войны (август-декабрь 1914) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. № 3. С. 50-58.
- 46.Aegerter E. La Pensée allemande et la Guerre. Hegel // *La Revue Hebdomadaire*. 1916, 09 septembre. P. 249-261.
- 47.Ajam M. Le problème économique franco-allemand. Paris, 1914. – 250 p.
- 48.Allain J.-C. Agadir 1911: une crise impérialiste en Europe pour la conquête du Maroc. Paris, 1976. – 471 p.
- 49.Amalvi C. La défaite «mode d'emploi»: Recherches sur l'utilisation rétrospective du passé dans les rapports franco-allemands en France entre 1870 et 1914 // *La guerre de 1870/71 et ses conséquences: actes du XX-e Colloque historique franco-allemand*. Bonn, 1990. P. 451-455.

50. Amaury F. Histoire du plus grand quotidien de la Troisième République: Le Petit Parisien 1876–1944. Paris. 1972. – 1352 p.
51. Anderson E. N. The First Moroccan Crisis 1904–1906. Hamden, 1966. – 420 p.
52. Andler C., Lavissee E. Pratique et doctrine allemandes de la guerre. Paris, 1915. – 47 p.
53. Andrew C. Théophile Delcassé and the Making of the Entente Cordiale: A Reappraisal of French Foreign Policy 1898-1905. New York, 1968. – 330 p.
54. Andrillon B. L'expansion de l'Allemagne: ses causes, ses formes, ses conséquences. Paris, 1914. – 364 p.
55. Audoin-Rouzeau S. Men at War 1914–1918: National sentiment and french journalism in France during the First World War. Providence. 1992. – 207 p.
56. Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Encyclopédie de la Grande Guerre, 1914–1918: histoire et culture. Paris, 2004. – 1342 p.
57. Bac F. Le Dilettantisme de Guillaume II // La Revue de Paris. Paris. 1916. Vol. 6. P. 190-203.
58. Baschwitz K. Der Massenwahn. München, 1924. – 275 s.
59. Baudin P. L'empire allemand et l'empereur. Paris, 1911. – 409 p.
60. Beaupré N. Écrire en guerre, écrire la guerre. France, Allemagne 1914–1920. Paris, 2006. – 296 p.
61. Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977. – 637 p.
62. Becker J.-J. La population française face à l'entrée en guerre // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 35-37.
63. Becker J.-J. Le Carnet B, les pouvoirs publics et l'antimilitarisme avant la guerre de 1914. Paris, 1973. – 226 p.
64. Becker J.-J. The Great War and the French People. New York, 1986. – 351 p.
65. Bellanger C. Histoire générale de la presse française. Paris, 1972. Vol. 3. – 688 p.

66. Bérillon E. La psychologie de la race allemande d'après ses caractères objectifs et spécifiques. Paris, 1917. – 64 p.
67. Beurier J. Information, Censorship or Propaganda? The Illustrated French Press in the First World War // *Untold War. New perspectives in First World war studies*. Boston/Leiden, 2008. P. 293-324.
68. Beyens E. L'Empereur Guillaume // *Revue de deux Mondes*. Paris. 1915. Vol. 26. P. 5-30.
69. Binoche J. Histoire des relations franco-allemandes de 1789 à nos jours. Paris, 1996. – 324 p.
70. Blandin C. Le Figaro. Deux siècles d'histoire. Paris. 2007. – 312 p.
71. Bonnefous G. Histoire politique de la Troisième République. Paris, 1967. Vol. 2. – 474 p.
72. Bourdon G. The German enigma. London, 1914. – 370 p.
73. Bruno C. Ce que dit le contrôle postal // *Vrai et faux*. 2004. P. 55-75.
74. Bruns A. Die Grundsätze und Beweisgründe der Entente-Propaganda, dargestellt an der Schweizerischen «Freien Zeitung» von Amerikas Eintritt in den Weltkrieg bis zur deutschen Revolution (1917–18). Münster, 1923. – 104 s.
75. Bruntz G. Allied propaganda and the collapse of the German Empire in 1918. London, 1938. – 246 p.
76. Burgelin H. Le mythe de l'ennemi héréditaire dans les relations franco-allemandes // *Revue des Questions Allemandes*. Paris, 1979. P. 76-88.
77. Cambon V. L'Allemagne au travail. Paris, 1910. – 265 p.
78. Charle C. Le siècle de la presse (1830–1939). Paris, 2004. – 416 p.
79. Christmas J. Le traitement des prisonniers français en Allemagne d'après l'interrogatoire des prisonniers ramenés d'Allemagne en Suisse pour raisons de santé. Paris. 1917. – 176 p.
80. Clark F. The central office of information. London, 1970. – 184 p.
81. Cochet A. L'opinion et le moral des soldats en 1916 d'après les archives du contrôle postal. Nanterre, 1986. – 1084 p.

82. Cochet F. *Survivre au front 1914-1918: Les Poilus entre contrainte et consentement*. Paris, 2005. – 263 p.
83. Collins D. *Aspects of British politics, 1904–1919*. London, 1965. – 372 p.
84. Collins L. *Theatre at War, 1914-18*. Oldham, 2004. – 263 p.
85. Collins R. *The development of censorship in World War I France*. Columbia, 1992. – 25 p.
86. Danchin E. *Destruction du patrimoine et figure du soldat allemand dans les cartes postales de la Grande Guerre*. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.openedition.org/amnis/1371> (дата обращения: 08.09.2021).
87. Daudet L. *L'avant-guerre: études et documents sur l'espionnage juif-allemand en France depuis l'affaire Dreyfus*. Paris, 1913. – 312 p.
88. Delporte C. *Les journalistes en France. 1880–1950*. Paris, 1999. – 449 p.
89. Delporte C. *Une histoire de la langue de bois*. Paris, 2009. – 384 p.
90. Demm E. *Barbusse et son feu. La dernière cartouche de la propagande de guerre française // Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2000. Vol. 197. P. 47-69.
91. Demm E. *Caricatures*. [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/caricatures> (дата обращения: 19.12.2021).
92. Demm E. *Censorship*. [Электронный ресурс]. URL: <https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/censorship> (дата обращения: 02.03.2022).
93. Doizy G. *Les cartes postales «de guerre», reflet des imaginaires collectifs?* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caricaturesetcaricature.com/2014/03/les-cartes-postales-de-guerre-reflet-des-imaginaires-collectifs.html> (дата обращения: 16.05.2021).
94. Douglas A. *War, memory, and the politics of humor: The Canard enchaîné and World War I*. Berkley, 2002. – 345 p.
95. Dubois E. *Considérations sur la guerre de 1914-1915*. Paris, 1915. – 44 p.

96. Ducrocq G. La blessure mal fermée: notes d'un voyageur en Alsace-Lorraine. Paris, 1900. – 212 p.
97. Duroselle J.-B. La Grande guerre des français 1914 1918. Paris, 1994. – 528 p.
98. Ernst W. Die antideutsche propaganda durch das Schweizer gebiet im weltkrieg, speziell die propaganda in Bayern. Munich, 1933. – 44 s.
99. Flavien B. L'Allemagne occulte le vieux Dieu allemande. Paris, 1916. – 90 p.
100. Forcade O. La censure en France pendant la Grande guerre. Paris, 2016. – 480 p.
101. Forcade O. Voir et dire la guerre à l'heure de la censure (France, 1914–1918) // Le Temps des Médias. Paris, 2005. Vol. 4. P. 50-62.
102. Fuchs F. Telegraphische Nachrichten Büros. Berlin, 1919. – 253 s.
103. Gaston H. Où va l'Allemagne? À la faillite? À la guerre? À la Révolution? Paris, 1913. – 138 p.
104. Gaultier P. Les origines de la barbarie allemande // Revue des deux mondes. 1915, 01 juillet. P. 113-144.
105. Gauvain A. Les origines de la guerre européenne. Paris, 1915. – 336 p.
106. Genton F. La guerre en chansons // Chroniques allemandes. Grenoble, 2003–2004. Vol. 10. P. 109-124.
107. Gilles B. Lectures de poilus 1914–1918: Livres et journaux dans les tranchées. Paris, 2013. – 336 p.
108. Grand-Carteret J. Le rapprochement franco-allemand par l'amélioration du sort de l'Alsace-Lorraine. Bonn, 1911. – 87 p.
109. Grandmaison C.-A. G. La Société Bibliographique. Paris, 1918. – 48 p.
110. Guirand F. Les livres diplomatiques des Nations belligérantes. Paris, 1915. – 87 p.
111. Hanotaux G. L'Aisne pendant la grande guerre. Paris, 1916. – 127 p.
112. Heiner R. Zwischen Machtpolitik und Imperialismus: Die deutsche

- Frankreichpolitik 1904–1906. Düsseldorf, 1976. – 215 s.
113. Herriot E. L'Effort Russe. Paris, 1916. – 29 p.
114. Hervé G. L'Alsace-Lorraine. Paris, 1913. – 175 p.
115. Hewitson M. Black humour: caricature in wartime // Oxford German Studies. London, 2012. Vol. 41. P. 213-235.
116. Hiley N. A new and vital moral factor: cartoon book publishing in Britain during the First World War // Publishing in the First World War: essays in book history. Basingstoke. 2007. P. 148-177.
117. Hinzelin E. L'Alsace sous le joug. Paris, 1914. – 199 p.
118. Horne J. M. State, Society and Mobilization in Europe during the First World War. Cambridge, 1997. – 292 p.
119. Huber G. Die französische propaganda im Weltkrieg gegen Deutschland 1914 bis 1918. München, 1928. – 314 p.
120. Joll J. The Origins of the First World War. New York, 1984. – 360 p.
121. Keiger J. F. V. Britain's «Union Sacrée» in 1914 // Les Sociétés européennes et la guerre de 1914–1918. Paris, 1990. P. 40-46.
122. Kohut T A. Mirror Image of the Nation. An Investigation of Kaiser Wilhelm II's Leadership of the Germans // The Leader: Psychohistorical Essays. New York, 1985. P. 179-229.
123. Lamy É. L'Institut et la guerre. Paris, 1916. – 44 p.
124. Lange F. Reines Deutschtum: Grundzüge einer nationalen Weltanschauung. Berlin, 1904. – 242 s.
125. Ledré C. Histoire de la presse. Paris, 1958. – 411 p.
126. Lefebure A. Havas: Les arcanes du pouvoir. Paris, 1992. – 410 p.
127. Lefort J. La Science et les Savants allemands. Paris, 1918. – 199 p.
128. Leroy M. L'Alsace-Lorraine: porte de France, porte d'Allemagne. Paris, 1914. – 306 p.
129. Loez A. La Grande Guerre. Paris, 2010. – 128 p.
130. Maurin J.-L. Combattre et informer: L'Armée française et les médias pendant la première guerre mondiale. Paris, 2009. – 136 p.

131. Mazé J. L'année terrible: la défense de Paris: armées du nord, des Vosges et de l'est. Tours, 1909. – 318 p.
132. Mévil A. De la paix de Francfort à la Conférence d'Algésiras. Paris, 1909. – 329 p.
133. Michon G. La préparation à la guerre. La Loi de trois ans, 1910–1914. Paris, 1935. – 229 p.
134. Miller M. B. Shanghai on the Métro: Spies, Intrigue, and the French between the Wars. Berkeley, 1994. – 448 p.
135. Mitchell A. The Xenophobic Style: French Counterespionage and the Emergence of the Dreyfus Affair // *Journal of Modern History*. 1980. Vol. 3. P. 414-425.
136. Molter B. A. Knights of the Air. London, 1918. – 244 p.
137. Morelli A. Die Prinzipien der Kriegspropaganda. Springe, 2004. – 156 s.
138. Mulligan W. The Origins of the First World War. Cambridge, 2010. – 265 p.
139. Naour J.-Y. Laughter and tears in the Great War: the need for Laughter/the guilt of humour // *Journal of European Studies*. 2001. Vol. 21. P. 265-275.
140. Navet F. Des journaux sanctionnés pour des dessins non échappés (1914-1919) // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 1994. Vol. 173. P. 35-51.
141. Nolan M. The Inverted Mirror: Mythologizing the Enemy in France and Germany, 189 –1914. New York, 2005. – 154 p.
142. Novicow J. L'Alsace-Lorraine: obstacle à l'expansion allemande. Paris, 1913. – 392 p.
143. Ogilvy-Webb M. The government explains: a study of the information services. London, 1965. – 229 p.
144. Ozouf M. L'école de la France: essais sur la Révolution, l'utopie et l'enseignement. Paris, 1984. – 424 p.

145. Paris M. Film/Cinema (France) [Электронный ресурс]. URL: https://encyclopedia.1914-1918-online.net/article/filmcinema_france (дата обращения: 12.06.2022).
146. Peterson H. C. Propaganda for war: the campaign against American neutrality, 1914–1917. Norman, 1939. – 357 p.
147. Petit G., Leudet M. Les Allemands et la science. Paris, 1916. – 375 p.
148. Pilant P. Le péril allemand. Paris, 1913. – 248 p.
149. Plenge J. Deutsche propaganda: Die lehre von der propaganda als praktische gesellschaftslehre. Bremen, 1922. – 80 s.
150. Poidevin R. La peur de la concurrence allemande en France avant 1914 // 1914. Les psychoses de guerre. Rouen, 1985. P. 77-84.
151. Ponsonby A. Falsehood in Wartime. London, 1928. – 192 p.
152. Rajsfus M. La Censure militaire et policière 1914–1918. Paris, 1999. – 336 p.
153. Reimer J. Ein Pangermanisches Deutschland. Leipzig, 1905. – 418 p.
154. Renouvin P. The Forms of war government in France. New Haven, 1927. – 166 p.
155. Rose T. Aspects of political censorship 1914–1918. Hull, 1995. – 145 p.
156. Rostand E. Les livres de la guerre, août 1914, août 1916. Paris, 1916. – 178 p.
157. Rühlmann P. M. Kulturpropaganda. Charlottenburg, 1919. – 170 s.
158. Sanders M. L., Taylor P.M. British propaganda during the First World War. London, 1982. – 320 p.
159. Schor R. La France dans la Première Guerre mondiale. Paris, 1997. – 128 p.
160. Schulte A. Frankreich und das linke Rheinufer. Stuttgart, 1918. – 364 s.
161. Schulte S. L. Das Bild als Waffe. Die französische Bildpropaganda im Weltkrieg. Würzburg, 1938. – 186 s.

162. Schulz-Besser E. Die Karikatur im Weltkrieg. Leipzig, 1915. – 108 p.
163. Silverman D. P. Reluctant Union: Alsace-Lorraine and Imperial Germany 1871–1918. Pennsylvania, 1972. – 272 p.
164. Smith L. V., Audoin-Rouzeau S., Becker A. France and the Great War, 1914 –1918. Cambridge, 2003. – 222 p.
165. Sorlin P. French Newsreels of the First World War // Historical Journal of Film, Radio and Television. 2004. Vol. 24. P. 507-515.
166. Squires J. D. British Propaganda at home and in the United States from 1914 to 1917. Cambridge, 1935. – 113 p.
167. Stark G. D. Banned in Berlin. Literary Censorship in Imperial Germany, 1871–1918. New York, 2009. – 342 p.
168. Stern-Rubarth E. Die propaganda als politisches instrument. Berlin, 1921. – 123 p.
169. Tardieu A. France and the alliances: The struggle for the balance of power. New York, 1908. – 338 p.
170. Teitelbaum M. S., Winter J. M. The fear of population decline. Orlando, 1985. – 201 p.
171. Thimme H. Weltkrieg ohne Waffen. Die Propaganda der Westmächte gegen Deutschland, ihre Wirkung und ihre Abwehr. Berlin, 1932. – 293 s.
172. Tönnies F. Kritik der öffentlichen Meinung. Berlin, 1922. – 583 p.
173. Topitsch K. Die Greuelpropaganda in der Karikatur // Bildpropaganda im Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2000. S. 49-91.
174. Verhey J. The Spirit of 1914: Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006. – 284 p.
175. Vic J. La Littérature de guerre. Paris, 1923. Vol. 2. – 812 p.
176. Welch D. Germany, propaganda and total war 1914–1918: the sins of omission. London, 2000. – 355 p.
177. Wetterlé E. L'Anticatholicisme allemande // La Revue hebdomadaire. 1918, 27 avril. P. 436-451.

178. Winter J. M. The Experience of World War I. Edinburgh, 1988. – 256 p.
179. Winter J. M., Baggett B. 14-18: Le grand bouleversement. Paris, 1997. – 432 p.
180. Woltmann L. Die Germanen und die renaissance in Italien. Leipzig, 1905. – 216 p.
181. Woltmann L. Germanen in Frankreich. Jena, 1907. – 232 p.

Приложения

Приложение 1

Рисунок «Эльзас как женщина, взятая в заложницы»

Émile Hinzelin. L'Alsace sous le joug qui se brise. Paris, 1914.

Приложение 2

Рисунок «Эльзас как женщина, взятая в заложницы»

Gaston Phelip. Voix d'Alsace et de Lorraine. Paris, 1911.

Voix
d'**A**lsace et de **L**orraine

GASTON PHELIP

PRÉFACE DE MAURICE BARRÈS
de l'Académie française

ÉDITIONS ET LIBRAIRIE
PARIS, 40, RUE DE SEINE

Приложение 3

Рисунок на обложке журнала «Simplicissimus» от 08.07.1912. Надпись:
«Вы слышали, что в Германии нашли способ рожать детей без мужчин? Бог мой, а у нас они даже с мужчинами не получаются!»

Приложение 4

Рисунок из книги Д. Гран-Картрэ «Дело Дрейфуса и изображение: 266 французских и иностранных карикатур» Надпись: «Франция и Россия. Ревнивая Марианна готовится обрушить ярость на скромную Германию, за которой ухаживает Россия»

Приложение 5

Рисунок из немецкого журнала «Kladderadatsch» от 27.04.1913.

Марианна возглавляет толпу против немецких туристов в Нанси. Надпись:

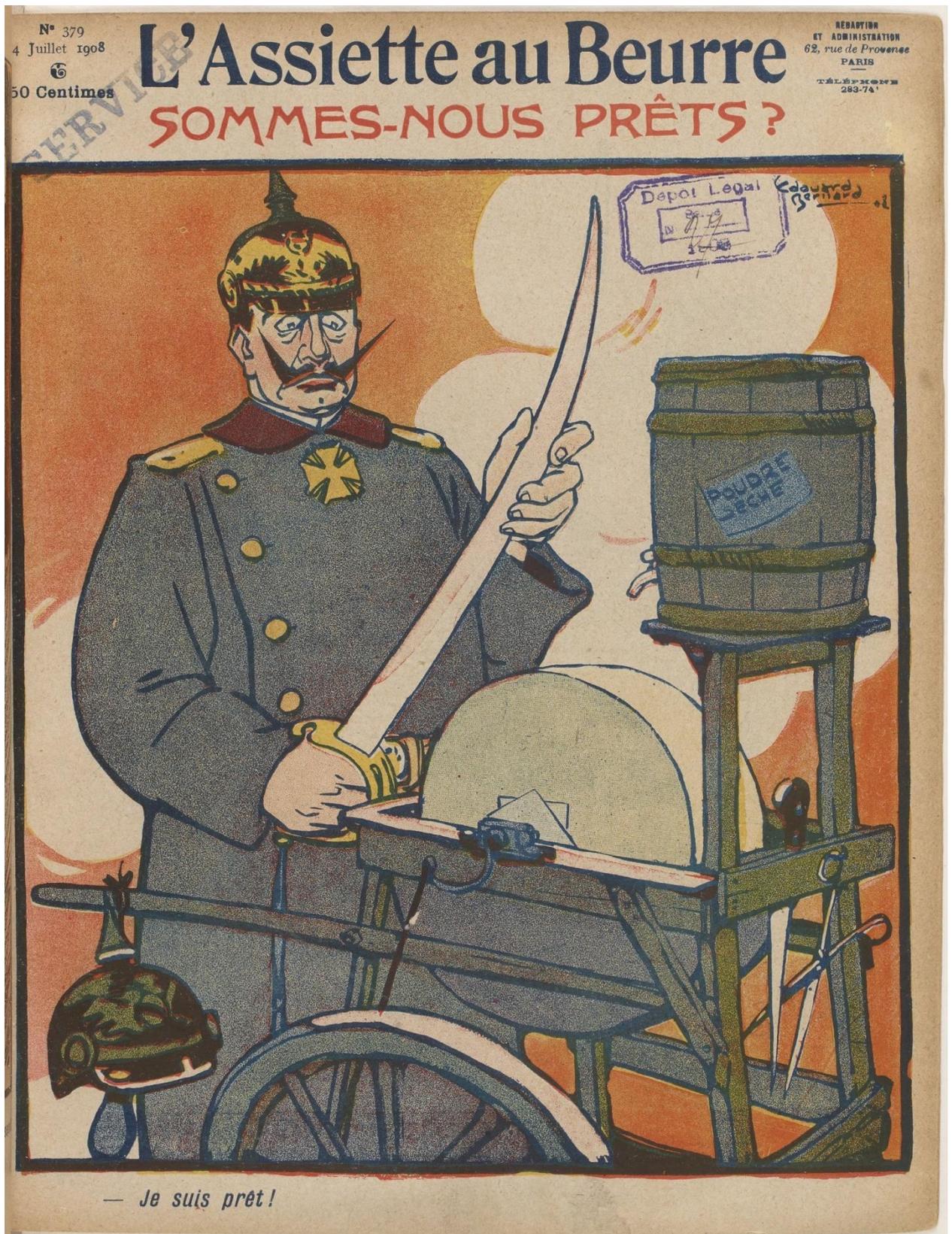
«Следуйте за мной! День славы нашей страны настал!»

Приложение 6

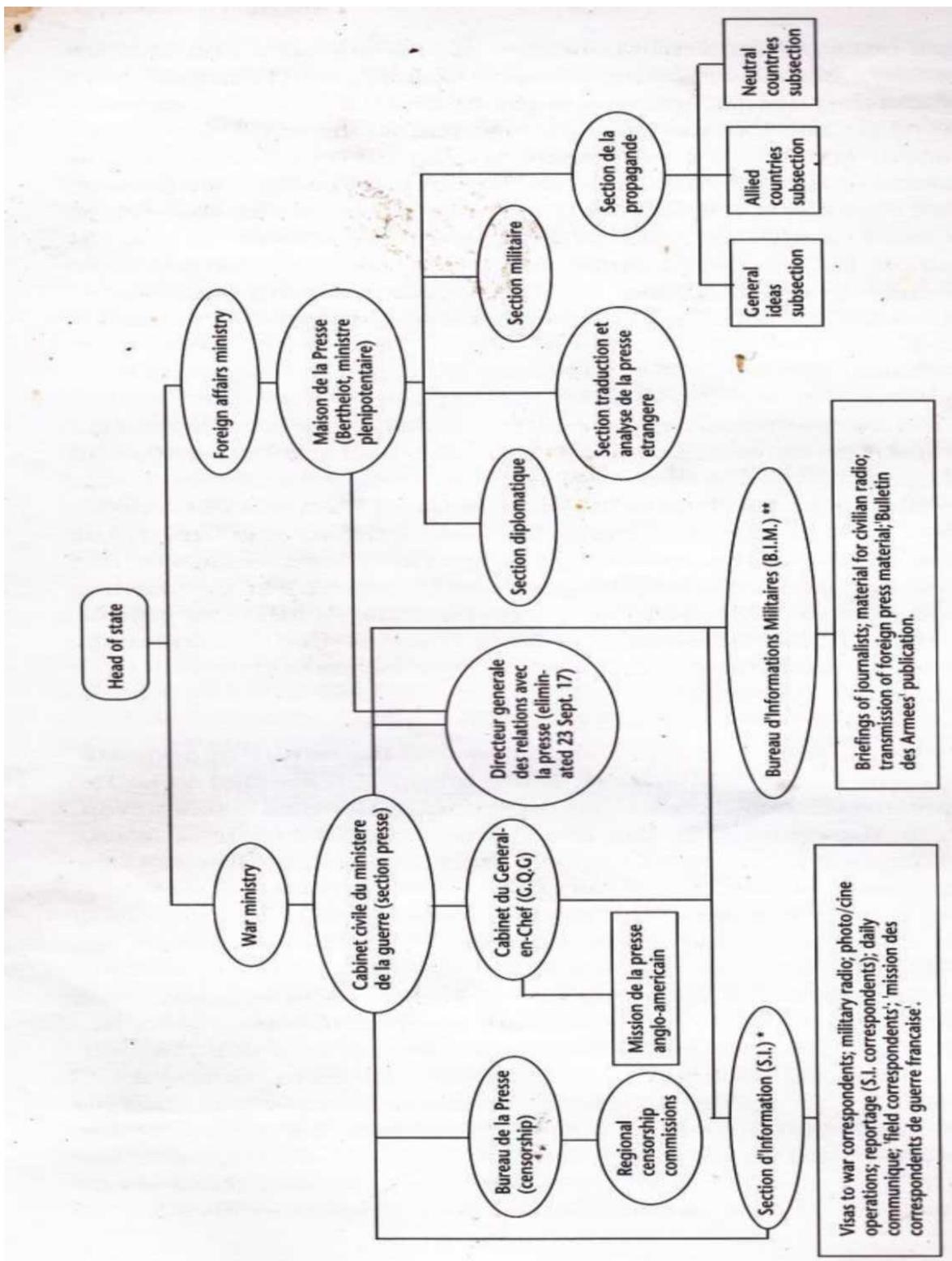
Рисунок из французского журнала «L'Assiette au Beurre» от 04.07.1908

Надпись: «Вы готовы? Я готов»

Приложение 7

Информационная система официальной пропаганда Франции

Приложение 8

Фотография «Дома печати»

IL FAUT FERMER LES KLAQUEMENTS DE MONACO

Comment l'on dévalise chez Camille Blanc

La principale raison pour laquelle il faut fermer les deux abominables tripots de la tribu Blanc à Monaco est l'épandage incessant de la corruption...

Par malheur, le préfet des Alpes-Maritimes, M. de Joly, au lieu de démolir, a voulu réparer...

La deuxième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le dixième raison pour laquelle il faut fermer les kluquements Blanc est le scandale, en temps de guerre...

Le spleen de la Russie

Pour exprimer une certaine disposition d'esprit, un malade indifférent à qui l'on est proposé, les Russes ont un mot presque intraduisible : spleen.

Les ouvriers d'une grande usine s'étaient mis en grève, voilà quelques mois, pour des raisons qu'on n'avait pas à découvrir.

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

Le chef de la grève, un homme d'ordre, un homme de bien, un homme de bien, un homme de bien...

ECHOS

Dimanche prochain 18 mars, à neuf heures du matin, une messe sera dite à Saint-Lambert de Vaux...

Blondiaux d'Action française (38, rue Saint-André-des-Arts) : Aujourd'hui, jeudi, à 8 h. 1/2 du soir...

Statut d'Action française : Aujourd'hui, jeudi 15, à trois heures un quart, dans la salle de la Société de Géographie...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

Le choix d'un savant dentiste est très important pour la conservation de la santé de la bouche...

LA POLITIQUE

Le secret militaire et le gouvernement

II. Dissolution

III. Qui profita ?

DEMISSION DU GENERAL LYAUTEY

Le général Lyauté a démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Vaines contre-attaques allemandes EN CHAMPAGNE

Les contre-attaques allemandes dans la région Reims-Metz-Meuse-Moselle ont été déjouées...

COMMUNIQUES FRANÇAIS

Dans la région de Langres, nous avons exécuté deux coups de main sur les tranchées allemandes...

Dans la région de Metz, nous avons exécuté deux coups de main sur les tranchées allemandes...

Dans la région de Nancy, nous avons exécuté deux coups de main sur les tranchées allemandes...

Dans la région de Verdun, nous avons exécuté deux coups de main sur les tranchées allemandes...

Dans la région de Toul, nous avons exécuté deux coups de main sur les tranchées allemandes...

Dans la région de Sedan, nous avons exécuté deux coups de main sur les tranchées allemandes...

SEANCE A LA CHAMBRE DES DEPUTES

Une Déclaration du général Lyauté

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

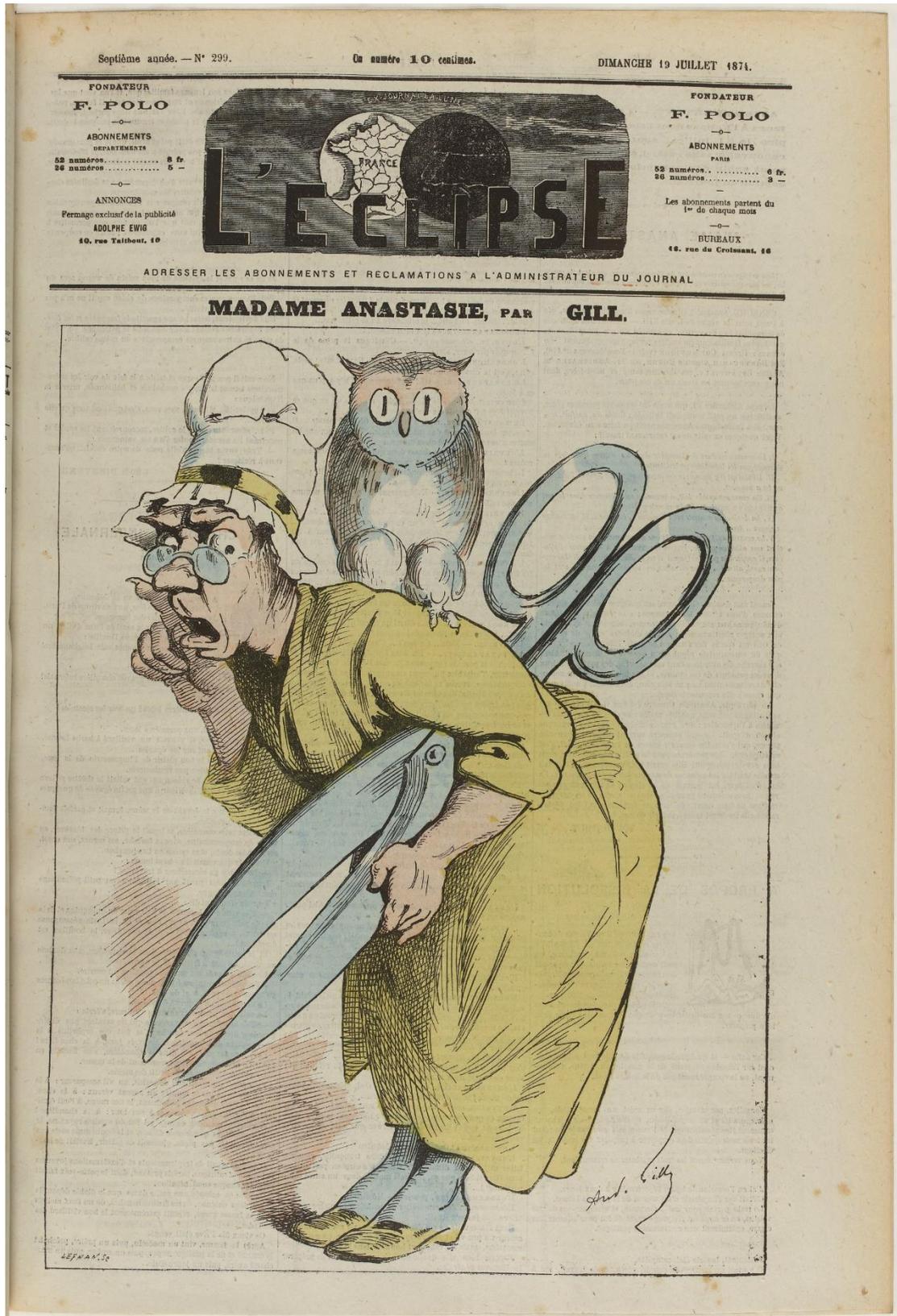
Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Le général Lyauté a déclaré à la Chambre des députés qu'il avait démissionné de son poste de commandant en chef de l'armée française en Italie...

Приложение 10

Карикатура на деятельность цензуры. Мадам «Анастасия»

Приложение 11

Кадры из газеты «Le Miroir» от 28.02.1915г., которые использовались для осуждения грабежей, мародерства и разрушений немецкой армии.

Заголовок: «Они остаются хорошими грабителями с 1870»

Приложение 12

Почтовая открытка с изображением обстрела немцами Реймского собора

Приложение 13

Карикатура Анси на немецкого офицера

Карикатура на немецкого солдата в газете «Le Matin» от 10.09.1914 г. Заголовок «Наш враг»

J'ai vu nos soldats

Dans le grand élan de solidarité de la famille française, chacun a exception faite d'une quantité insignifiante de faux braves, sans exception, s'efforce de rendre service, d'être utile en quelque chose à la cause commune. C'est que tout de suite, hélas ! à dessein, on a cherché à la liste des mérites et des vices de nos soldats, à la liste de leurs qualités et de leurs défauts, à la liste de leurs hauts et de leurs bas, à la liste de leurs succès et de leurs échecs, à la liste de leurs hauts et de leurs bas, à la liste de leurs succès et de leurs échecs, à la liste de leurs hauts et de leurs bas, à la liste de leurs succès et de leurs échecs...

LES ALLEMANDS RECULENT FRANÇAIS ET ANGLAIS LES PRESSENT AVEC VIGUEUR Et des drapeaux sont pris

Quant à nos rétrogrades, on a raison de dire qu'ils ont du mal de campagne dans le plus grand des cas, ce ne les distrait pas de leurs canards de l'activité. Ils viennent à la fois de recevoir, par les journaux, de voir d'un œil, de l'œil de la gloire? L'étendard de 30 mètres de hauteur, décoré de la Croix de la Légion d'honneur, est enlevé par les troupes de l'armée de Verdun, un des deux drapeaux qui sont portés aujourd'hui au fort de la Croix de la Légion d'honneur, un des deux drapeaux qui sont portés aujourd'hui au fort de la Croix de la Légion d'honneur...

L'archevêque des héros Le cardinal Mercier passe à Paris

Le cardinal Mercier, archevêque de Malines, est passé hier à Paris. Le vénérable prélat était allé à Reims pour le concordat de la Ville de Malines, c'est à la tradition des plus significatives de son ministère de l'épiscopat que sollicite, dans son voyage à Paris, le cardinal. Le cardinal Mercier, archevêque de Malines, est passé hier à Paris. Le vénérable prélat était allé à Reims pour le concordat de la Ville de Malines, c'est à la tradition des plus significatives de son ministère de l'épiscopat que sollicite, dans son voyage à Paris, le cardinal.

Les armées alliées

M. Millerand a reçu un ministre de la guerre du gouvernement britannique le 9 septembre. M. Millerand a reçu un ministre de la guerre du gouvernement britannique le 9 septembre. M. Millerand a reçu un ministre de la guerre du gouvernement britannique le 9 septembre. M. Millerand a reçu un ministre de la guerre du gouvernement britannique le 9 septembre.

Les opérations russes

Petrograd, 9 septembre. — Communication de l'état-major du grand quartier généralissime. Les opérations russes ont été très actives ces derniers jours. Les troupes russes ont avancé dans la direction de la ligne de front. Les opérations russes ont été très actives ces derniers jours. Les troupes russes ont avancé dans la direction de la ligne de front.

NOTRE ENNEMI

La guerre en Belgique

AVRÈS (source anglaise), 9 septembre. Les Allemands ont occupé la Belgique. Les Allemands ont occupé la Belgique.

MORT HEROÏQUE D'UN AVIATEUR RUSSE

Petrograd, 9 septembre. — Le capitaine aviateur Nesterov, au cours d'une reconnaissance aérienne, a été tué par un tir ennemi. Le capitaine aviateur Nesterov, au cours d'une reconnaissance aérienne, a été tué par un tir ennemi.

POUR REMPLACER LES DÉFUNTS

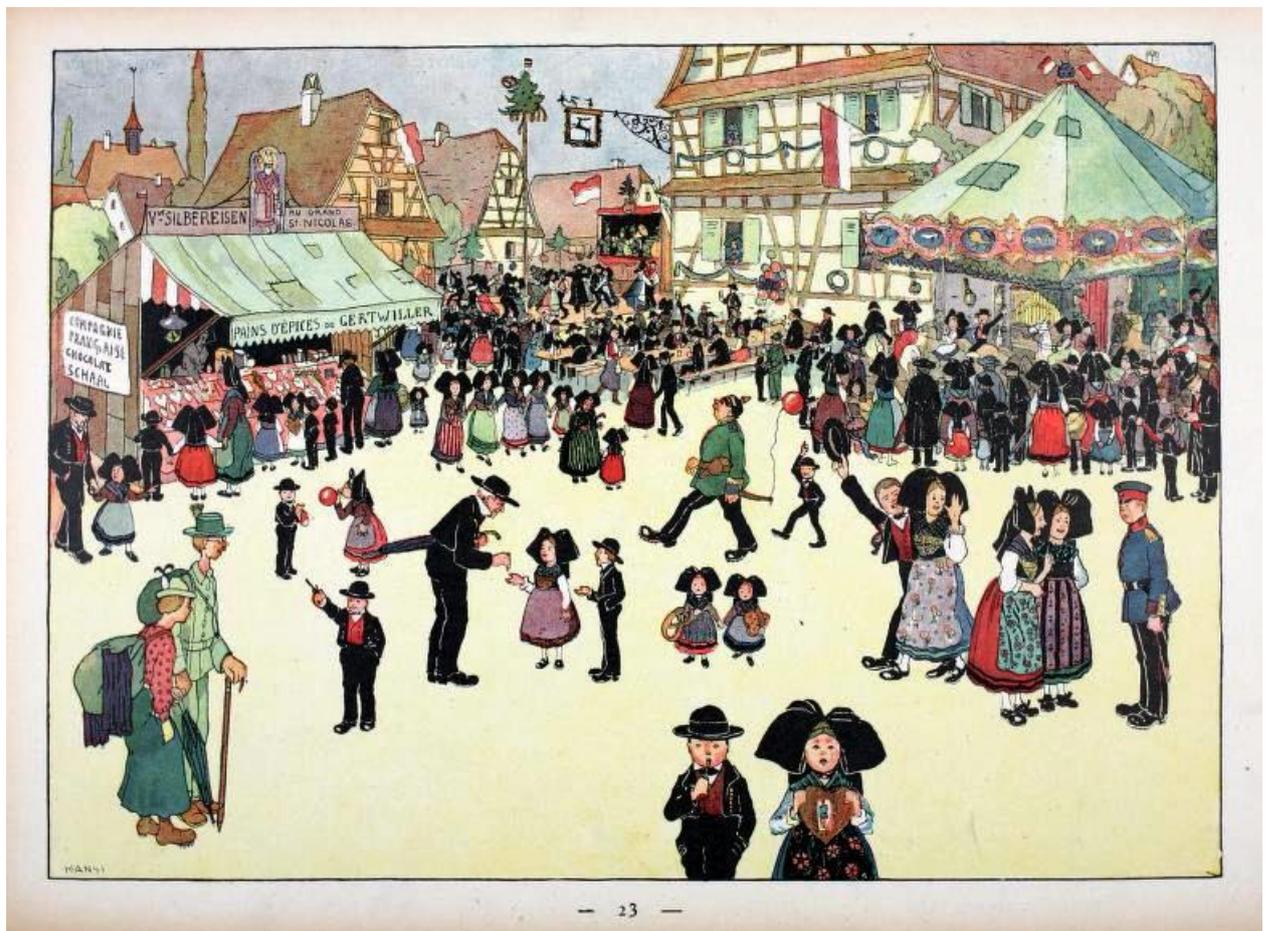
ROMANOV, 9 septembre. — Les chasseurs de Friedrichshafen ont adressé la copie d'un nouveau Zeppelin, n° 23. Les chasseurs de Friedrichshafen ont adressé la copie d'un nouveau Zeppelin, n° 23.

LE FRONT DE BATAILLE DE NANTEUIL-LE-HAUDOIN À ÉPINAL. Les hachures indiquent approximativement les positions qu'occupent à la dernière heure les armées française et anglaise.

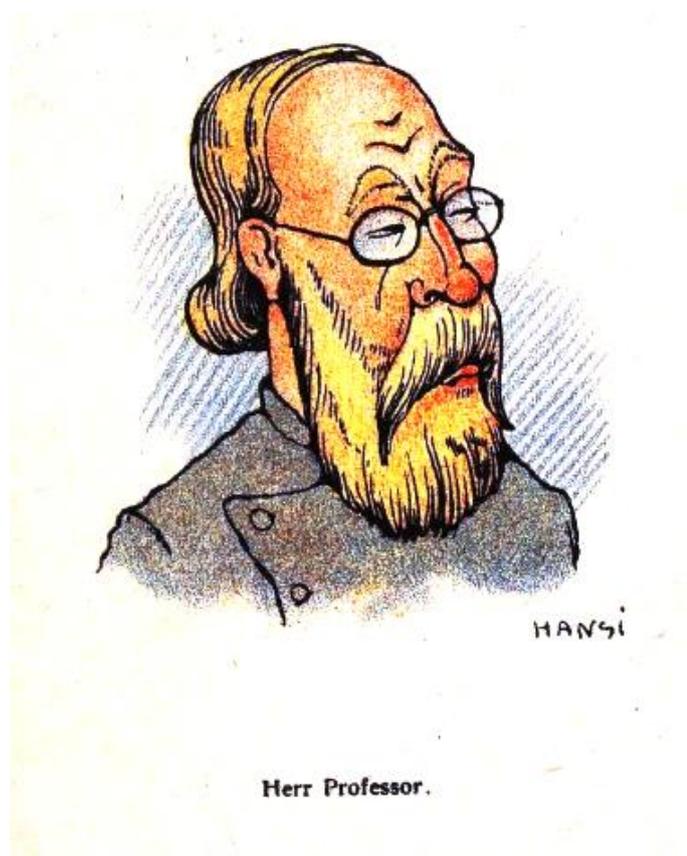
Приложение 15

Немецкий жандарм с шариком из детской книги Анси «Моя деревня. Те, кто не забывают. Фотографии и комментарии дяди Анси». Париж. 1913

Приложение 16

Карикатура Анси на представителей немецкой интеллигенции

Приложение 17

Изображение немецкого солдата и представителей интеллигенции в журнале
«La Vaïonnette» от 02.03.1916

Приложение 18

Карикатура Анси на представителя немецкого студенчества

Приложение 19

Немецкие туристы из детской книги Анси «Моя деревня. Те, кто не забывают. Фотографии и комментарии дяди Анси». Париж. 1913

Приложение 20

Карикатура на немцев, проживающих в Париже, в журнале «La Baïonnette»

от 09.09.1915

(Heimathlos, est un mot allemand qui signifie littéralement: "sans patrie" (Les Journaux.)

LEUR NOUVELLE NATIONALITÉ, PAR WEILUC

ELLE. —

L'HEIMATHLOS. — C'est que, maintenant, che représente une maison suisse-américaine.

Приложение 21

Карикатура на немцев, негодующих за лишение гражданства Франции, в журнале «La Baïonnette» от 09.09.1915

Приложение 22

Образ немецкой женщины на обложке журнала «La Baïonnette»
от 12.08.1915 г.

Приложение 23

Рисунок Луи Морина «Военная мода на пике популярности в Берлине» в «La Vaïonnette»

Le Rire

LE ROI BAVE ! — LA DERNIÈRE ÉTAPE

« Guillaume II est un velleitaire suragité dont le diagnostic doit, selon toute vraisemblance, s'établir ainsi : syphilitique tertiaire, faisant de la paralysie générale, candidat à la folie triste et à la folie furieuse. »

(Dr NEIPP, médecin-chef de l'Asile d'aliénés de Genève.)

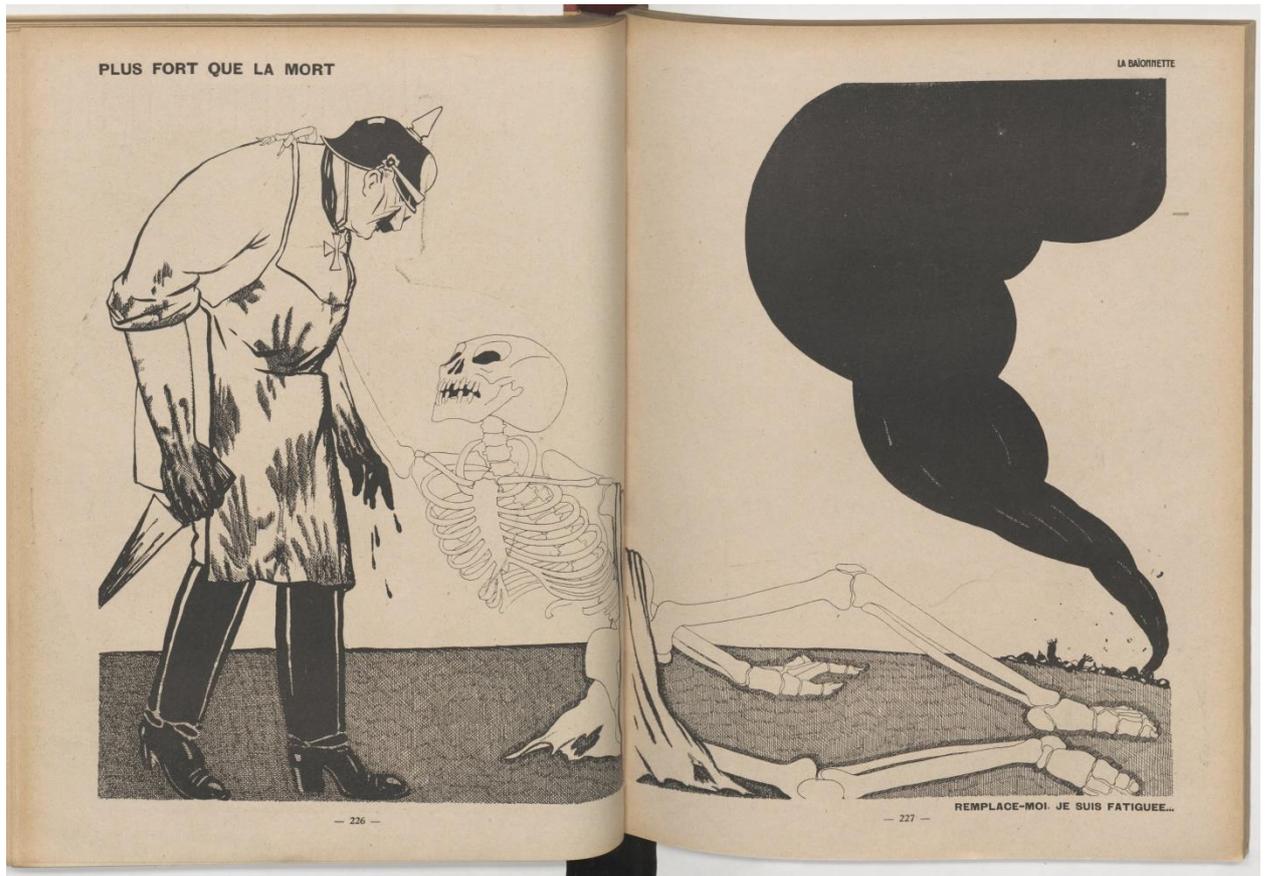

— Chut!... En ce moment, il joue à Louvain.

Dessin de H. LANOS.

Приложение 26

Карикатура на Вильгельма II в журнале «La Baïonnette» от 13.04.1916

Приложение 27

Карикатура на Вильгельма II в журнале «La Baïonnette» от 13.04.1916

Карикатура на разрыв отношений с Австро-Венгрией в газете «Le Matin» от
30.07.1914

“CASUS BELLI”

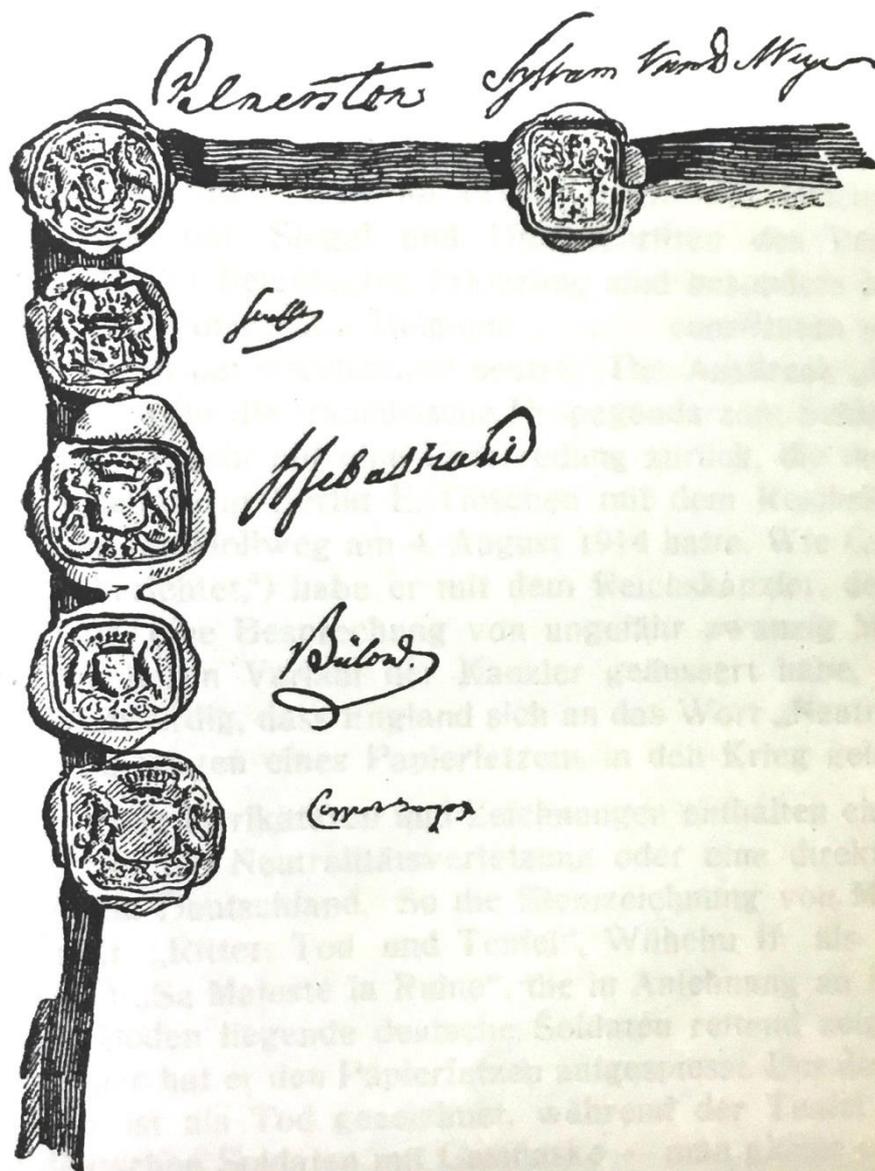

LE SERBE. — *Mais j'ai pourtant tout accepté !*
L'AUTRICHIEN. — *Oui, mais tu aurais pu ne pas accepter !*

Le Matin, 30. Juli 1914

«Клочок бумаги» в газете «L'Humanité» от 26.12.1914

Le “Chiffon de Papier”

L'Humanité, 26. Dez. 1914

Карикатура на немецкого солдата в журнале «La Vaïonnette» от 04.11.1915

Приложение 31

Карикатура на способ ведения войны немецкими солдатами в газете «Le
Matin» от 28.09.1914

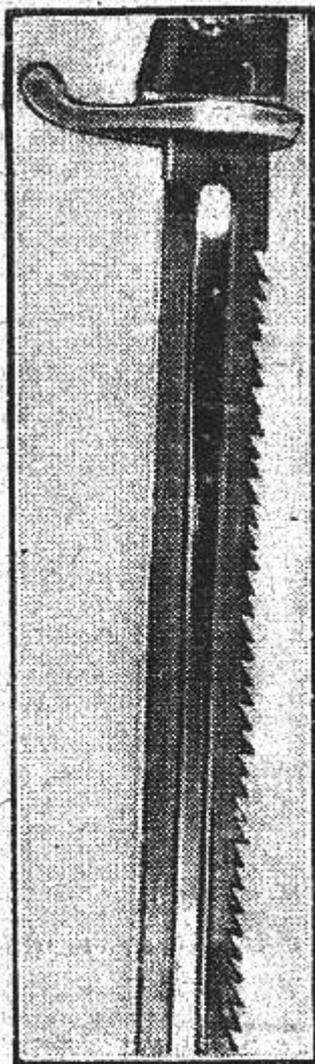
A. L'OMBRE DU DRAPEAU ALLEMAND

*Pour l'offensive se faire un rempart des vieillards, des femmes et
des enfants.*

Статья об использовании запрещенного оружия немцами в газете «Le Matin»
от 12.09.1914

UNE ARME DE LACHES

Vous avez vu dans le *Matin* la grossière silhouette de ce soudard poméranien qui veut imposer au monde la « culture allemande ».

Aujourd'hui, voyez par quelles armes il compte l'emporter sur ses ennemis.

Voici la photographie d'un sabre-baïonnette ramassé hier parmi les morts du 47e régiment d'infanterie prussienne qui gisaient à Varreddes, un petit village situé au nord de Meaux et à 8 kilomètres environ de cette ville.

Ce sabre-baïonnette a le dos taillé en dents de scie. Et ce n'est pas la fantaisie cruelle d'un soldat barbare qui seule a créé cette arme, digne d'un Malais ou d'un Indien toba; non, car beaucoup d'autres sabres semblables étaient épars sur le sol et quelques-uns

ont été relevés par des personnages officiels pour être montrés « à qui de droit ».

Il est aisé de se convaincre, en outre, qu'ils ont été façonnés à la machine et que cette cruauté est d'origine officielle.

Un engin de torture ; une baïonnette à crochets ; une arme blanche déshonorée ; voilà ce dont S. M. l'empereur Guillaume a pourvu ses soldats.

Статья об использовании запрещенных пуль «дум-дум» в газете «Le Matin»
от 05.10.1914

LES BALLES DUM-DUM

Il faut en finir avec les démentis éhontés que les Allemands opposent à l'accusation que le monde entier leur adresse d'avoir usé sans scrupule et d'user encore chaque jour de balles explosives ou « expansives », de balles dum-dum, pour les appeler par leur nom.

Nos ennemis ont même prétendu déjà qu'ils avaient été victimes de ces mêmes projectiles, employés par nos soldats, et leur grand dadais de kronprinz a osé retirer son épée au défenseur de Longwy sous prétexte qu'on avait trouvé dans cette ville, à la reddition des munitions de ce genre.

C'était un honteux mensonge, et voici la preuve que les Allemands et les Allemands seuls fabriquent, vendent et brûlent des cartouches armées de balles dum-dum. C'est la première page d'un catalogue illustré que nous avons sous les yeux :

FABRIQUE D'ARMES MAUSER
Société par actions
OBERNDORF-SUR-LE-NECKAR
(Empire allemand)

1re cartouche. — Cartouche d'armée, calibre 7,9 millimètres, avec balle à moitié emmaillotée.

2e cartouche. — Petite cartouche avec balle dont la pointe est évidée.

Balle à manteau plein.

Balle avec petite pointe de plomb.

Balle avec pointe moyenne de plomb.

Balle avec grande pointe de plomb.

Balle avec pointe évidée.

Balle entaillée et pointe évidée.

C'est donc le grand fabricant allemand d'armes et de munitions qui offre à tout venant l'horrible marchandise de guerre que la convention de la Haye a définitivement condamnée.

Et quand le kronprinz et le kaiser osent accuser d'autres pays d'avoir commis ce crime, le père et le fils mentent.

Приложение 34

Изображение увечий, полученных от пуль «дум-дум», опубликованное в официальном отчете по расследованию немецких злодеяний

Blessure produite par une balle allemande.
(V. pièces n° 33 et 34.)

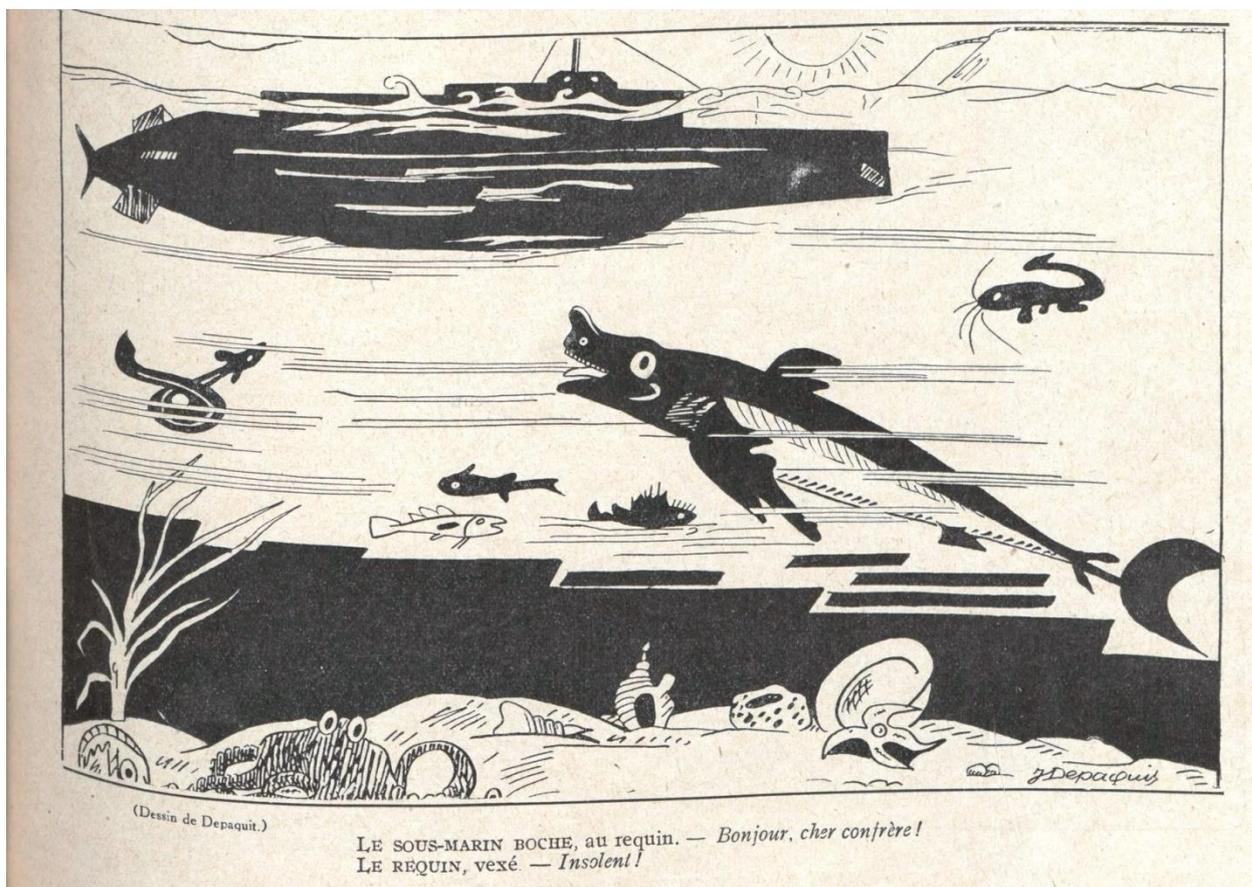

Blessure produite par une balle allemande.
(V. pièces n° 35 et 37.)

Source gallica.bnf.fr / Bibliothèque nationale de France

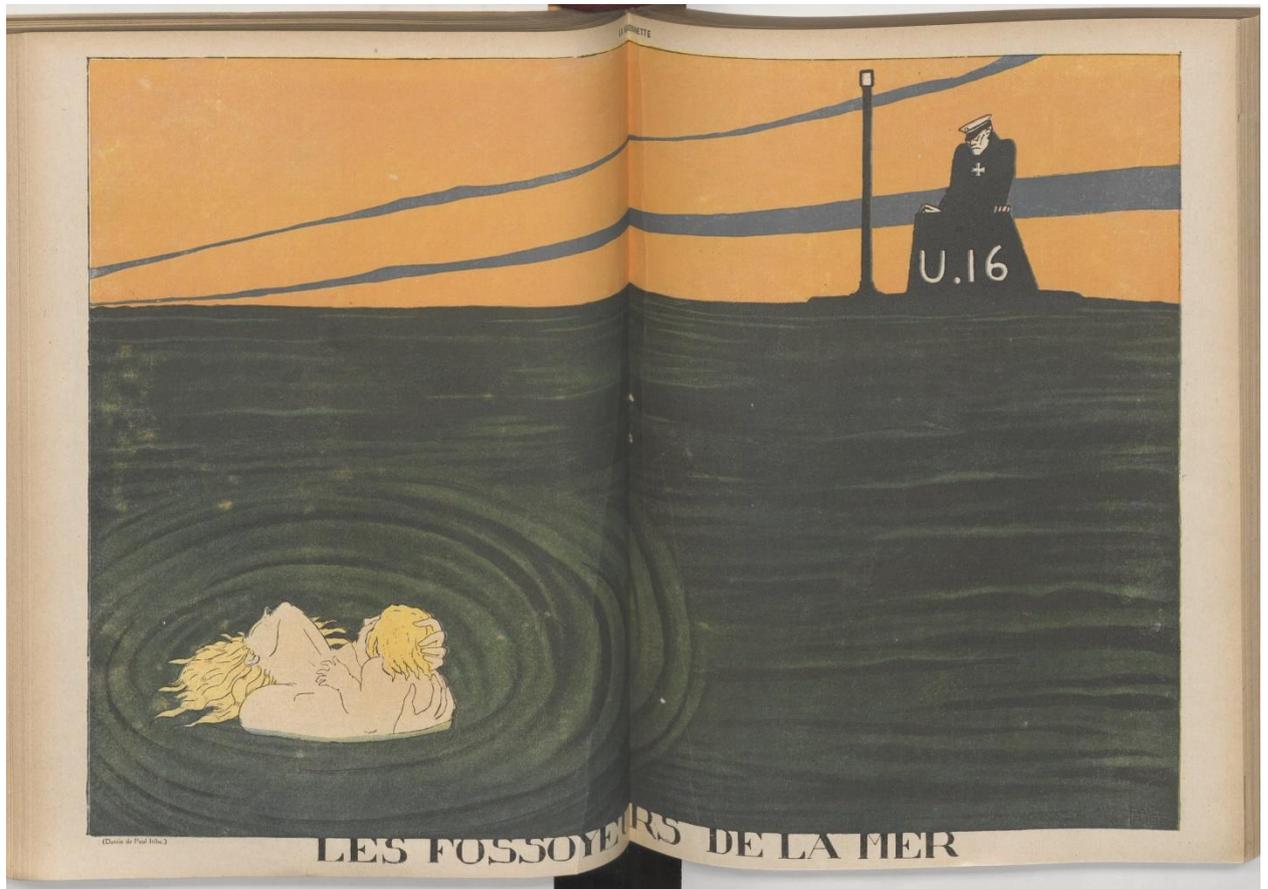
Приложение 35

Карикатура на ведение подводной войны в журнале «La Vaïonnette» от
22.06.1916

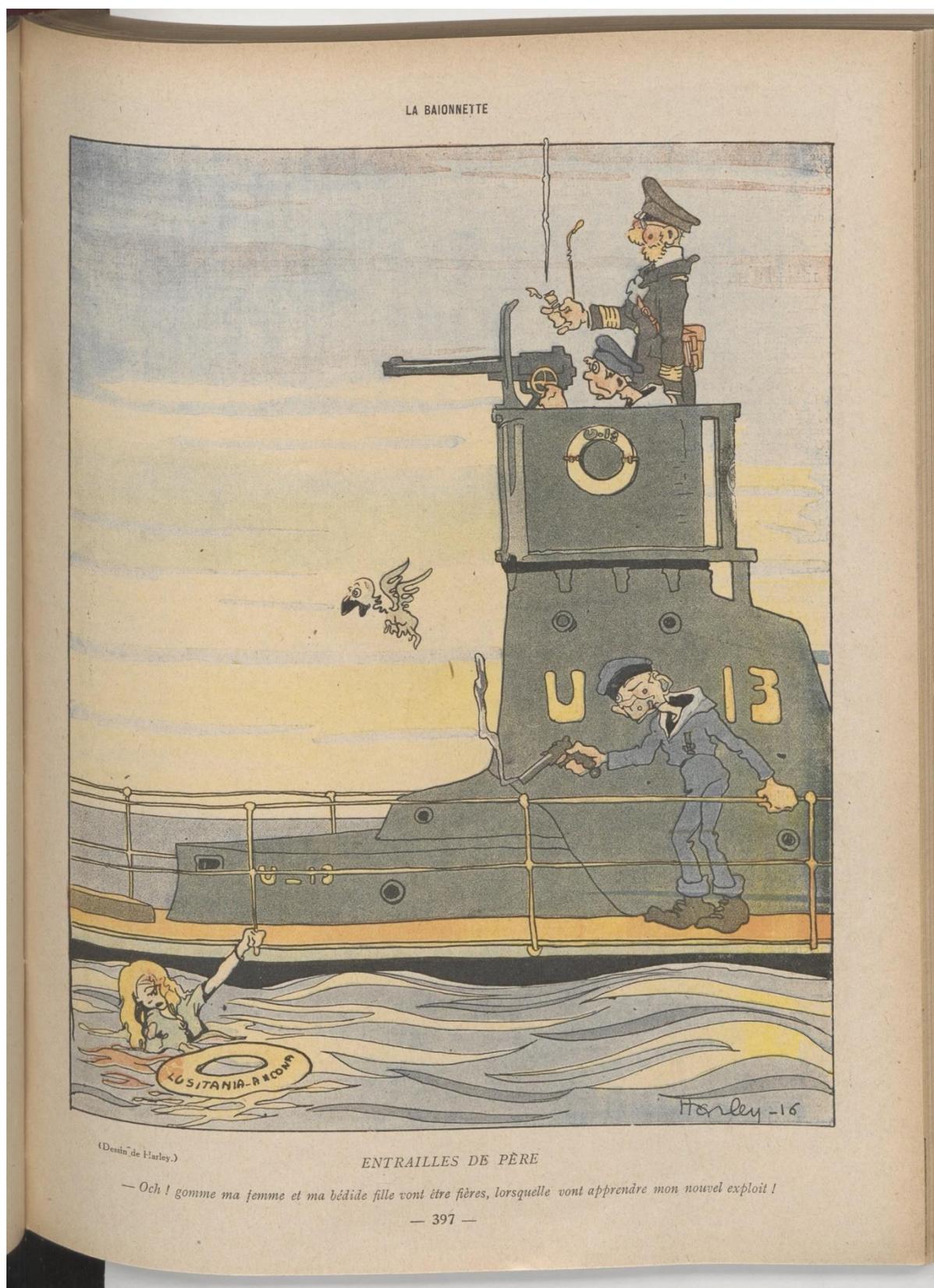
Приложение 36

Карикатура на отношение немцев к утопающим в журнале «La Vaïonnette» от 22.06.1916

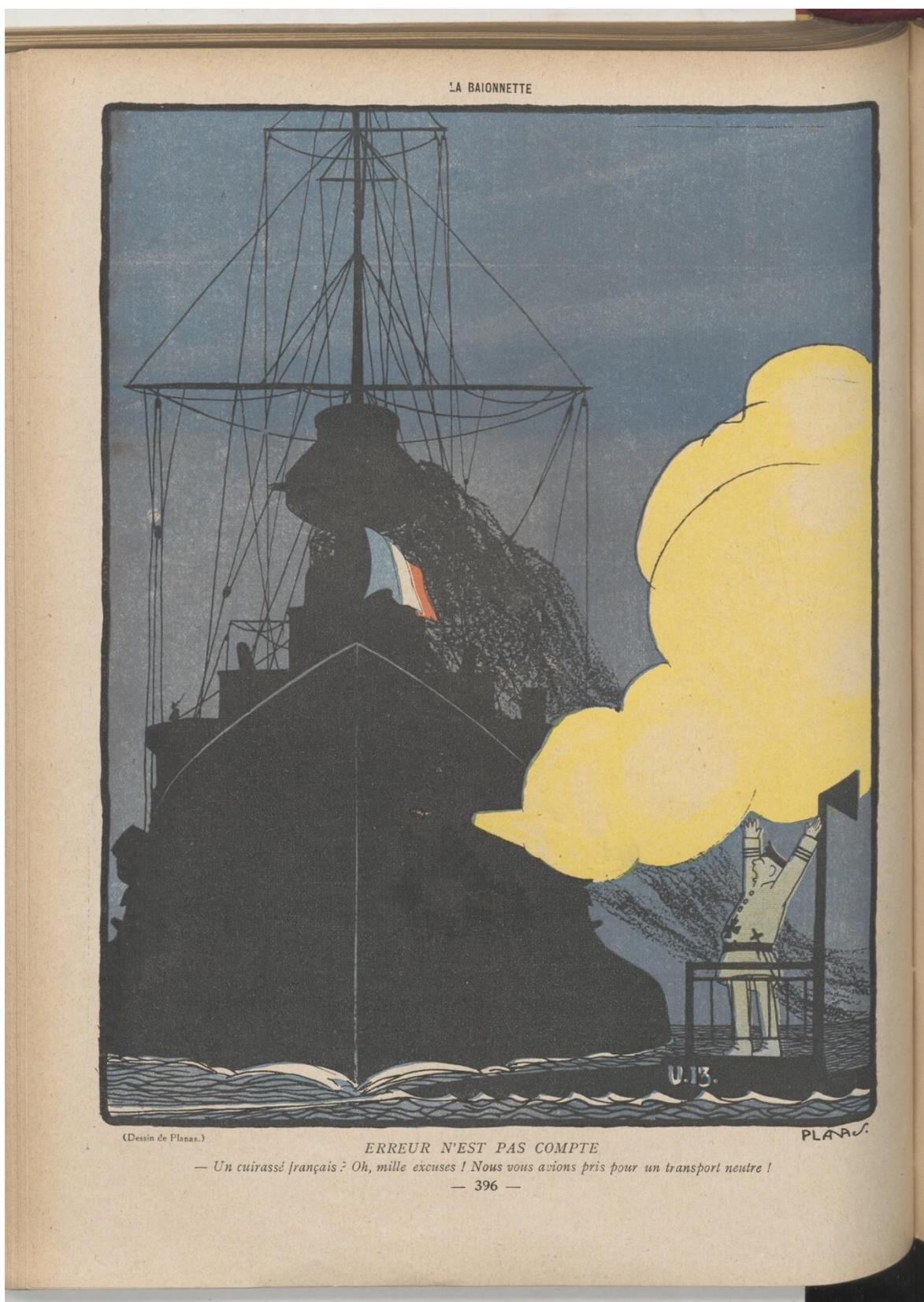
Приложение 37

Карикатура на отношение немцев к утопающим в журнале «La Baïonnette» от 22.06.1916

Приложение 38

Карикатура на ведение подводной войны в журнале «La Baïonnette» от
22.06.1916

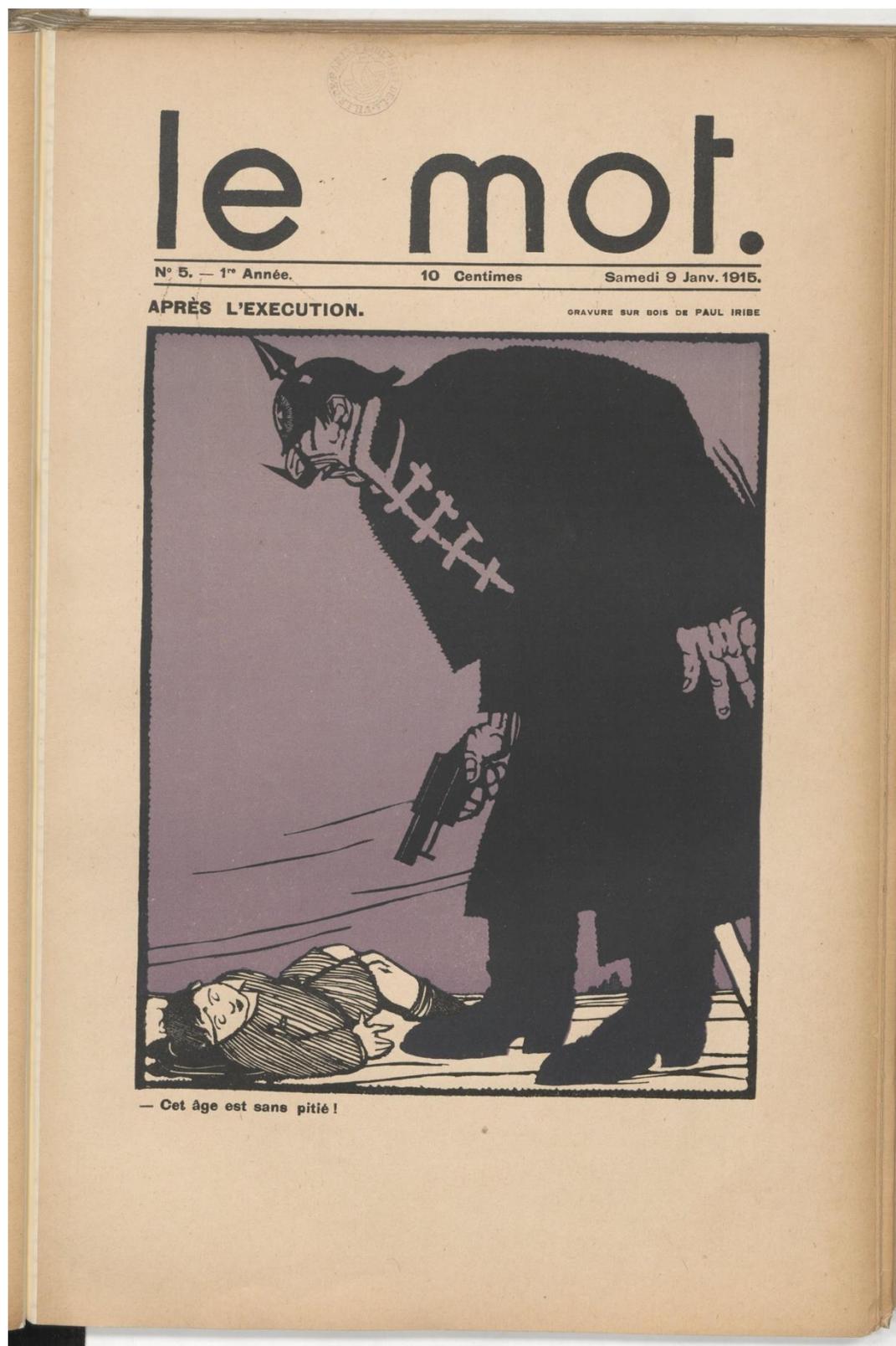
Приложение 39

Карикатура на бомбардировку городов в журнале «La Baïonnette» от
23.01.1915

Приложение 40

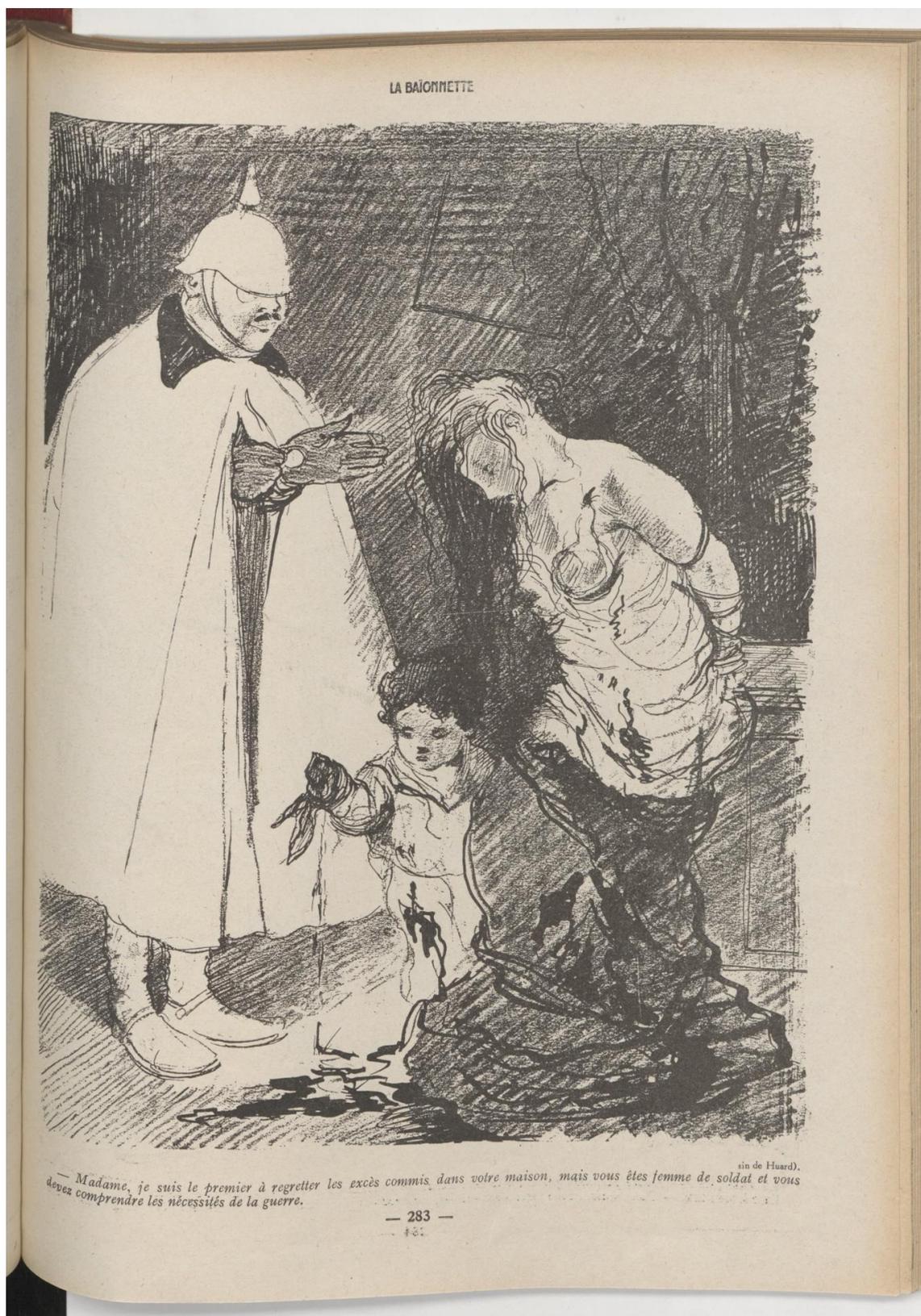
Изображение кайзера убивающего ребенка в «Le Mot» от 09.01.1915

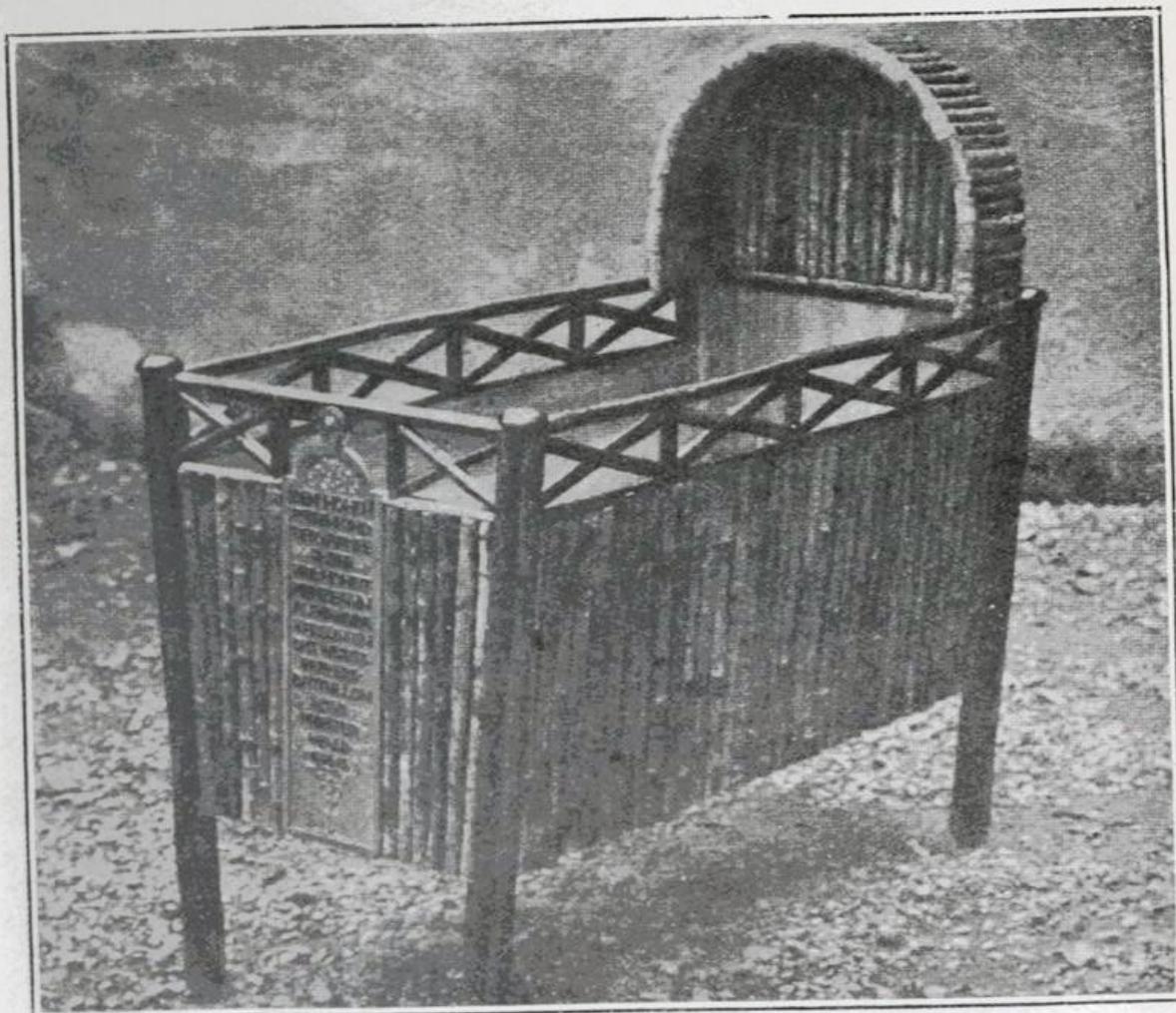
Приложение 42

Изображение зверств немецких солдат в журнале «La Vaïonnette» от
04.11.1915

Приложение 43

Изображение колыбели, сделанной из веток, с надписью: «Колыбель из дерева, окрашенная французской кровью, и подаренная армией наследного принца внучке кайзера» в *La Revue hebdomadaire*. №. 15 от 8.04.1916

(Communiqué par M. Etienne Charles.)

26 749. — Berceau fait en bois teinté de sang français, offert par l'armée du kronprinz à la petite-fille du kaiser.

Приложение 44

Образ солдата Кайзера в журнале «Le Rire» от 20.03.1915

N° 18. — 20 Mars 1915.

	France et Colonies	Etranger
Trois mois.....	3. »	4. »
Six mois.....	5.50	7.50
Un an.....	10. »	14. »

Les abonnements partent du 1er de chaque mois.

Le Rire

ROUGE

20 centimes

F. JUVEN, éditeur
1, rue de Choiseul
PARIS

Toute demande de changement d'adresse doit être accompagnée de 50 centimes pour frais divers.

EDITION DE GUERRE DU JOURNAL "LE RIRE", PARAISSANT LE SAMEDI

Copyright 1915, by LE RIRE, PARIS

LE SOLDAT DU KAISER

En réalité, les faits de cette guerre prouvent qu'aucune armée au monde n'a un esprit militaire aussi id'ul... et que les lois de la guerre interdisant le pillage, le meurtre et le viol ne sont nulle part aussi sévèrement observées que dans l'armée allemande.

(Gazette de Francfort.)

L.M.

..... propre, coquet, discret, sobre, chaste et bon enfant.

Dessin de L. MÉIVET.

12 LA CHIMIE MEURTRIÈRE DES ALLEMANDS

Pulvérisateurs à pétrole et à benzine.

D'abord des hommes, portant sur le dos

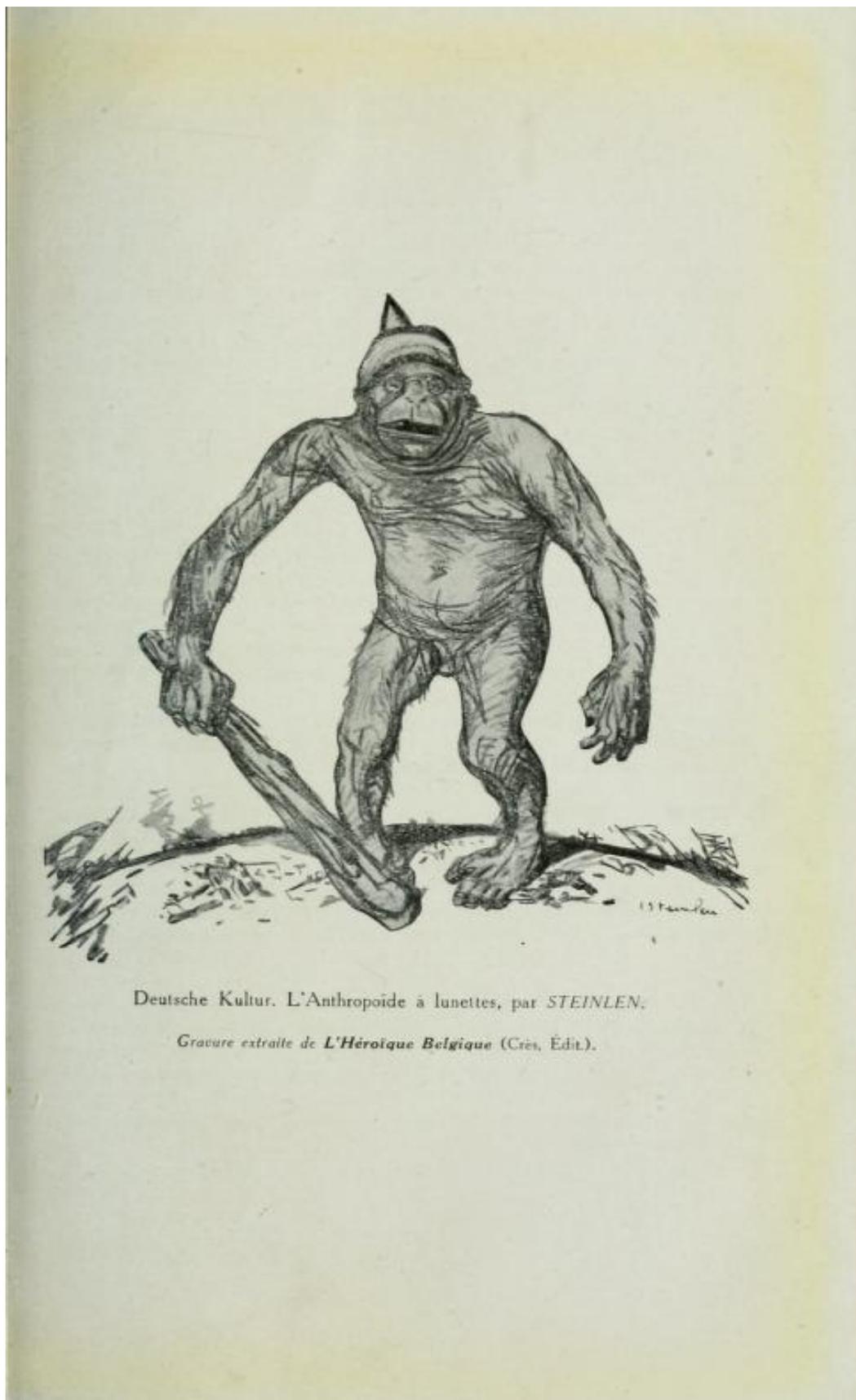
FIG. 1. — *L'appareil incendiaire portatif des Boches.*

Un récipient métallique porté à dos d'homme contient le mélange de benzine et de ligroïne; une pompe, dont le levier est actionné par la main gauche du porteur, comprime l'air du récipient et chasse le mélange incendiaire à travers le tuyau porte-jet. Celui-ci se termine par un orifice de faible diamètre muni d'un dispositif dispersant le liquide en éventail.

des pulvérisateurs du genre de ceux dont

Приложение 47

Карикатура Т. А. Стейнлена «Немецкая культура...»

Приложение 48

Обложка книги Ф. Бренье

DÉPÔT LÉGAL
DÉPARTEMENT DE L'YVELLE
N° 711
1916

8° M
17770

L'ALLEMAGNE OCCULTE

Le Vieux Dieu Allemand

PAR
FLAVIEN BRENIER

Préface de Maurice Barrès

PARIS

"ÉDITIONS & LIBRAIRIE"

40, Rue de Seine, 40

Reimpression
1916